

На великомъ изломѣ*

(Отчетъ гражданина о пережитомъ въ 1916—17 годахъ),

С. В. Завадскаго

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Нить какая-то развязана,
сочетавшая года.

Блокъ.

Февральско-мартовскій переворотъ я встрѣтилъ уже въ должности сенатора: мѣсяца за полтора до паденія стараго строя мнѣ было повелѣно присутствовать въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената.

Что вызвало уличное движеніе, повлекшее за собой переворотъ? Это, по-видимому, такъ и не выяснено до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, я нигдѣ не читалъ и ни отъ кого не слышалъ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по основному вопросу: кто руководилъ возстаніемъ?

Принято говорить: движеніе началось стихійно, солдаты сами вышли на улицю. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Да и что значить слово «стихійно»? Когда кто-либо ссылается на стихію, на случай, онъ въ сущности признается, что подлинная причина событія ему не извѣстна. «Самопроизвольное зарожденіе» еще менѣе уместно въ социологій, чѣмъ въ естествознаніи. Оттого, что никто изъ революціонныхъ вождей съ именемъ не могъ привѣснить къ движенію свой ярлыкъ, оно становится не безличнымъ, а только безымяннымъ. И безымянность эта есть, по моему, едва ли не самая характерная черта русской жизни: на западѣ безвѣстными остаются развѣ лишь изобрѣтатели вилокъ, и то не всегда, а у насъ и лучшіе старые соборы, невѣдомо кѣмъ строены, и та несомнѣнно незаурядная историческая личность, которая въ былинахъ подъ именемъ Ильи Муромца отгѣснила на задній планъ своихъ предшественниковъ Добрыню Никитича и Александра Поповича, стала мифическою. Доказать я, конечно, не въ состояніи, но самому то мнѣ очевидно, что русская государственность своимъ пожаромъ обязана какому-нибудь Герострату, а то и нѣсколькимъ большевицкаго устремленія, да только они, будучи не менѣе безумны, чѣмъ ихъ греческій предшественникъ, зовсе не заботились, въ отличіе отъ него, объ увѣковѣченіи именъ своихъ въ исторіи.

* См. Архивъ Русской Революціи, т. VIII.

И не солдаты начали движеніе. Первые беспорядки на улицахъ произошли въ Петроградѣ еще 23-го февраля ст. ст. 1917 года, въ четвергъ; это я хорошо помню; самъ я тогда ничего не видѣлъ, но вечеромъ въ тотъ же день изъ нѣсколькихъ источниковъ слышалъ, что кое-гдѣ были демонстраціи и стычки демонстрантовъ съ полиціею. Въ пятницу трамвай, въ которомъ я ѣхалъ, совершенно неожиданно, съ трескомъ, такъ что стекла зазвенѣли, а одно и разбилось, заворотилъ съ Литейнаго на какую-то боковую улицу и сталъ. Кондукторъ предложилъ всѣмъ выходить: «дальше вагонъ не пойдетъ». Пассажиры возражали, бранились, но выходили. Я до сихъ поръ вижу лицо отмалчивавшагося кондуктора: злобно-рѣшительное, какой-то волчій обликъ. Трамвайное движеніе прекратилось всюду, куда глазъ хваталъ. Пришлось идти пѣшкомъ: извозчики уже тогда «кусались», да и попадались сравнительно рѣдко*.

Шелъ я и вспоминалъ предвоенные дни 1914 года въ томъ же Петроградѣ, когда также вездѣ виднѣлись мертвые трамваи, иные съ разбитыми стеклами, а иные и бокомъ, на землѣ, около рельсовъ. Казалось, что возобновляется старая попытка. Въ субботу было, помнится, тише, но едва ли совсѣмъ тихо. Въ воскресенье 26-го я вышелъ изъ дому, предпринявъ обычное праздничное путешествіе «по Швейцаріи», то-есть отправившись дѣлать визиты, которые преимущественно сводились къ врученію визитныхъ карточекъ швейцарамъ. Принятый сенаторомъ В. А. Желиховскимъ, первоприсутствующимъ уголовнаго кассационнаго департамента, я просидѣлъ у него съ полчаса, потому что мы разговорились о предстоящемъ общемъ собраніи сената. Жилъ онъ въ Поварскомъ (или Дмитровскомъ) переулкѣ, около Стремянной. Выйдя отъ него, я услышалъ выстрѣлы; насколько можно было судить, стрѣляли на Невскомъ; туда бѣжали и люди. Туда пошелъ и я по Николаевской, такъ какъ слѣдующій мой визитъ былъ на улицѣ Жуковского. Невскій у Николаевской оказался запруженнымъ: двигалась толпа, кричали, толкались, все время щелкали выстрѣлы. Моя близорукость давно уже вытравила изъ меня уличное любопытство: какъ ни гляди — ничего не увидишь. Поэтому, убѣдившись, что пробраться тутъ нельзя, я не остался смотрѣть, а рѣшилъ попытаться пройти съ Владимірскаго; но, когда я по Стремянной вышелъ на Владимірскій и повернулъ къ Невскому, то едва не былъ сбитъ съ ногъ бѣжавшими мнѣ навстрѣчу людьми; сойдя съ тротуара, я продолжалъ было пробираться въ направленіи Невскаго, но былъ остановленъ какимъ-то помощникомъ пристава, рѣзко крикнувшимъ:

— Назадъ! Сюда нельзя! Слышите: стрѣляютъ. Что за праздное любопытство!

Городовые, конные и пѣшіе отгоняли толпу очень рѣшительно; оттого люди и бѣжали прочь.

Вынужденъ былъ повернуть и я. Сначала я хотѣлъ пересѣчь Невскій по Садовой, но дойдя до Пяти Угловъ, предпочелъ зайти по близости къ однимъ знакомымъ. У нихъ уже сидѣло нѣсколько человекъ, взволнованно передававшихъ свои впечатлѣнія. Тамъ я былъ оставленъ до вечера; тамъ я впервые услы-

* Такія бытовые подробности легко забываются, но моя память удержала, что мнѣ еще въ 1916 г. неоднократно приходилось послѣ вечера, проведеннаго у знакомыхъ, возвращаться домой «по образу пѣшаго хожденія». Припоминаются и два отдѣльных случая: одинъ профессоръ добрался домой на повозкѣ съ молокомъ, а я, торопясь на докладъ къ министру и не попавъ въ переполненные вагоны трамвая, долженъ былъ, чтобы не опоздать, доѣхать до ближайшаго извозчика на пустыхъ дровняхъ изъ подъ угольевъ: такъ и стоялъ въ дровняхъ съ портфелемъ, учась удерживать равновѣсіе при толчкахъ и на снѣжныхъ ухабахъ.

шалъ, будто бы, войска отказались стрѣлять въ народъ, будто бы, городскихъ переодѣли въ солдатскія шинели и, будто бы, городовые стрѣляли по толпѣ изъ пулеметовъ съ крышъ. Такъ быстро облетаютъ городъ слухи, такъ быстро создается и «творимая легенда». Объ этихъ пулеметахъ съ тѣхъ поръ кто только не говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, заражавшимъ слушателей; чуть ли не на каждомъ перекресткѣ были, по словамъ очевидцевъ, такіе пулеметы, изготовленные предусмотрительнымъ Протопоповымъ, или кѣмъ тамъ еще; порой, и я ловлю себя на томъ, что представляю ихъ доподлинно существовавшими; и тѣмъ не менѣе, верховная комиссія по разслѣдованію злоупотребленій стараго режима, (по крайней мѣрѣ, за первые 2½ мѣсяца своего существованія) такъ и не обнаружила дѣйствительнаго мѣстонахожденія ни одного изъ этихъ пулеметовъ.

Вечеромъ, когда я возвращался домой черезъ Чернышевскій и Троицкій мосты, улицы были почти безлюдны и беззвучны; могло казаться, что разливъ вошелъ опять въ берега, а въ это приблизительно время кн. Н. Д. Голицынъ заполнялъ данную ему заранѣе государемъ своеобразную *lettre de cachet* — бѣлый листъ съ подписью внизу «Николай»: послѣдній предсѣдатель царскаго совѣта министровъ вписывалъ въ этотъ бланкъ высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ созыва государственной думы*.

Слѣдующій день, 27 февраля, былъ понедѣльникъ, когда не выходили ни «Правительственный Вѣстникъ», ни «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства». Гдѣ появилось составленное кн. Голицынымъ царское повелѣніе, — я не помню. Но уже утромъ по Петрограду вѣсть, что Государственная Дума «разогнана», а Протопоповъ облеченъ чрезвычайными полномочіями. Вслѣдъ за этою новостью — другая: волынкій полкъ перебилъ командный составъ и куда то направился изъ своихъ казармъ, чуть ли не прямо въ Таврической Дворецъ — защищать Думу. Затѣмъ третья: толпа вломилась въ домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной и выпустила всѣхъ арестантовъ, въ подавляющемъ числѣ не политическихъ, а общеуголовныхъ. Кто-то мнѣ тогда же рассказывалъ, что видѣлъ Манасевича-Мануйлова, подобравшаго полы арестантскаго халата и старавшагося, какъ можно незамѣтно и скорѣе, куда-нибудь скрыться. Но не всѣ заключенные торопились убѣжать: часть ихъ, къ которой примкнулъ и сумасшедшій Хрусталева-Носарь, сгрудилась по сосѣдству около зданія Окружнаго суда на Литейномъ и подожгла это зданіе**. Въ людскую кашу, куда замѣшались и просто глазѣвшіе на пожаръ, пробрался бывший мой секретарь В. Н. Свидерскій, тогда помощникъ юрисконсульта министерства финансовъ. Онъ вслухъ сталъ выражать сожалѣніе, что гибнетъ лабораторія судебной экспертизы и нотаріальный архивъ. Его, казалось, слушали участливо, но онъ, увлекшись своею рѣчью, пояснилъ, для чего нуженъ этотъ нотаріальный архивъ. Тогда одинъ пожилой человекъ мрачнаго вида, по внѣшности — рабочій, сердито сплюнулъ и внушительно возразилъ:

— Эхъ, чтобъ тебя и съ архивомъ твоимъ! Дома и землю сумѣемъ сами раздѣлить и безъ твоего архива!

* Установлено верховною комиссіею.

** Никто не препятствовалъ жечь судъ, никто, кажется, и не тушилъ пожара. Уже на третій день я самъ видѣлъ, какъ догоралъ огонь въ полуподвальномъ помѣщеніи, спустившись туда, видимо, постепенно и неспѣшно съ верхняго этажа, откуда началъ свое разрушительное дѣло. Не могу удержаться и упомяну кстати здѣсь для любителей таинственныхъ совпаденій и предчувствій, что жена моя еще 9 февраля говорила мнѣ о томъ, какой странный сонъ она видѣла ночью: ей снилось, будто она ѣдетъ по Литейному мосту и видитъ передъ собою огромный пожаръ и взволнованное море людей.

Свидерскій понялъ, что лучше замолчать.

Я буду очень озадаченъ, если мнѣ докажутъ, что выходъ волынцевъ и поджогъ окружного суда былъ обусловленъ расправою правительства съ государственною думою. Мнѣ болѣе, чѣмъ только кажется, что всѣ беспорядочныя событія съ 23 по 27 февраля включительно были проявленіями во внѣ раскачиванія всяческихъ низовъ посредствомъ толчковъ отовсюду, плохо согласованныхъ другъ съ другомъ, а то и вовсе независимыхъ другъ отъ друга, производимыхъ въ смутной надеждѣ, авось народныя волны какъ-нибудь и гдѣ-нибудь прорвутъ плотину стараго порядка. Но несомнѣнно, что неудачная мѣра кн. Голицына существенно помогла этимъ толчкамъ: плотина была прорвана именно на участкѣ государственной думы, потому что тутъ поспособствовала сама дума, въ порывѣ негодованія на правительственное насиліе, не разсчитавъ своихъ силъ и не учтя ни времени, ни окружающей обстановки. А разъ государственная дума вступила на революціонный путь, всѣ революціонныя волны устремились въ ея лоно. Правда, къ ней примостился (я не боюсь рѣзкихъ словъ, когда они точно выражаютъ отгѣнокъ мысли) воскресшій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но не мое только впечатлѣніе, а впечатлѣніе многихъ уравнивленныхъ и, на взглядъ мой, не глупыхъ людей, было таково, что звѣзда совѣта меркла первое время въ лучахъ думскаго комитета. Не случайно совѣтъ помѣстился въ Таврическомъ дворцѣ, а не въ другомъ какомъ-либо зданіи.

Я и до сихъ поръ остаюсь при мнѣніи, что временный комитетъ думы обладалъ тогда такою полнотою власти духовной и физической, что безъ существенныхъ затрудненій могъ взять подъ стражу членовъ совѣтскихъ комитетовъ, въ средѣ которыхъ, кстати сказать, не было ни одного Троцкаго. Этого думцы не сдѣлали, да къ тому же сами подтвердили голицынское мѣропріятіе, и сразу, помимо какого-либо оффиціального акта, упразднили думу, какъ учрежденіе, вслѣдствіе чего, временный комитетъ думы, а потомъ временное правительство оказались висящими надъ пропастью, держась, подобно путнику въ стихотвореніи Жуковскаго, за кустъ, корни котораго усердно подтачивали мыши изъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и (теперь уже) солдатскихъ депутатовъ. Я допускаю, что составъ исполнительнаго комитета тогда не былъ въ общемъ неустово лѣвымъ, но самое существованіе двухъ независимыхъ другъ отъ друга правительствъ не могло не подрывать значеніе того изъ нихъ, которое возглавляло собою все движеніе.

Впрочемъ, и то сказать, что думскій комитетъ долженъ былъ тогда оглядываться не только налѣво, но и направо; въ то время и для него оставалось еще подъ большимъ вопросомъ, будетъ ли и какъ скоро сметенъ старый строй за предѣлами Петрограда, гдѣ побѣда возставшимъ далась такъ нелѣпо легко, что естественно казалась непрочною. Со словъ Максима Горькаго знаю, что и онъ усумнился было въ благопріятномъ для революціи исходѣ вспышки. Онъ рассказывалъ, что 28-го февраля, во вторникъ, зала Таврическаго дворца, выходящая окнами на замерзшій прудъ сада, была переполнена разнымъ народомъ, когда по близости на Шпалерной раздались выстрѣлы*; и вотъ, солдаты какого-то возставшаго полка, бывшіе въ залѣ, стадомъ бросились, толкая и давя другихъ присутствующихъ, къ окнамъ, выбили стекла и выскочили на ледъ

* Кто стрѣлялъ — неизвѣстно. Горькій говорилъ: «стрѣлялъ изъ пулемета одинокій городовой». Но тогда всѣ мы были убѣждены въ существованіи вышекъ, съ которыхъ «работали пулеметами» городовые, выполняя заранѣе данное начальствомъ приказаніе.

пруда; тонкій ледъ не выдержалъ тяжести храбрецовъ и подломился; хорошо еще, что прудъ былъ не глубокой, а потому они отдѣлались только ванной. У Горькаго тогда было такое ощущеніе, что все потеряно: «и на кого мы оперлись, и какъ же мы съ такими солдатами выдержимъ натискъ настоящей воинской части, которая останется вѣрной царю?»

Я пытался нести служебныя обязанности попрежнему: ходилъ въ сенатъ, уже не черезъ Троицкій, а черезъ Дворцовый мостъ; ходилъ въ лицей, уже не по Каменноостровскому, а боковыми улицами. По Троицкому мосту часто не пропускали, а разъ было и такъ, что мой зять, жившій тогда у меня, долженъ былъ подъ градомъ пуль, свистѣвшихъ надъ мостомъ, лечь съ другими пѣшеходами у рѣшетки и остаться въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Каменноостровскій также былъ мѣстами непроходимъ: автомобили, красные флаги, возбужденныя лица и беспорядочная стрѣльба.

Но дѣло у меня валилось изъ рукъ: подавленъ я былъ до послѣдней степени. Да и какъ же могло быть иначе? Русскій домъ, по моему, нуждался въ большой перестройкѣ, и въ этой работѣ я бы съ радостью принялъ участіе, пусть бы самое скромное. Но теперь кто-то его валитъ, валитъ несвоевременно и, повидному, безъ всякаго плана. Развѣ можно оперировать человѣка на бѣгу или въ часъ тяжелой борьбы? Это уже не операція, а зарѣзъ. И такъ, я долженъ на время прикнуть къ тѣмъ, что твердятъ о совершенной ненужности не только операцій, но и какого либо леченія, ни при какихъ условіяхъ? А если я слишкомъ испуганъ? Если переворотъ такъ назрѣлъ, что пройдетъ почти безболѣзненно и безпрепятственно? Пусть переворотъ смететъ меня, какъ слугу стараго режима, — развѣ я о себѣ забочусь? Лишь бы родинѣ стало лучше. А присяга? Вѣдь я присягалъ императору Николаю II. Но ему ли я присягалъ? Я присягалъ главѣ государства, которое является моимъ отечествомъ, и, если благо отечества неосуществимо при сохраненіи за императоромъ престола, то... Но кто съ увѣренностью скажетъ, что пути государя и родины разошлись окончательно и непоправимо?

Я позволилъ себѣ привести здѣсь беспорядочную толчею моихъ мыслей въ самомъ началѣ революціи, такъ какъ имѣю много основаній утверждать, что не я одинъ крутился тогда въ ихъ зломъ вихрѣ: быть можетъ, я невольно преувеличиваю, глядя въ свои очки, но мнѣ сдается и теперь, что въ то время не малое число людей изъ тѣхъ круговъ общества, съ которыми я преимущественно соприкасался, чувствовали себя растерянными; и говорю я не о тѣхъ лицахъ, которыя были удовлетворены олигархіей, расцвѣтшею у насъ подъ вывѣской монархіи, а именно о тѣхъ, кто далеко не былъ ею доволенъ.

Я не хочу замалчивать своихъ слабостей, и со стыдомъ долженъ сознаться, что отреченіе царя, о которомъ я услышалъ въ пятницу, 3 марта, вырвало у меня вздохъ облегченія. Чувство мое было, нѣтъ спора, эгонстическое: я выходилъ изъ тупика, для меня стало проще. Но я всегда чувствовалъ себя патриотомъ гораздо болѣе, чѣмъ интеллигентомъ (въ общепринятомъ узкомъ смыслѣ этого слова), неизмѣнно исповѣдуя, что космополитизмъ есть извращеніе перспективы чувства, и что ссылкою на любовь ко всему человечеству безъ разбора чаще всего прикрывается желаніе освободиться отъ насущныхъ обязанностей, налагаемыхъ на человѣка любовью къ своимъ и своему. А потому облегченіе я чувствовалъ недолго: въ отреченіи и великаго князя Михаила Александровича, какъ ни старался — даже вслухъ — примирить себя съ этимъ, чудилась мнѣ угроза будущему. Я разсуждалъ такъ: если великій князь хотѣлъ непременно

подчиниться волѣ предстоящаго учредительнаго собранія (противъ чего у меня возраженій не было), то онъ могъ бы принять царскій вѣнецъ впредь до разрѣшенія въ учредительномъ собраніи вопроса о формѣ верховнаго правленія Россіи; тогда лѣвымъ вѣтрамъ, казалось, было бы у насъ меньше простора, вѣроятность побѣды надъ нѣмцами стала бы значительнѣе, да и самые выборы въ учредительное собраніе прошли бы при менѣе взбудораженныхъ нервахъ и распаленныхъ страстяхъ. Впрочемъ, «le vin est tiré, il faut le boire», и я прилагалъ всѣ усилія заглушить свою тревогу русскими: «образуется» и «перемелется — мука будетъ». Кругомъ меня многіе, бывшіе революціонерами столь же мало, какъ и я, радовались безоглядно и, по всей вѣроятности, искренно, отъ души: первоначальная растерянность быстро проходила. Но я такъ и ни разу не сказалъ: «наша революція», и ни разу не нацѣпилъ на себя краснаго банта. На восхваленія «безкровной» революціи я отвѣчалъ, что она еще только началась, а чѣмъ кончится, пока — неизвѣстно, и что теперь уже безкровною назвать ее нельзя: кровь офицеровъ, убитыхъ солдатами, и городовыхъ, избиваемыхъ всякимъ, кто хотѣлъ, были для меня видны и на красномъ. И, какъ то разъ, собесѣднику, стоявшему на томъ, что все таки крови пролито, слава Богу, мало, я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ эпитетомъ революціи должно быть слово не «безкровная», а развѣ «малокровная».

Особенно волновало меня, что временное правительство начало съ повторенія коренныхъ ошибокъ павшаго строя: царскіе министры не умѣли отмежеваться отъ крайнихъ правыхъ, а новые правители не умѣютъ отмежеваться отъ крайнихъ лѣвыхъ; тѣ завалились на правый бокъ; такъ, значитъ, эти завалятся на лѣвый бокъ; и, кромѣ того, старый режимъ не понималъ надобности въ раздѣленіи властей законодательной и исполнительной, а новый режимъ смѣшалъ ихъ еще болѣе, да еще и верховную власть съ ними слилъ воедино. Что бы ни писали гогенцоллернствовавшіе нѣмцы, я всегда былъ и теперь остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи Монтескье въ ея основахъ: пока исполнительная власть (въ абсолютной монархіи) и законодательная (во многихъ конституціонныхъ странахъ) имѣютъ возможность давить на судъ или пока исполнители въ правѣ законодательствовать, до тѣхъ поръ о гражданахъ въ государствѣ приходится говорить съ болѣе или менѣе значительнымъ преувеличеніемъ, а вѣдь временное правительство намѣревалось обращаться именно къ гражданамъ, то есть, по моему, ждало тепличныхъ плодовъ, не вставивъ стеколъ въ теплицѣ.

Но надежда умираетъ въ человѣкѣ послѣднею, а вѣрится такъ охотно, чему вѣрить хочется, и я, сидя у себя въ кабинетѣ и перебирая дневныя впечатлѣнія, въ видѣ ли катившихся мимо меня грузовиковъ съ торчавшими на нихъ стоймя матросами и солдатами, въ видѣ ли нелѣпыхъ обысковъ* и незаконныхъ арестовъ, или же въ видѣ обгорѣвшихъ зданій суда и полицейскихъ участковъ**, только давалъ себѣ слово работать, гдѣ придется и куда попаду,

* Въ моей квартирѣ, — Богъ миловалъ, — обыска не было, но моимъ сослуживцамъ далеко не всѣмъ такъ посчастливилось. У В. Н. Середы, о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, обыски слѣдовали одинъ за другимъ, причемъ вооруженные солдаты не стѣснялись просить (правда, пока только просить) «на чай» за свои революціонные труды. Измученный непрерывностью обысковъ, онъ настоялъ, чтобы обыскивающіе дали ему, наконецъ, записку, удостовѣряющую, что обыски ничего не обнаружили. Эту записку я видѣлъ: полуграмотныя каракули и подпись: «членъ партіи леуцыноровъ Семеновъ».

** Одинаковая участь суда и кутузокъ, то обстоятельство, что толпа и черезъ полвѣка работы русскаго суда не восприняла разницы между XVI и III томами свода зако-

съ наиболѣе возможнымъ для меня напряженіемъ, не оглядываясь ни налѣво, ни направо и не обманывая своей совѣсти, какъ бы это трудно ни было: лишь такая работа, думалось мнѣ, нужна теперь родинѣ надъ обрывомъ.

Я пишу не исторію, а личные воспоминанія, и потому полного воспроизведенія, хотя бы лишь одной петроградской жизни при временномъ правительствѣ, далѣе дано быть не можетъ; все, что я припомню, будетъ мною размѣщено главнымъ образомъ въ двѣ главы: о томъ, что происходило тогда въ министерствѣ юстиціи, и о томъ, что я пережилъ въ Верховной комиссіи.

«Печаленъ будетъ мой рассказъ».

I. ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ

Въ министерство юстиціи отъ новаго правительства явился сперва, въ качествѣ комиссара, В. А. Маклаковъ съ какимъ то другимъ членомъ думы. Я, конечно, тамъ не былъ, но тогда же слышалъ отъ мужа моей сестры, занимавшаго въ то время мѣсто директора второго департамента министерства, что В. А. Маклаковъ не скрывалъ ни своего отказа занять постъ министра юстиціи, ни своихъ опасеній за будущее; онъ даже, оглянувшись на вошедшаго товарища — курьера, сказалъ по французски: *le danger est à gauche*.

Теперь ужъ не помню, въ тотъ же ли день или на слѣдующій, въ должность министра юстиціи вступилъ А. Ѡ. Керенскій. Онъ черезъ моего зятя передалъ мнѣ, что хочетъ меня видѣть и проситъ зайти въ министерство.

Удивился я этому очень. Керенскаго я ни разу въ своей жизни не видѣлъ и не слышалъ: въ государственной думѣ, занятый изо дня въ день своей работой, я былъ всего одинъ разъ, еще весною 1911 года, когда Столыпинъ давалъ объясненія по поводу искусственнаго трехдневнаго роспуска законодательныхъ палатъ, а въ политическихъ процессахъ я обвинителемъ не выступалъ, тогда какъ Керенскій почти исключительно занимался ими. Разумѣется, если я не слышалъ Керенскаго, то слышалъ о немъ: не далѣе, какъ въ декабрѣ предыдущаго года, жена моя, обладающая умѣньемъ живо рассказывать, картинно воспроизводила думскую битву, въ которой Керенскій игралъ первую роль и такъ игралъ, что вынудилъ тяжеловѣснаго Родзянко сойти съ предѣдательской кафедры и прервать засѣданіе; но скандаламъ въ думѣ ни справа, ни слѣва я не сочувствовалъ, а то обстоятельство, что новый министръ былъ одновременно товарищемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, еще менѣе могло меня расположить къ нему.

новъ, наводило на грустные размышленія: не закрывая глазъ на ошибки отдѣльныхъ представителей судебнаго вѣдомства, вольныхъ и невольныхъ, давая себѣ ясный отчетъ, что травля суда слѣва дѣйствуетъ на широкіе круги городского населенія, сверху до низу, гораздо сильнѣе травли справа, и зная, что въ обществѣ не разбираются ни въ дѣйствительномъ значеніи независимости, гласности и состязательности суда, ни въ цѣнности института присяжныхъ засѣдателей, ни въ истинномъ характерѣ дѣятельности прокуратуры, — я тѣмъ не менѣе, очевидно, по слѣпой наивности ласкалъ себя надеждою, что разница между судомъ, хотя бы и несовершеннымъ, но все таки судомъ, и безсудіемъ, болѣе или менѣе совершеннымъ, достаточно для большинства очевидна. Оказалось, что я грубо ошибался и надъ могилою русскаго суда осиноый колъ вбитъ руками не однихъ только большевиковъ.

На мой недоумѣнный вопросъ зять пояснилъ, что вызовъ, по мнѣнію чиновъ министерства, означаетъ предложеніе быть товарищемъ министра. Такое мнѣніе не имѣло подъ собою почвы, но возникло совершенно естественно: министромъ явился человекъ, до дикости чужой, такъ что невольно мечталось, хоть въ одномъ изъ его товарищей увидѣть до извѣстной степени своего*, все таки привычную фигуру. Этимъ только и объясняется, что мой зять, бывший всегда правѣ меня, совѣтовалъ мнѣ, если предложеніе послѣдуетъ, не отказываться отъ него.

Свидѣлся я съ Керенскимъ 4 марта, въ субботу. Уже идя къ нему, я давалъ себѣ ясный отчетъ, что ни онъ мнѣ не предложитъ мѣста товарища министра, ни я не могу принять такого предложенія** ; но, во власти охватившихъ меня мыслей, я твердо рѣшилъ не отказываться отъ исполненія отдѣльныхъ порученій законодательнаго или ревизіоннаго характера: не будучи ослѣпленъ русскимъ судомъ, я былъ преданъ душою его дѣлу, гордился его подвигами, болѣлъ его невзгодами и за плечами имѣлъ двойной судебный опытъ, мой лично и моего отца, самаго близкаго мнѣ по духу и убѣжденіямъ человека, отдававшего всего себя вопросамъ лучшей постановки отправленія правосудія въ Россіи.

Керенскій принялъ меня въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ я уже давно не бывалъ, куда обыкновенно являлись представляться, а не по дѣламъ; но Керенскій, арестовавъ своего предшественника, сенатора Добровольскаго, пока оставилъ его семью въ казенной квартирѣ и потому не сразу могъ воспользоваться большимъ кабинетомъ, расположеннымъ не въ помѣщеніи министерства (съ Екатеринбургской), а въ квартирѣ министра (съ Итальянской).

Новый министръ, молодой, худощавый, бритый, въ гимназической курточкѣ, встрѣтилъ меня вопросомъ, какой я сенаторъ Завадскій, бывший ли попечитель округа*** или бывший прокуроръ палаты. Узнавъ, что я тотъ, кого ему нужно,

---

* Вполнѣ «своимъ» для центрального управленія министерства юстиціи я не былъ; прослуживъ тамъ короткое время въ юрисконсультской части, я впослѣдствіи уклонился отъ возвращенія на Екатеринбургскую улицу. Я всегда считалъ, что министерство юстиціи не понимаетъ своего отношенія къ судебному вѣдомству: я ни отъ кого не скрывалъ, что признаю работу министерства на три четверти совершенно бесполезной, а порой и прямо вредной.

** Почему Керенскій не могъ взять меня товарищемъ, онъ самъ сказалъ мнѣ почти тѣми же словами, какъ думалъ и я. А я не могъ стать его товарищемъ потому, что идти на эту должность, безъ договора съ министромъ и безъ увѣренности въ точномъ соблюденіи договора со стороны министра, было верхомъ неразумнаго честолюбія, а договориться и взвѣшивать осуществимость обѣщаннаго нельзя, если не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Хочу здѣсь отмѣтить, что Протопоповъ, ставъ министромъ и никогда не видѣвъ меня, остановился на мнѣ, какъ на одномъ изъ своихъ товарищей по должности, и, видимо, долго не могъ усвоить себѣ доводы В. А. Бальца, объяснявшаго ему, отчего я не приму такого предложенія. Чтобы подчеркнуть всю неосновательность этого человека, думавшаго править Россіей, добавлю, что онъ предполагалъ сдѣлать меня товарищемъ министра, заиѣдующимъ . . . полиціею, и, за моимъ и В. А. Бальца отказомъ, замѣстилъ эту должность . . . генераломъ Курловымъ.

*** Я только впослѣдствіи понялъ, почему Керенскій выказалъ такую осторожность. Изъ четырехъ сенаторовъ Завадскихъ (отца, двухъ его братьевъ и меня) въ живыхъ тогда было двое. Дядя мой М. Р. Завадскій, бывший попечитель Тифлискаго учебнаго округа, когда-то ревизовалъ стоявшаго во главѣ Тацкеитскаго учебнаго округа, на правахъ попечителя, отца Керенскаго и остался во многомъ недоволенъ его дѣйствіями. Керенскій, видимо, любилъ своего отца и не умѣлъ сохранить безпристрастія въ его дѣлѣ, а потому шталъ къ моему дядѣ нерасположеніе. Немного спустя, при заполненіи сената новыми лицами, онъ предложилъ дядѣ черезъ сенатора Э. А. Эрштрема, первоприсут-

онъ объяснилъ, что просить моего сотрудничества, въ чемъ оно потребуется. Такая просьба, прибавилъ онъ, должна была бы въ обычныхъ условіяхъ сопровождаться предложеніемъ соответствующаго мѣста, но онъ надѣется, что я пойму исключительность момента: на должностяхъ товарищей министра теперь могутъ быть только общественные дѣятели. Я отвѣтилъ, что эта оговорка совсѣмъ излишняя, такъ какъ я предпочитаю предоставить въ его распоряженіе свой служебный опытъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ. Не помню, спросилъ ли я Керенскаго, почему онъ обращается ко мнѣ, или и безъ вопроса мое недоумѣніе сказалось достаточно ясно; какъ бы то ни было, онъ въ началѣ же нашего разговора упомянулъ, что имѣетъ обо мнѣ отзывы какъ о судебномъ дѣятелѣ, работавшемъ честно и законно. Кто далъ ему отзывъ, онъ не открылъ мнѣ*, а добавилъ кое что, чуть не испортившее все дѣло: онъ позволилъ себѣ сказать, что моя дѣятельность была безупречной,

ствовавшего въ четвертомъ департаментѣ (гдѣ засѣдалъ и дядя), перейти въ общее собраніе (которое предполагалось вскорѣ упразднить), прибавивъ (какъ передавалъ Э. А. Эрштремъ): «А за что, онъ самъ знаетъ». На письмо дяди Керенскій не отвѣтилъ, и потому я въ правѣ полагать, что онъ властью министра воспользовался для сведенія домашнихъ счетовъ.

* Я знаю, что своими воспоминаніями хороню себя во мнѣніи и правыхъ, и лѣвыхъ. Но я хочу непременно выявить здѣсь всю правду, поскольку она мнѣ доступна. И потому, избѣгая сознательнаго замалчиванія, не скрою, что Керенскому меня рекомендовалъ, какъ стало извѣстно мнѣ очень скоро, Максимъ Горькій, который теперь, по видимому, сталъ рѣшительно неприемлемымъ для представителей всѣхъ безъ изъятія политическихъ теченій. Горькій, конечно, не могъ судить, какой я юристъ и судебный дѣятель; и почему его отзывъ принять былъ Керенскимъ во вниманіе, мнѣ такъ и осталось неизвѣстно. Знакомство же мое съ Горькимъ началось въ домѣ доктора И. И. Манухина. Съ докторомъ я сдружился еще въ 1910 году, когда онъ лечилъ моего отца. А Горькій питалъ къ доктору большую пріязнь на почвѣ благодарности за излеченіе отъ чахотки. Я никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ таланта Горькаго, но, не страдая корридорностью литературнаго вкуса, не закрывалъ глазъ на то, что талантъ у Горькаго несомнѣнно есть, и притомъ своеобразный. Знаменитостей я боюсь не меньше, чѣмъ власть имущихъ: власть портить и слава портить. А потому будучи простымъ смертнымъ, да еще и не имѣя потребности идолопоклонничать, я старательно избѣгалъ близкаго общенія съ божками, которые бы смотрѣли на меня сверху внизъ. При первой встрѣчѣ Горькій не показался мнѣ въ благопріятномъ свѣтѣ: сидѣлъ насупившись, говорилъ неохотно и, отозвавшись неодобрительно объ Исаакіевскомъ соборѣ, совсѣмъ, по моему, неудачно выразился, что Богъ, которому такой храмъ выстроенъ, представляется ему жестокимъ, злымъ, ощерившимся; и самъ Горькій при этомъ ощерился и подперъ подбородокъ кулакомъ. Но уже со второй встрѣчи я почувствовалъ къ Горькому душевное расположеніе за его скромность и простоту, не напускную, а естественную: онъ умѣлъ слушать чужіе рассказы и выслушивать возраженія, хотя бы и нелѣпыя, не вымогалъ восхваленій, даже съеживался отъ нихъ и не требовалъ для себя непременно и всюду перваго мѣста. Горькій зналъ, что я не социалистъ и не революціонеръ, но это не мѣшало ему отвѣчать мнѣ, по видимому, также расположеніемъ, которое не прекратилось и послѣ того, какъ я уклонился отъ его предложенія напечатать свой переводъ «Царя Эдипа» Софокла въ «Лѣтописи». Я бывалъ у него и въ Мустомьякахъ, и на Кронверкскомъ; былъ и онъ у меня, хотя тогда я какъ разъ состоялъ прокуроромъ судебной палаты. Ни жадности къ обогащенію, ни стремленія къ верховенству я у него не замѣчалъ и не вѣрю, чтобы они могли появиться потомъ. Чужая душа — потемки, и я не знаю, что дѣлалъ Горькій при большевикахъ; но — пусть на меня ополчатся, безъ различія правыхъ и лѣвыхъ, всѣ мои единомышленники по борьбѣ съ большевиками — ничего жестокаго и человѣконенавистическаго въ дѣятельности лично Горькаго за эти годы я не слышалъ и не читалъ; онъ — большевикъ, и ему естественно было остаться въ ихъ рядахъ, чтобы употреблять всѣ усилія на работу по упорядоченію и очеловѣченію большевистскаго властвованія: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*. Дѣля большевиковъ на слѣпыхъ и нечестныхъ, я причисляю Горькаго (и мнѣ еще не доказали, что я ошибся) къ первому разряду.

«насколько это было возможно въ условіяхъ службы при самодержавіи». Мигъ, — и я бы вспыхнулъ; но большимъ усиліемъ воли заставилъ себя сдержаться и отвѣтилъ только, что ни разу еще не встрѣчалъ надобности въ сдѣлкахъ со своими убѣжденіями. Я и теперь полагаю, что поступилъ правильно: развѣ я шелъ помогать лично Керенскому? Я считалъ себя обязаннымъ быть, въ мѣру силъ и разумѣнія, полезнымъ родинѣ, а что думаетъ Керенскій о моей прежней службѣ, такъ же безразлично, какъ и то, что я думаю о его прежней дѣятельности: мы не подѣ общей вывѣской собирались работать*. Во всякомъ случаѣ, ни это замѣчаніе новаго министра, ни обнаруженное имъ вслѣдъ затѣмъ незнаніе чего-то (къ сожалѣнію, чего именно, не могу вспомнить) довольно существеннаго въ судебной области не испортило общаго впечатлѣнія, которое у меня къ концу нашего разговора сложилось въ пользу моего собесѣдника: простота, видимая искренность, горячее желаніе служить родинѣ, готовность выслушивать чужія мнѣнія, — все это было мнѣ по душѣ. Хотя на первый разъ онъ попросилъ моей помощи лишь въ видѣ сопутствованія ему, на слѣдующій день, въ Зимній дворецъ для пріема его въ вѣдѣніе временнаго правительства, я не уклонился и отъ этой услуги, явно не требовавшей особыхъ юридическихъ познаній, питая надежду, что потомъ удастся быть полезнымъ именно судебному дѣлу и, дастъ Богъ, въ существенномъ**.

* Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Керенскій былъ далекъ отъ желанія «поставить меня на мѣсто», показать мнѣ настоящую въ его глазахъ мою цѣну; иначе онъ бы ко мнѣ едва ли обратился съ просьбой о сотрудничествѣ. Упомянулъ же онъ о давленіи сверху просто потому, что преувеличивалъ его, судя, какъ я теперь думаю, по тяжести партійнаго давленія на отдѣльныхъ членовъ партіи, особенно революціонно-боевой, къ которой самъ принадлежалъ. Тогда и всѣ вокругъ преувеличивали мѣру воздѣйствія на судъ, со стороны правительства. Въ дѣйствительности былъ подборъ судей, изъ единомышленниковъ и угодливыхъ, чѣмъ грѣшило затѣмъ и временное правительство; но судья и даже прокуроръ, умѣвшіе работать и не желавшіе ни отдаваться пристрастію, ни продавать свое первородство за чечевичную похлебку, могли — я это утверждаю съ полнымъ убѣжденіемъ — служить подлинному правосудію, хотя порою за то и страдали; нажима на всѣхъ и всюду не было, потому что сами нажиматели были отравлены со школьной скамьи теоріями о независимости суда и, въ отличіе отъ безшабашныхъ большевиковъ, оглядывались на Западъ. Конечно, адвокаты, какъ стоявшіе близко къ суду, могли бы уберечься отъ такой ошибки, но отъ нея не убереглись даже наиболѣе уравновѣшенные; вообще, отношеніе адвокатуры къ магистратурѣ, какъ и наоборотъ, было далеко неспокойное, и объясняется это просто: дѣло правосудія — тяжелое, требующее всего ума и всего сердца; нервы напрягаются и не выдерживаютъ, и тогда легко чужіе недостатки преувеличить, а чужія достоинства даже вовсе не замѣтить. Да и чувствительнѣе недостатки: они, какъ ухабы, встряхиваютъ. И правъ былъ разсудительный мужикъ, сказавшій: не поѣшь хоть три дня — никто не знаетъ, а опьянѣешь всего на одинъ часъ — всѣмъ видно. Въ частности, судьи и прокуроры (а они тѣснѣе были связаны службою) также не вполиѣ ладили другъ съ другомъ, и я постоянно долженъ былъ напоминать юнымъ товарищамъ прокурора, что они обязаны суду почтеніемъ, хотя бы только виѣшнимъ.

** Приведу адѣсь ничтожный, но не лишенный характерной для того времени окраски эпизодикъ. Швейцаръ министерства Моисеевъ былъ мнѣ извѣстенъ еще съ тѣхъ давнихъ поръ, когда состоялъ курьеромъ при моемъ отцѣ въ бытность его директоромъ второго департамента. Малый толковый и расторопный, но весьма «себѣ на умѣ», онъ меня, тогда совсѣмъ еще юнца, упорно титуловалъ «Превосходительствомъ», пока отецъ стоялъ у власти и рѣшительно «разжаловалъ», какъ только отецъ ушелъ въ сенатъ. Ставъ прокуроромъ палаты и часто бывая въ министерствѣ, я «возобновилъ прежнія отношенія» съ Моисеевымъ, и онъ, будучи, видимо, доволенъ моими подачками «на чай», всегда рьяно снималъ съ меня верхнее платье. А тутъ, въ это мое посѣщеніе министерства, Моисеевъ кивнулъ мнѣ издали головой и предоставилъ мнѣ снять шубу самому. Я ничего не имѣлъ противъ и, уходя, также самъ надѣлъ ее. Однако, Моисеевъ открылъ мнѣ двери

На другой день было воскресенье, 5-го марта. Утромъ, я, какъ условился съ Керенскимъ, явился въ министерство, пустое и пустынное, уже плохо подметенное. Оказалось, что Керенскій и его товарищъ по должности А. С. Зарудный ночевали на службѣ и пили тамъ утренній чай по студенчески. Министру поданъ былъ автомобиль, и мы поѣхали... вчетверомъ, не считая шоффера: Керенскій и я на заднемъ сидѣннѣ, М. А. Карауловъ въ страшной палахѣ на переднемъ* и какой-то нижній чинъ рядомъ съ шофферомъ. Ъхали мы почему-то черезъ Невскій; на углу Садовой автомобиль смаху сталъ, а нижній чинъ соскочилъ и побѣжалъ куда-то въ сторону. Керенскій спросилъ шоффера въ трубку, что это значитъ, и получилъ отвѣтъ, что солдатъ приказалъ остановиться, такъ какъ ему надобно купить себѣ газету. Лицо министра вспыхнуло, и онъ крикнулъ:

— Что это за безобразіе. Поѣзжайте дальше немедленно. Пусть онъ пѣшкомъ идетъ.

Мы молчали. Керенскій, обернувшись ко мнѣ, уже спокойнымъ голосомъ сталъ какъ бы оправдываться въ своей горячности. Я отвѣтилъ ему со всею искренностью, что одобряю его поступокъ: распущенность не свобода и невѣжливость не равенство.

Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ два раза: въ молодости, «на правахъ туриста», съ разрѣшенія гофмаршала графа Бенкендорфа, и затѣмъ въ 1911 году, на царскомъ обѣдѣ, данномъ по случаю двухсотлѣтія сената. Оба раза дворцовая прислуга невольно обращала на себя вниманіе, я бы сказалъ, смѣсью вышколенности съ неторопливою важностью. Теперь — растерянность, но безъ угодливой суетливости. Когда Керенскій объявилъ, что онъ министръ юстиціи, придворные лакеи стали титуловать его высокопревосходительствомъ, и каждый былъ видимо озадачиваемъ возраженіемъ Керенскаго, что его надлежитъ именовать (кажется, не ошибаюсь): «господинъ министръ». Помню, какъ одинъ лакей, очень пристойнаго вида, обмолвился «высокопревосходительствомъ», сейчасъ же поправился, сказавъ: «виноватъ, господинъ министръ», и снова допустилъ ту же обмолвку, явно по застарѣлой привычкѣ. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ Керенскому понадобилось сбивать придворную прислугу съ толку и, не вытерпѣвъ, сказалъ ему объ этомъ. Но послѣ того онъ только сталъ объяснять лакеямъ, что не имѣетъ чина, сопряженнаго съ титуломъ высокопревосходительства; конечно, отъ такого поясненія лакеямъ не стало легче: настолько въ ихъ представленіи съ должностью министра срослось титулованіе высокопревосходительствомъ.

Кто къ намъ вышелъ изъ старшихъ чиновъ, уже не помню. Мы обошли дворецъ, но далеко не весь: конечно, поводыри наши руководили каждымъ нашимъ шагомъ. Керенскій спрашивалъ, кажется, объ императорскихъ регаліяхъ; что именно—я забылъ, какъ забылъ и отвѣтъ; припоминается смутно, что въ одной залѣ намъ было указано стекло окна, пронизанное пулей въ дни возстанія. Признаюсь, я чувствовалъ какое-то «не по себѣ» въ этомъ дворцѣ, ставшимъ теперь безхозяйнымъ, и мнѣ хотѣлось поскорѣе очутиться за его стѣнами.

Керенскій заговорилъ со мной и сказалъ, что желаетъ объявить Зимній

и обнаружилъ желаніе не пожать мою руку, а получить въ свою руку. Но и я ограничился кивкомъ головы. Со слѣдующаго дня онъ попрежнему снималъ съ меня шубу и по прежнему получалъ отъ меня «на чай».

* Членъ государственной думы, потомъ атаманъ Терскаго казачьяго войска, звѣрски убитый солдатами на какой-то станціи близъ Владикавказа.

дворецъ перешедшимъ въ собственность государства. Видно, онъ считалъ дворецъ царской собственностью, сбившись изъ за его наименованія «императорскій». Я отвѣтилъ, что Зимній дворецъ есть зданіе, предоставляемое царствующему императору, а собственностью государя является, напримѣръ, Аничковскій, который такъ и называется «собственный его императорскаго величества дворецъ». Къ этому я прибавилъ, что, по сужденію моему, государь не отрекался отъ частновладѣльческихъ своихъ правъ, и Аничковскій дворецъ попрежнему принадлежитъ ему на законномъ основаніи. По вопросу же о формулѣ предстоящаго объявленія я высказался за то, что слѣдовало бы ограничиться провозглашеніемъ о принятіи Зимняго дворца въ вѣдѣніе правительства. Керенскій (думаю, что не ошибаюсь) такъ и объявилъ, а затѣмъ тутъ же былъ составленъ краткій о томъ протоколъ, подписанный присутствовавшими. Я и до сихъ поръ не взялъ въ толкъ, для чего было ѣздить Керенскому въ Зимній дворецъ самому и притомъ въ качествѣ министра юстиціи, да еще прихвативъ съ собою сенатора.

Вторымъ порученіемъ, которое далъ мнѣ Керенскій, было ознакомиться съ изготовлявшимся тогда закономъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ лежалъ въ служебномъ кабинетѣ товарища министра А. С. Заруднаго; я отправился туда, читалъ эти краткія строчки и говорилъ по поводу ихъ съ Заруднымъ. Керенскій потомъ со мною ни словомъ не обмолвился ни по вопросу о современности отмѣны смертной казни, ни по вопросу о предѣлахъ ея отмѣны, такъ что я и здѣсь оказался излишнимъ*.

За то третье порученіе оказалось очень важнымъ и отвѣтственнымъ, но, къ сожалѣнію, изъ области уголовщины, отъ которой я всегда отходилъ съ облегченіемъ. Керенскій заговорилъ со мною, что при министерствѣ юстиціи учреждается верховная** слѣдственная коммиссія для разслѣдованія преступныхъ дѣяній представителей стараго режима и онъ хочетъ видѣть меня въ ея составѣ. Я тогда задалъ ему самый насущный вопросъ: ждетъ ли онъ отъ меня строго судейскаго отношенія къ дѣлу, или чего нибудь иного? Онъ просто и, — я почувствовалъ, — искренно отвѣтилъ, что желаетъ только раскрытія правды.

— Въ такомъ случаѣ я не считаю себя вправе отклонить ваше предложеніе.

* Споры вокругъ смертной казни не съ насъ начались, не нами и кончатся. Въ Россіи о томъ спорили въ послѣдніе передъ революціей годы безъ необходимаго спокойствія. Лично я не могъ примкнуть ни къ тѣмъ, кто, не желая или не смѣя осудить политическія убійства, требовалъ не налагать за нихъ смертной казни, ни къ тѣмъ, кто, преслѣдуя политическія убійства всею мощью государственной власти, старался увеличить число смертныхъ приговоровъ путемъ ослабленія судебныхъ гарантій. Склоняясь самъ къ отмѣнѣ кары смертью, я отдавалъ себѣ отчетъ, что это говорить во мнѣ не гражданинъ, а судья; быть можетъ, и есть случаи, когда безъ смертной казни пока еще нельзя обходиться, но я то, въ качествѣ судьи, не въ силахъ подписать такой приговоръ; насколько этимъ не хвалясь и признавая, что это можетъ оказаться «жестокою чувствительностью» или просто дряблостью, я все же по совѣсти не могъ требовать отъ другихъ судей, чего не хотѣлъ для самого себя. И тѣмъ не менѣе, я былъ смущенъ, когда услышалъ, что смертная казнь у насъ будетъ отмѣнена безъ малѣйшаго изъятія; когда было, пожалуй, можно, не отмѣняли, а когда стало, повидимому, нельзя, отмѣняютъ. И я понималъ, что трудно оставить кару смертью для одного лишь фронта, и безъ того страдающаго больше тыла; но отсюда мой выводъ былъ таковъ: закона не издавать, а просто попытаться ни одного смертнаго приговора не приводить въ исполненіе, широко примѣняя помилованіе.

** Такъ она была сперва названа, такъ было сказано и въ приказѣ о моемъ назначеніи. Потомъ Керенскій «явочнымъ порядкомъ» переименовалъ ее въ «чрезвычайную». Но какъ ему было неприятно слово «верховная», такъ мнѣ тяжело слово «чрезвычайная».

Онъ закончилъ нашъ разговоръ замѣчаніемъ, что можетъ предоставить мнѣ мѣсто лишь товарища предсѣдателя комиссіи, такъ какъ предсѣдателемъ долженъ быть присяжный повѣренный. Я сказалъ, что предпочитаю быть именно не предсѣдателемъ, и полюбозытствовалъ узнать, кто же займетъ предсѣдательское мѣсто. Онъ назвалъ Н. К. Муравьева, московскаго адвоката, извѣстнаго защитника по политическимъ процессамъ, котораго я, впрочемъ, какъ и самого Керенскаго, до того, не видалъ и не слыхалъ.

Выходя на этотъ разъ отъ министра, я всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что переступаю своего рода Рубиконъ. Керенскій, Муравьевъ и другіе — все это люди чуждаго мнѣ міра, вынесенные революціонной волной, а она лишь случаемъ меня не затонила. Какъ никакъ, я обломокъ того стараго режима, который собираются судить; пусть я, вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ своихъ единомышленниковъ, стоялъ тамъ особнякомъ, пусть я при Щегловитовѣ былъ только терпимъ, какъ «рабочая полезность», но это не помѣшало мнѣ, не достигнувъ 45 лѣтъ, стать тайнымъ совѣтникомъ. Я несомнѣнно «съ того берега», и многіе на томъ берегу обвиняютъ меня въ черной измѣнѣ. Ну, и что же? Рѣшеніе мое твердо въ соотвѣтствіи съ любимымъ двусишіемъ моего отца:

Пусть гибнуть наши имена,
Да возвеличится Россія *

Я въ этой комиссіи нуженъ для очищенія пшеницы отъ плевелъ, нуженъ и для многихъ, кого несомнѣнно захватитъ размахъ революціонной длани единственно за ихъ службу царю, какъ могъ захватить и меня въ качествѣ царскаго прокурора. А если нуженъ, то чаша эта не должна идти мимо моихъ устъ, какъ бы горька ни была. Я предчувствовалъ словесные и письменные упреки, предчувствовалъ холодное отчужденіе хорошихъ, но непримиримыхъ (я сказалъ бы переулочнаго толка) людей; я предугадывалъ анонимныя письма и безыменную брань по телефону; допускалъ я и большія тренія въ комиссіи. Но не думалъ, какъ мнѣ тамъ, въ этой комиссіи, будетъ тяжело и какъ бесплоденъ окажется мой порывъ. Впрочемъ, мои переживанія въ качествѣ товарища предсѣдателя «муравьевской» комиссіи я выдѣляю въ особую главу.

Работа въ комиссіи взяла почти все мое время. Я былъ освобожденъ отъ занятій по сенату и могъ принимать только ничтожное участіе въ другой комиссіи, которая была мнѣ болѣе по сердцу: въ комиссіи по возстановленію судебныхъ уставовъ.

Съ Керенскимъ я продолжалъ видѣться; неоднократно былъ у него и въ большомъ министерскомъ кабинетѣ, который одно время служилъ ему и спальней, и столовой; нѣсколько разъ завтракалъ у него; познакомился и съ его женою, Ольгою Львовной, и съ «бабушкой революціи» Брешковскою, полною и сѣдою старухой, на видъ добродушною и державшей себя скромно. Ни о какомъ ближайшемъ моемъ сотрудничествѣ съ Керенскимъ уже не было рѣчи: если онъ и под-

* Отецъ не помнилъ, чьи это стихи. Сравнительно поздно я узналъ, что они принадлежатъ забытой поэтессѣ Каролинѣ Павловой. Я ихъ цитировалъ такъ, какъ слышалъ отъ отца. Но память отцу измѣнила. Въ подлинникѣ они таковы:

Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Пусть возвеличится Россія
И гибнуть наши имена.

нималъ въ разговорѣ со мной тотъ или другой вопросъ, то случайно и обрывочно, *ut canis e Nilo*.

Керенскаго тогда чуть не на рукахъ носили, а теперь кто только не бранить его. Я и здѣсь занимаю, повидимому, среднее положеніе.

Прежде всего, я считалъ ни на чемъ не основанными обвиненія Керенскаго въ корыстности и въ использованіи власти для себя. Я слышалъ по этому поводу лишь утвержденія, но ни одного доказательства. Кстати сказать, обвиняли Керенскаго въ расхищеніи государственнаго достоянія и большевики; тутъ уже невольно придетъ на память рѣзкое, но выразительное русское присловье: чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.

Затѣмъ несправедливы обвиненія Керенскаго въ томъ, что это онъ погубилъ Россію. Керенскій явно былъ бы титаномъ, если бы могъ одинъ погубить такую страну, въ такое короткое время. Я уже давно держусь мнѣнія, что въ униженіи родины и въ ея злословіяхъ виноваты всѣ мы безъ изъятія и безъ различія положеній и партій, а потому пора намъ бросить счеты и, въ признаніи прошлой вины, дружно исправлять свои ошибки.

Керенскій, насколько я могъ его узнать, представляется мнѣ человекомъ неглупымъ, искреннимъ, съ живымъ воображеніемъ, съ порывами доброй воли, съ готовностью все сдѣлать для того, чтобы Россія благоденствовала*. Онъ отъ души хотѣлъ, чтобы русское правосудіе было безупречнымъ, чтобы нашъ государственный строй былъ свободнымъ и законнымъ** и чтобы мы

* Я не отрицаю въ немъ нѣкоторой театральности, позы на красивую позу; но искусственность формы не исключаетъ прямоты по существу. Степень его искренности въ глазахъ моихъ стала значительною, когда онъ, послѣ своего свиданія съ государемъ въ Царскомъ, сказалъ мнѣ съ честнымъ простодушіемъ: «А вѣдь Николай II далеко не глупъ, вопреки тому, что мы о немъ думали». Лично я никогда этого не думалъ и не потаилъ о томъ отъ Керенскаго. Но онъ, повидимому, въ свое «мы» и не включалъ меня, разумѣя, надо полагать, только революціонно настроенныхъ лѣвыхъ. Какъ бы то ни было, мало кто изъ враговъ царя такъ откровенно сознался бы постороннему лицу въ своемъ заблужденіи и призналъ бы за царемъ какое либо положительное качество.

Находчивость Керенскаго достаточно живописуется слѣдующимъ рассказомъ, который я тогда же слышалъ отъ его сотрудниковъ. Къ Керенскому явилась депутація рабочихъ съ заявленіемъ, что было бы хорошо министра финансовъ назначить изъ ихъ среды. Въ числѣ депутатовъ былъ и кандидатъ на этотъ постъ. Керенскій по всему своему прошлому не могъ отвѣтить на этотъ дѣтскій лепетъ смѣхомъ и краткимъ отказомъ въ посредничествѣ, котораго домогались отъ него рабочіе, но не могъ, конечно, и раздѣлнить ихъ точку зрѣнія. Онъ спросилъ, чѣмъ же выдвинулся приведенный къ нему кандидатъ въ министры. Оказалось, что этотъ рабочій успѣшно завѣдывалъ больничной кассой гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Тогда Керенскій, похваливъ готовность «товарища» служить родинѣ, поставилъ ему два вопроса: что онъ думаетъ о девальваціи и объ эмиссіонномъ правѣ государственнаго банка? Оба термина были вопрошаемому, какъ и слѣдовало ожидать, незнакомы, и онъ, смутившись, поднялся съ мѣста и сталъ откланиваться, говоря, что и самъ теперь видитъ, насколько неосновательно было его притязаніе.

** Отказъ отъ неудачнаго суда съ сословными представителями, возстановленіе давно погребеннаго суда съ присяжными засѣдателями въ сенатѣ и судебныхъ палатахъ, введеніе административной юстиціи, упраздненіе такъ называемой «административной гарантіи», дѣлавшей почти ненаказуемыми вопіющія должностныя преступленія, отмена щегловитовскаго закона о наказуемости «взяткодательства», который, въ условіяхъ русской дѣйствительности, способствовалъ безнаказанности «взяткобрательства» — вотъ несомнѣнныя заслуги Керенскаго, а я ихъ привелъ, какъ примѣры, которые сейчасъ вспомнились, и не гонюсь за исчерпывающимъ перечнемъ.

Съ благодарностью поминую я временное правительство, изъ котораго не исключаяю, конечно, и Керенскаго, также за свободу печати, слова и совѣсти. Большевицкіе поряд-

довели страну до побѣднаго конца. Но всѣ его хорошія намѣренія повисли безпомощно въ воздухѣ, не найдя точки опоры ни въ немъ самомъ, ни въ окружающей средѣ.

Личные его недочеты, по моему, заключались въ слѣдующемъ. Чрезмѣрно нервный, стоящій, пожалуй, на границѣ истерики, онъ былъ страстенъ и, слѣдовательно, пристрастенъ, былъ нетерпѣливъ и, слѣдовательно, неоснователенъ. Работая въ революціонномъ подпольѣ, онъ былъ до наивности несвѣдущъ въ правительственной техникѣ всякаго рода. Будучи адвокатомъ и членомъ государственной думы, то-есть человекомъ только слова, а не дѣйствія, онъ переоцѣнилъ силу и значеніе слова. Будучи, наконецъ, адвокатомъ лишь по политическимъ дѣламъ, онъ могъ, безъ большого ущерба, необходимыя для себя свѣдѣнія ограничить выдержками изъ уголовного уложенія и устава уголовного судопроизводства, съ придачею относящихся къ этой области немногочисленныхъ и, въ значительной степени кривыхъ, кассационныхъ рѣшеній, и потому оказался на посту генераль прокурора юристомъ приговорительнаго класса. А главный порокъ той среды, которая окружаетъ выдвинушагося русскаго дѣятеля, сводится къ тому, что изъ дѣятеля общественнаго дѣлаютъ чудотворную икону и кружатъ ему голову изступленнымъ поклоненіемъ, а дѣятелю государственному никто не хочетъ перечить, и голова его начинаетъ кружиться отъ рабской угодливости; бѣдный же Керенскій соединилъ въ своей особѣ популярность общественнаго и власть государственнаго дѣятеля.

Я избѣгаю голословности и постараюсь свои утвержденія подкрѣпить примѣрами, взятыми изъ того, чему я самъ былъ свидѣтелемъ*; не коснусь я только проявленій институтскаго обожанія Керенскаго, такъ какъ они уже набили оскомину своею печальною общеизвѣстностью. Буду приводить примѣры, какъ вспомнятся.

Въ первую голову рѣчь объ арестахъ. Всѣмъ памятно, что революція началась не только съ поджога суда и съ выпуска изъ тюремъ преимущественно общеуголовныхъ преступниковъ, но также и съ наполненія темницъ новыми арестантами. Меня не удивляло, что нашлось множество добровольцевъ революціонной жандармеріи, которые десятками влекли самочинно задержанныхъ и въ домахъ, и на улицахъ людей въ Таврической дворецъ, а позже въ разныя узилища, занявшія мѣсто сгорѣвшихъ участковъ; моя прежняя служба доказала мнѣ, что для такого добровольчества не требуется зачастую ни жажды мести, ни желанія «покуражиться»: русскій народъ, сверху до низу, еще не умѣетъ по настоящему цѣнить заморскій принципъ неприкосновенности личности, и слѣдователямъ очень знакомо неудовольствіе деревенскихъ жителей изъ за оставленія на свободѣ, на примѣръ, такого убійцы, который завѣдомо никому и ничему не опасенъ и никуда не убѣжитъ, а прокурорамъ сплошь и рядомъ приходилось разъяснять полиціи недопустимость влечь всякаго въ часть по любому

ки, разумѣется, заставляють и царское время признавать временемъ свободы, но я не могу забыть тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Россіи, когда ничто не могло мнѣ воспрепятствовать гласно исповѣдывать то, во что я вѣрю и на что надѣюсь. Я знаю, что едва ли можно рассчитывать на это и послѣ сверженія большевиковъ, и тѣмъ болѣе признателенъ за то временному правительству, хоть и не закрываю глазъ на его грѣхи въ другомъ.

* Впередъ оговариваюсь, что изложеніе будетъ отрывочно и цѣлостной характеристики А. Ф. Керенскаго не дастъ, даже только какъ министра юстиціи. Я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что мнѣ было извѣстно лично и тогда же, безъ всякихъ добавленій изъ третьихъ рукъ, какъ бы они ни округлили мое изложеніе.

поводу и, при этомъ, нерѣдко бывало, что прокуроръ былъ взволнованъ болѣе самого задержаннаго, который (я говорю и объ интеллигенціи), если и сердился, такъ сказать, по личному вопросу, то въ видѣ общаго правила, почти не знавшаго исключеній, не оспаривалъ безусловнаго права полицейской власти на такого рода мѣры*. Нѣтъ, меня удивляло, что не всѣ приводимые къ новымъ правительствамъ были немедленно освобождаемы; напротивъ того, многія изъ этихъ лицъ становились какъ бы плѣнниками въ Таврическомъ дворцѣ, пока ихъ не перевезли въ Петропавловскую крѣпость. На какомъ основаніи все это дѣлалось? Керенскій былъ убѣжденнымъ врагомъ всякихъ исключительныхъ положеній, такъ же къ нимъ относились и другіе министры временнаго правительства; не подлежало сомнѣнію, что законы о чрезвычайной и усиленной охранѣ прекратили свое дѣйствіе, и никто изъ министровъ не думалъ ихъ примѣнять, тѣмъ болѣе, что у князя Львова не было и рукъ для выполненія такого рода распоряженій**. И тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ дѣятелей стараго режима разныхъ степеней и даже одна фрейлина содержались подъ стражею безъ постановленія о томъ судебной власти и безъ предьявленія какихъ либо обвиненій***.

Какъ ни произвольничала порою старая администрація, но я помню изъ своей личной практики, еще въ качествѣ прокурора провинціального окружнаго суда, случая два-три, когда арестъ въ порядкѣ охраны былъ продолжаемъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, потому что срокъ, на который былъ властенъ арестовать губернаторъ, истекалъ, а губернаторъ, зная меня, не могъ сомнѣваться въ томъ, что я освобожу арестованнаго, какъ только срокъ минетъ. Пусть законы объ исключительныхъ положеніяхъ были стѣснительны и нежелательны, но это были законы, и ихъ администраторы стараго режима старались соблюдать. А тутъ аресты производились безъ попытки сослаться на какой либо законъ, и до моего свѣдѣнія не доходило, чтобы столичная прокуратура возбуждала вопросъ объ освобожденіи незаконно лишенныхъ свободы****. И самъ

---

* Нечего, впрочемъ, и говорить о рядовыхъ обывателяхъ. Вотъ вамъ разительный фактъ, на который никто не обратилъ, повидимому, вниманія. Въ первые дни революціи были арестованы бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ и А. Д. Протопоповъ, оба — члены государственной думы. Дума тогда не была еще распущена волею совѣта рабочихъ и прочихъ депутатовъ, а царскій указъ она объявила недействительнымъ. И тѣмъ не менѣе ни сами арестованные, ни кто другой изъ членовъ думы не вспомнилъ о депутатской неприкосновенности.

** Я говорю о князѣ Львовѣ, какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ: департаментъ полиціи былъ разгромленъ, а жандармы и разныхъ ранговъ полицейскіе чины разсѣялись по всему лицу земли русской, если успѣли избѣжать смерти или ареста.

*** Не только арестъ А. А. Вырубовой, не принимавшей никакого участія въ управленіи государствомъ, или арестъ В. Ф. Дейтриха, суда надъ которымъ, по должности помощника финляндскаго генералъ губернатора, могли бы требовать, и то въ предѣлахъ давности, развѣ одни финны, или арестъ Н. С. Крашенинникова и Г. Г. Чаплинскаго за негодную новому курсу окраску ихъ судебной дѣятельности, но и всѣ аресты, о которыхъ я теперь говорю, хотя бы арестъ, напримѣръ, И. Г. Щегловитова, я не могу назвать иначе, какъ незаконными. Насколько неосмотрительно и впопыхахъ въ то время арестовывали людей, достаточно свидѣтельствуеетъ въ моихъ глазахъ арестъ жандармскаго полковника Плетенева (я о Плетеневѣ уже вспоминалъ на этихъ страницахъ. См. Архивъ Рус. Рев., т. VIII, стр. 18, сл.). Онъ былъ арестованъ за то, что разстрѣливалъ, будто бы, народъ на Знаменской площади у Николаевскаго вокзала совмѣстно съ жандармскимъ генераломъ Фурсою. Меня такое обвиненіе поразило уже потому, что Фурса и Плетеневъ были всегда заклятыми врагами и ничего вмѣстѣ дѣлать не могли; но обвинялъ Плетенева не первый попавшійся, а человекъ, пользовавшійся репутаціей.

**** Миѣ бы не хотѣлось, чтобы кто либо изъ читателей подумалъ, будто бы я обвиняю прокурорскій надзоръ въ сознательномъ неисполненіи долга. Я увѣренъ, что самая

Керенскій, такъ возмущавшійся прежнимъ безправіемъ, числилъ арестантовъ за собой, какъ за министромъ юстиціи*, — случай небывалый во все время существованія новаго (нынѣ уже покойнаго) суда въ Россіи. Мнѣ кажется, довольно и сказаннаго, чтобы пристрастіе Керенскаго не подлежало спору. И упрекъ этотъ не можетъ быть ослабленъ указаніемъ на образованіе особой комиссіи по разбору и освобожденію задержанныхъ: поздно разбираться въ причинахъ ареста уже послѣ того, какъ арестъ произведенъ, и самое существованіе такой комиссіи только доказываетъ, что февральская (какъ затѣмъ и октябрьская) революція не сокрушила сакраментальной формулы, по которой человекъ задерживался властями «впредь до выясненія обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ его задержанію». Заговоривъ объ этой комиссіи, я, кстати, подчеркну еще рѣшительнѣе пристрастную впечатлительность Керенскаго. Во главѣ комиссіи стоялъ присяжный повѣренный М. Л. Гольдштейнъ, дѣятельность котораго, насколько я о ней имѣю свѣдѣнія, заслуживаетъ безусловнаго одобренія: онъ прилагалъ всѣ усилія къ освобожденію жертвъ расхворившихся волнъ революціи, и я, возбуждая передъ Керенскимъ ходатайства за того или другаго арестанта, убѣждался, что иду съ М. Л. Гольдштейномъ по одному пути, съ тою только (въ его пользу) разницею, что онъ часто шелъ впереди меня и что его слово имѣло болѣе вѣса, такъ какъ онъ принадлежалъ къ адвокатской корпораціи и предсѣдательствовалъ въ спеціальной комиссіи. Такимъ образомъ, удалось изъ числа болѣе замѣтныхъ дѣятелей стараго строя** освободить И. Л. Горемыкина, князя Н. А. Голицына, членовъ Государственнаго совѣта В. О. Дейтриха, Н. С. Крашенинникова, Г. Г. Чаплинскаго, сенатора М. И. Трусевича, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Куколь-Яснопольскаго, управляющаго дѣлами совѣта министровъ Н. В. Плеве и нѣкоторыхъ другихъ, кого я вотъ

мысль о возможности освобожденія арестованныхъ не пришла никому въ голову: такъ всѣ петроградскіе прокуроры привыкли къ исключительнымъ положеніямъ и виѣсудебнымъ арестамъ.

* И тутъ же Керенскій отмѣнилъ такъ называемую административную гарантію, защищавшую до него должностныхъ лицъ отъ рукъ прокурора. Мѣра эта заслуживаетъ большой похвалы, но ни Керенскому, ни оберъ-прокурору уголовного кассационнаго департамента сената не пришло на мысль, что второй изъ нихъ обязанъ возбудить противъ перваго преслѣдованіе за превышеніе власти, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ длительное лишеніе свободы многихъ лицъ безъ тѣни законнаго основанія.

** Забѣгая впередъ, упомяну здѣсь о моей встрѣчѣ въ самомъ началѣ большевицкаго владычества съ однимъ изъ этихъ арестованныхъ, съ однимъ изъ «щегловитовцевъ», безпрекословно слушавшихся всякаго приказанія министра и не имѣвшихъ собственной воли, собственнаго разумѣнія. Ставъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, И. Г. Щегловитовъ немедленно провель его въ члены туда же, въ числѣ нѣкоторыхъ лицъ, чьи голоса, какъ было всѣмъ вѣдомо, не разойдутся съ желаніями принципала. Я и этотъ судебный дѣятель держались другъ отъ друга отчужденно. А тутъ, когда я отдалъ ему поклонъ, онъ живо подошелъ и поблагодарилъ за то, что я, не какъ многіе другіе, не отворотился отъ него. Послѣ моего отвѣта, что наши разногласія въ судебномъ дѣлѣ смыты волной октябрьскаго переворота, и намъ, одинаково «бывшимъ людямъ», безцѣльно вспоминать старое, онъ повернулъ и пошелъ со мною. По пути онъ сперва высказалъ свою признательность за мое содѣйствіе къ его освобожденію и, волнуясь, говорилъ о своей правотѣ въ одномъ громкомъ процессѣ. Я ограничился уклончивымъ отвѣтомъ, что, по моему, какъ ни смотрѣть на этотъ процессъ, прокуроръ, его возбудившій, не можетъ быть арестованъ безъ предьявленія обвиненія, только потому, что у власти стали нѣкоторые изъ защитниковъ въ томъ же процессѣ. И тогда мой собесѣдникъ, взявъ меня за руку, ошеломилъ меня увѣреніемъ, что его освобожденіе мнѣ зачтется, когда, какъ онъ выразился, «мы станемъ у власти снова». Не называю имени, такъ какъ онъ, кажется, еще въ Совдепѣи.

сейчасъ, когда пишу, не могу вспомнить *. Значить, Керенскій могъ вслушиваться въ доводы и шелъ навстрѣчу тому, что ему казалось убѣдительнымъ. И, однако, когда рѣчь зашла объ освобожденіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи А. А. Макарова, о строго законныхъ и достойныхъ величайшей похвалы поступкахъ котораго по второй изъ названныхъ должностей я уже упоминалъ, Керенскій сталъ глухъ и слѣпъ: онъ принималъ участіе въ дѣлѣ рабочихъ Ленскихъ приисковъ и не могъ простить Макарову, облетѣвшей въ свое время всю Россію фразы въ думѣ: «Такъ было и такъ будетъ». Пусть эта фраза дѣйствительно была ужасна **, но едва ли сомнительно, что человекъ менѣе живущій впечатлѣніями, отдалъ бы себѣ отчетъ въ необоснованности ареста за одни слова ***, сказанныя не менѣе пяти лѣтъ назадъ, хотя бы въ нихъ и усматривать одобреніе разстрѣла безоружныхъ.

Другой примѣръ — отношеніе Керенскаго къ вопросу о судебской независимости. Этотъ принципъ не менѣе заморскій, чѣмъ неприкосновенность личности, и русское общество въ своей толщѣ плохо понимало всю его цѣнность не для судей, а для гражданъ. Но юристы, — слѣдовательно, и адвокаты, къ которымъ принадлежалъ Керенскій, — разбирались въ этомъ достаточно хорошо. Даже можно сказать, что юридическіе круги слишкомъ чувствительно относились ко всякой мѣрѣ царскаго правительства, пусть бы она всего лишь казалась направленной на подавленіе самостоятельности суда. И вотъ, новый министръ, несомнѣнно негодовавший на Щегловитова за увольненіе судей безъ прошенія или по вынужденному прошенію ****, самъ началъ поступать такъ же. Только Щегловитовъ считался съ губернаторской оцѣнкой судебской дѣятельности, не трудясь провѣрить основательность этой оцѣнки, а Керенскій считался съ адвокатскою оцѣнкой судей, и тоже не углублялся въ провѣрку. Если есть въ приѣмахъ обонихъ министровъ разница, то развѣ топографическая, въ зависимости отъ мѣста, на которомъ стоялъ тотъ и другой, а принципиальной разницы нѣтъ никакой.

Помню, какъ дядя мой, сенаторъ В. Р. Завадскій, былъ уволенъ, по докладу Щегловитова, отъ должности старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты; хоть это и послѣдовало «согласно прошенію», но прошеніе дядя подалъ исключительно въ виду того, что не считалъ себя въ правѣ, оставаясь старшимъ предсѣдателемъ вопреки волѣ министра, переносить неудовольствіе его на цѣлый

---

* Одинъ изъ нихъ, тоже оставшійся по ту сторону границы былъ прежде директоромъ департамента полиціи, и его приемы разслѣдованія политическихъ преступленій оставляли, выражаясь мягко, желать лучшаго. Судьба дала испытать ему на себѣ, каково терпѣть правительственный произволъ. Но арестъ его былъ тѣмъ болѣе незаконенъ, что всѣ его дѣйствія по департаменту полиціи уже покрыла давность.

** Я уже говорилъ о ней мелькомъ, а подробнѣе скажу потомъ.

*** Опять поясню во имя точности: арестованъ Макаровъ былъ, конечно, не за одни слова, а за все свое прошлое въ совокупности, но не освободилъ его Керенскій, выпуская въ то же время Горемыкина и кн. Голицына, только за эту злополучную фразу.

**** Опять долженъ добавить, что я, вопреки мнѣнію многихъ судей, не нахожу нарушенія судебской несмѣняемости въ тѣхъ случаяхъ, когда министръ предлагаетъ судѣ на выборъ или отставку, либо возбужденіе уголовного или дисциплинарнаго о немъ дѣла: если судья боится преданія суду, то воленъ подать прошеніе объ отставкѣ. Тутъ министръ въ сущности или грозитъ впустую, или уклоняется отъ своей обязанности возбудить вопросъ о преданіи суду виновнаго судьи. Но, когда министръ, предлагая судѣ подать въ отставку, не знаетъ за нимъ ни тѣни поступка, за который тотъ подлежалъ бы уголовному или дисциплинарному суду, а пользуется, на примѣръ, обѣщаніемъ усиленной пенсіи въ случаѣ немедленнаго выхода въ отставку и угрозой ограничиться впоследствии лишь нищенскою пенсіею по закону, то здѣсь нажимъ на судебную несмѣняемость уже не подлежитъ спору.

округъ и подвергать своихъ сослуживцевъ всему, о чемъ краснорѣчиво говоритъ южно-русская пословица: «наны дерутся, у хлонцевъ чубы болятъ». А разговоръ министра съ дядею сводился единственно къ тому, что дядя, предсѣдательствуя по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, держался строго судейскаго безпристрастія, какимъ выдѣлился еще въ процессѣ мултанскихъ вотяковъ (при третьемъ разбирательствѣ дѣла); это безпристрастіе признано было въ такихъ случаяхъ неумѣстнымъ и квалифицировалось какъ слабость. Разговоръ дошелъ до того, что министръ замѣтилъ: «Вы забываете, что говорите съ министромъ», а дядя отвѣтилъ: «А Вы забываете, что говорите съ судьей». Но и при Керенскомъ точно также былъ уволенъ старшій предсѣдатель петроградской судебной палаты Я. М. Затворницкій. Я не принадлежу къ числу людей, которые были къ нему близки или одобряли его во всемъ; у меня даже была съ нимъ незадолго до революціи стычка за то, что онъ, обѣщавъ мѣсто нотаріуса въ Петроградѣ одному изъ товарищей прокурора суда, уже выдержавшему установленный экзамень, хотѣлъ назначить на это мѣсто другого кандидата, имѣвшаго явно меньше правъ, при чемъ у меня было достаточно основаній думать, что глава судебного округа угождалъ тѣмъ Щегловитову, только что назначенному предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Но справедливость заставляетъ меня признать, что Затворницкій былъ отличный цивилистъ и умѣлый предсѣдатель, да и самъ Керенскій не предъявлялъ ему никакихъ опредѣленныхъ обвиненій, ставя на видъ только недостаточно лѣвую окраску дѣятельности. Тогда Затворницкій почему то рѣшилъ посоветоваться со мною, что ему дѣлать. Я сказалъ, что советовать не могу, а самъ бы поступилъ такъ: если бы я былъ рядовымъ судьей, хотя бы и предсѣдателемъ департамента палаты, то отвѣтилъ бы министру рѣшительнымъ отказомъ, а будучи старшимъ предсѣдателемъ, взвѣсилъ бы сравнительную важность своихъ личныхъ правъ и судьбы всѣхъ судей округа, которыхъ мнѣ было бы страшно подвергать изъ за меня министерской опалѣ, такъ сказать, оптомъ. Затворницкій подалъ въ отставку и былъ уволенъ; а я, видя, какъ вокругъ подавали въ отставку и были увольняемы столичные и провинціальныя судьи разныхъ степеней, и вспоминая судьбу дяди, а также сенатора *Θ. Θ. Арнольда* и многихъ другихъ при Щегловитовѣ, невольно твердилъ: *plus ça change, plus c'est la même chose*.

Разскажу и другой случай. Судебный слѣдователь петроградскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ *Н. А. Машкевичъ* обратился ко мнѣ съ точно такимъ же вопросомъ, какъ и *Я. М. Затворницкій*. По словамъ Машкевича, ему предложили подать въ отставку за пристрастное, будто бы, окончаніе предварительнаго слѣдствія по дѣлу Бейлиса.

— Что вамъ ставится въ вину?

— То, что я допустилъ двѣ экспертизы: и противъ существованія ритуальнаго убійства у евреевъ, и за его существованіе.

Я отправился въ министерство юстиціи и, не понавъ къ Керенскому, переговорилъ съ товарищемъ министра *А. С. Заруднымъ*. Я давно зналъ Заруднаго, еще съ того времени, когда мы оба служили товарищами прокурора петербургскаго окружнаго суда. Зарудный, на мою оцѣнку, былъ человекъ чистѣйшей души, но весь — порывъ и нерѣдко — слѣпое увлеченіе. Въ процессѣ Бейлиса онъ былъ однимъ изъ защитниковъ и это, казалось бы, должно было его заставить прислушиваться къ стороннимъ мнѣніямъ. Но онъ горячо твердилъ, что рѣшеніе министра неизмѣнно и вполнѣ обосновано, хотя, я такъ и не понялъ, въ чемъ же выразилось неправосудіе Машкевича на слѣдствіи — насколько у

меня осталось въ памяти, Машкевичу главнымъ образомъ вмѣнялось въ вину, что одинъ протоколъ у него оставленъ безъ даты и что экспертомъ, дававшимъ заключеніе въ смыслѣ существованія кроваваго ритуала, былъ Пранайтисъ, о которомъ Зарудный не могъ говорить спокойно. Держась того мнѣнія, что за нравственныя качества эксперта слѣдователь не отвѣчаетъ, а пропускъ даты въ слѣдственныхъ протоколахъ случается весьма нерѣдко, и отъ него не застрахованы даже очень ревностные слѣдователи, я вернулся къ Машкевичу и поставилъ ему вопросъ:

— Вы не боитесь суда? Ничего отъ меня не скрываете?

— Не боюсь. Я ни въ чемъ не виновенъ.

— Тогда я на вашемъ мѣстѣ ни за что не подалъ бы въ отставку: вы утвержденный слѣдователь.

Машкевичъ такъ и поступилъ . . . и остался слѣдователемъ до общаго судебного крушенія при большевикахъ.

Я выдернулъ два случая наудачу, по прихоти памяти, но, конечно, могъ бы привести ихъ значительно больше. Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю покончить съ отдѣльными увольненіями и перейти къ общимъ вопросамъ судоустройства, по которымъ для меня стало ясно, что въ лицѣ Керенскаго судебное вѣдомство приобрѣло лѣваго Щегловитова: пусть Керенскій искренно толковалъ, что хочетъ поставить правосудіе въ Россіи на недостижимую высоту, но поступками своими кривилъ его влѣво, какъ Щегловитовъ вправо. Хоть я и убѣжденъ, что Щегловитовъ былъ менѣе искрененъ, чѣмъ Керенскій, но вѣдь эта разница важна при оцѣнкѣ личности, а не при оцѣнкѣ дѣятельности.

Есть три общихъ вопроса судоустройства, при разрѣшеніи которыхъ легко болѣе или менѣе сильно надавить на судебскую независимость: вопросъ о пополненіи состава судебныхъ мѣстъ, вопросъ о составѣ высшаго дисциплинарнаго суда и вопросъ о допустимости временной отмѣны несмѣняемости судей. Чѣмъ болѣе министръ уважалъ судебскіе выборы въ члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, тѣмъ увѣреннѣе рассчитывали судьи на возможность повышенія и безъ прямой воли министра или директора департамента министерства. Насколько я знаю, первымъ сталъ неуважительно относиться къ судебскимъ выборамъ министръ юстиціи Манасеинъ*, но въ этомъ ему не уступалъ и Щегловитовъ. Однако, при министрахъ Хвостовѣ и Макаровѣ къ выборамъ, которые производимы были палатами и судами, стали внимательнѣе присматриваться и прислушиваться; даже однимъ изъ послѣднихъ царскихъ законовъ право избирать себѣ сочленовъ было предоставлено и сенаторамъ**. И вотъ, во главѣ судебного вѣдомства становится Керенскій, провозгласитель вѣчно новыхъ словъ, словъ о законности и свободѣ. И что же оказывается? Съ выборами считаются не больше, а то и

---

* Помню, что мой отецъ, бывший тогда старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, пересталъ созывать общее собраніе для выбора судей на открывшіяся вакансіи, такъ какъ министръ упорно назначалъ своихъ кандидатовъ, не считаясь съ выборомъ палаты. Министръ замѣтилъ это и, почувствовавъ себя, видимо, задѣтымъ, запросилъ отца о причинѣ допускаемаго имъ отступленія отъ закона. Отецъ отвѣтилъ, что судьи палаты убѣдились въ безцѣльности выборовъ. Отвѣтъ былъ тѣмъ обоснованнѣе, что нѣкоторыя назначенія состоялись ранѣе, чѣмъ общее собраніе могло состояться.

** По уставамъ 1864 года кассационныя департаменты такого права не получили, потому что его не имѣлъ и старый (петровско-екатерининскій) сенатъ, за силою фикціи, будто сенаторовъ назначаетъ самъ государь. Состоявшійся въ декабрѣ 1916 года законъ покончилъ съ этой фикціей и даровалъ права выбора всѣмъ департаментамъ сената, безъ различія между ними.

меньше, чѣмъ при Щегловитовѣ, и цѣлый потокъ сенаторовъ изливается въ сенатъ съ нескрываемымъ нежеланіемъ выжидать сенатскаго выбора, хотя бы лишь для того, чтобы передъ назначеніемъ сравнить и взвѣсить качества кандидатовъ, избранныхъ сенатомъ и облюбованныхъ министромъ и его сотрудниками.

Теперь я перейду къ организаціи высшаго дисциплинарнаго суда, которая имѣетъ для судей еще большее значеніе, нежели право выбора. Есть юристы, усматривающіе нарушеніе судейской несмѣняемости въ самомъ существованіи дисциплинарнаго суда; съ ними я согласиться не могу: если судья пьянствуетъ, если онъ даетъ деньги въ ростъ, если онъ ночи напролетъ проводитъ за азартными играми, если онъ погрязъ въ мѣстныхъ переулочныхъ пристрастіяхъ, такъ, что вокругъ уже сомнѣваются въ безупречности отправляемаго имъ правосудія, то все это еще не служитъ основаніемъ предать его уголовному суду, и тѣмъ не менѣе, перѣдко настоятельно необходимо, во огражденіе достоинства судейскаго званія, удалить такого судью, хотя бы на первый разъ только, изъ данной мѣстности. Задачу эту и долженъ выполнять дисциплинарный судъ. Но, къ сожалѣнію, сенаторы, отъ которыхъ зависѣли честь и доброе имя русскихъ судей, не были по закону выбираемы кассационнымъ сенатомъ, то-есть такими же независимыми судьями, какъ и тѣ, чью независимость надлежало уважать и во время дисциплинарнаго суда; нѣтъ, ихъ назначали по докладу и волѣ министра юстиціи и при томъ на короткій срокъ; вотъ тутъ то въ подборѣ состава желательныхъ министру сенаторовъ, и крылся опасный для несмѣняемости судей порокъ этого судилища. А что же сдѣлалъ Керенскій? Да то же самое, что дѣлалъ и Щегловитовъ: даже не остановился на мысли, что судъ надъ судьями не есть судъ, если составляется волею администратора, и въ судьи для судей своей властью и волей назначалъ тѣхъ, кого почиталъ годнымъ для этого, не справляясь съ мнѣніемъ о томъ самихъ судей, хотя бы только сенаторовъ кассационныхъ департаментовъ. Опять получился судъ, по моему выраженію, съ «наведенными людьми». Но пристрастная односторонность Керенскаго еще яснѣе выразилась не въ томъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, а въ томъ, на что онъ думалъ рѣшиться. Я разумѣю предположеніе о временной отмѣнѣ судейской несмѣняемости: отмѣнить эту несмѣняемость, повыгнать всѣхъ неугодныхъ новому правительству судей, назначить «своихъ» и затѣмъ вновь провозгласить несмѣняемость, какъ будто «свои» и безъ несмѣняемости не будутъ несмѣняемы. Впервые такая мысль пришла въ голову Столынину: онъ высказалъ ее въ государственной думѣ, ссылаясь на примѣръ Франціи*, но даже Щегловитовъ на это не откликнулся, хоть и поднялся въ судебномъ вѣдомствѣ до самаго верха, ни разу не бывши судьейю. А вотъ, при Керенскомъ вновь былъ возбужденъ вопросъ, возникшій въ царское время за стѣнами министерства юстиціи и внутрь ихъ такъ и не вступившій. И тутъ я хочу, какъ и вездѣ быть точнымъ, поскольку мнѣ еще не измѣнила память: отмѣчаю, что съ самимъ Керенскимъ я о томъ не говорилъ, но сотрудники его не разъ высказывались за желательность отмѣнить на время

---

* Меня всегда удручала особенность русской государственной мысли: если вы развиваете выношенный вами проектъ чего бы то ни было (напримѣръ, судебного преобразованія), съ вами не спорятъ по существу, а возражаютъ, что «этого нигдѣ въ Европѣ нѣтъ», и стоитъ Европѣ допустить смѣшеніе судебной власти съ административной (какъ пережитокъ средневѣковья) или нарушеніе какого либо основнаго принципа (какъ мѣру революціоннаго безправія), у насъ сейчасъ же коровятъ за это ухватиться и вовсе не изъ лицемѣрнаго желанія прикрыть неприглядность своихъ поползновеній, а вслѣдствіе какой-то наивной вѣры въ достоинство всего европейскаго.

судейскую несмѣняемость и учинить избіеніе судей на формально законномъ основаніи, и выходило такъ, что мысль эта занимаетъ и министра. Занимала она и его преемниковъ; на ней останавливался даже А. С. Зарудный, сынъ составителя судебныхъ уставовъ, одного изъ творцовъ судейской несмѣняемости. Мнѣ приходилось тогда неоднократно спорить по этому вопросу съ цѣлымъ рядомъ лицъ, не исключая и такихъ, которыя еще недавно были, повидимому, уравновѣшенными: микробъ революціоннаго насилія успѣлъ быстро захватить многихъ. Я разсуждалъ, да и до сихъ поръ разсуждаю такъ: если вы нарушаете независимость суда ради спасенія революціи, то уже не смѣйте порицать другихъ за нарушеніе этой же независимости ради спасенія отъ революціи; если вы отмѣняете судейскую несмѣняемость не потому, что считаете ее ненужной, а лишь для того, чтобы исказнить отдѣльныхъ судей, то вы допускаете недостойную игру съ закономъ и обнаруживаете трусливое желаніе «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти», такъ какъ законъ не ширма для партійныхъ счетовъ, и гораздо мужественнѣе и честнѣе тотъ, кто прямо нарушаетъ законъ, по формѣ и существу одновременно, нежели тотъ, кто грубое нарушеніе признаваемого имъ самимъ и выраженного въ законѣ принципа лицемѣрно прикрываетъ формальнымъ соблюденіемъ законности; если, наконецъ, вы убѣждены, что безъ прочныхъ гарантій несмѣняемости только герой можетъ остаться всегда правосуднымъ судьей, то какъ же вы не видите, что отмѣна несмѣняемости, хотя бы на одинъ день, сопровождаемая массовымъ въ теченіе этого дня увольненіемъ неугодныхъ правительству судей, поставитъ остальныхъ судей, и уцѣлѣвшихъ отъ погрома, и вновь назначенныхъ, въ такое положеніе, которое въ ихъ же собственныхъ глазахъ явится лишеннымъ прочной гарантіи, потому что они естественно будутъ опасаться повторенія, по прихоти правительства, подобной же произвольной игры съ законами.

Достаточно, впрочемъ, примѣровъ близорукой пристрастности; обращаюсь къ примѣрамъ того, что мнѣ представляется неосновательностью.

Первый примѣръ — амнистія, съ которой министерство юстиціи спѣшило до чрезвычайности. Положимъ, и царскіе милостивые манифесты оставляли желать многого: я уже не говорю, что они давали милость только преступнымъ и неисправимымъ, прощая, напримѣръ, даже злостныя недоимки всякаго рода, а не освобождая отъ части предстоящихъ платежей того, за кѣмъ раньше не было платежныхъ прегрѣшеній, но и сами статьи манифестовъ почти всегда возбуждали множество недоумѣній своею неясностью и плохою согласованностью. Никогда, однако, не бывало, чтобы царскимъ манифестомъ даровалось помилованіе или смягченіе наказанія тѣмъ, кому дать не хотѣли. А съ Керенскимъ именно случилось такъ, что впопыхахъ были прощены провокаторы. Я не смѣю и не выдумываю: амнистія даровала прощеніе всѣмъ преступленіямъ, совершеннымъ изъ побужденій политическаго свойства. Но политическія побужденія были у преступниковъ не только лѣваго, но и праваго стана, а потому сюда подлежало причислить и провокаторовъ. Не возражайте мнѣ, что провокаторы были платные: и лѣвыя преступленія совершались не всегда лицами, ни отъ кого денегъ не бравшими; а при всемъ моемъ безглаголющемъ отношеніи къ дѣятельности провокаторовъ, я не имѣю основаній напередъ утверждать, что они были сплошь безразличны къ формѣ правленія, которую отстаивали столь предосудительными пріемами. Нѣтъ, недосмотръ былъ допущенъ существенный, и Керенскій, конечно, не можетъ оправдываться тѣмъ, что виноваты его сотрудники: въ такихъ важныхъ актахъ, министръ, не будучи поспѣшенъ и потому не-

основателенъ, не можетъ полагаться только на помощниковъ. Напротивъ того, — въ ужасномъ исправленіи этой ошибки, Керенскій, насколько я знаю, не виновать, но я о томъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Другой примѣръ неосновательности — видимое отношеніе Керенскаго къ чинамъ судебного вѣдомства *in concreto*. И здѣсь я, во имя справедливости, долженъ отмѣтить, что не считались съ судейской средой многіе министры при царѣ, начиная съ Манасеина* и кончая Щегловитовымъ**; но такіе министры ставили себя (насколько чистосердечно, это другой вопросъ) въ положеніе принципиально враждебное основамъ, выраженнымъ въ судебныхъ уставахъ. А Керенскій исповѣдывалъ эти основы и свою рѣчь при открытіи комиссіи, которая должна была возстановить уставы въ ихъ первоначальной чистотѣ, произнесъ съ такою искренностью, что присутствовавшіе при этомъ судебные дѣятели были тронуты и отъ души простили новому министру нѣсколько грубыхъ промаховъ, допущенныхъ имъ въ рѣчи и свидѣтельствовавшихъ о маломъ его знакомствѣ съ дѣломъ суда. Если же духъ уставовъ 20 ноября 1864 г. былъ Керенскому дорогъ, то онъ, будучи послѣдователенъ, не могъ бы относиться къ судебнымъ дѣятелямъ, какъ корпораціи, свысока*** и долженъ былъ бы понять, что министръ юстиціи не начальникъ судей, а только глава прокуратуры****. Но Керенскій и въ кассационныхъ департаментахъ сената и въ московской судебной палатѣ позволилъ себѣ такія рѣчи, въ которыхъ снисходительно одобрилъ гражданскій кассационный департаментъ и сурово осудилъ уголовный

* Манасеинъ началъ свое восьмилѣтнее управленіе министерствомъ съ ревизіоннаго объѣзда судебныхъ округовъ и велъ себя при ревизіи (напримѣръ, въ смоленскомъ и орловскомъ окружныхъ судахъ) поразительно рѣзко, безъ малѣйшаго уваженія къ судейскому достоинству ревизуемыхъ. Но тогда (въ 1886 г.) живъ былъ еще Катковъ, которому и хотѣлъ угодить новый министръ.

** Презрѣніе Щегловитова къ судебному вѣдомству, слишкомъ живо въ памяти, чтобы о томъ говорить подробно. Отмѣчу здѣсь, что онъ былъ вдохновителемъ обличенія ревизіи гражданскихъ департаментовъ московской палаты (въ 1911 г.) въ оскорбительную и, по моему сужденію, незаконную форму предварительнаго слѣдствія огуломъ падъ всѣми судьями этихъ департаментовъ, среди которыхъ завѣдомо были превосходные дѣятели и среди которыхъ, какъ потомъ оказалось, не было ни одного подлежащаго преданію уголовному суду.

*** Въ началѣ дѣятельности суда, по уставамъ Императора Александра II, министры юстиціи умѣли подчеркивать особое положеніе судей. Когда графъ Паленъ объѣзжалъ судебные округа, на вокзалахъ и на пристаняхъ его встрѣчали одни старшіе чины прокуратуры совмѣстно съ представителями мѣстной администраціи, а судьи ждали министра въ зданіи суда. Потомъ все это измѣнилось, и, напримѣръ, Н. В. Муравьева, видимо, тѣшило, что всюду, на пути его слѣдованія въ парадныхъ станціонныхъ комнатахъ его встрѣчали выстроенные въ рядъ судьи въ сюртукахъ съ погонями. Керенскій, какъ будетъ изложено далѣе, нашелъ способъ еще чувствительнѣе задѣть судейство, хотя и не вымогалъ торжественныхъ встрѣчъ.

**** Я держусь того мнѣнія, что англичане правы, не имѣя министра юстиціи. Во всякомъ случаѣ, вхожденіе министра юстиціи въ составъ кабинета существенно нарушаетъ независимость суда отъ исполнительной власти. Я рѣшительно отказываюсь понять, какъ могутъ говорить французы о самостоятельности своего суда, когда повышеніе судьи по ступенямъ безконечной у нихъ іерархической лѣстницы зависитъ отъ министра юстиціи, назначаемаго волею перваго министра, котораго, въ свою очередь, назначаетъ президентъ республики, самъ избираемый законодательными палатами; если при такихъ условіяхъ судья не уступаетъ давленію депутата изъ партіи большинства, то судью, по всей справедливости, надлежитъ причислить къ лику народныхъ героевъ. Пусть законъ даже провозглашаетъ, что судьи не подчинены министру юстиціи: сказать мало, надо еще закрѣпить. А то министръ юстиціи и самъ не замѣтитъ, какъ измѣнить свое отношеніе къ судьямъ въ прямой ущербъ правосудію. Это, конечно, извиняетъ министровъ, но отнюдь не оправдываетъ ихъ.

кассационный департаментъ и московскую судебную палату, то есть именно впаль въ тонъ вполнѣ начальнической, рѣшительно не отвѣчающей взаимнымъ отношеніямъ судей и министра юстиціи какъ разъ по судебнымъ уставамъ, о которыхъ самъ же говорилъ (и, повторяю, совершенно искренно) столько хорошихъ словъ. Я предвижу, что тѣ изъ моихъ читателей, кто потрудится прочесть эти строки, а не пропустить ихъ, спѣша далѣе, мысленно упрекнуть здѣсь меня (позвольте уже сказать по-просту) въ отрывкѣ корпоративной обидой. Даже юристы и тѣ, пожалуй, поставятъ вопросъ: а что дѣлать, если судьи дѣйствительно плохи? Но и я спрошу: всѣ? А если, какъ надобно полагать, не всѣ, то зачѣмъ же шельмовать всѣхъ огуломъ и безъ разбору? И потомъ, если я не начальникъ, а лишь шефъ, то не правильнѣе ли не принимать тонъ оцѣнки свысока, а по товарищески побесѣдовать съ судьями и въ дѣловомъ разговорѣ, съ фактами въ рукахъ, показать всю неправильность и весь вредъ тѣхъ или иныхъ приѣмовъ, порою врывавшихся въ отправленіе правосудія? * Правъ ли я или нѣтъ, но безспорно одно: эти похвалы мимоходомъ и окрики впустую, безъ разбора, кто правъ, а кто виноватъ, въ родѣ старыхъ школьныхъ розогъ «въ счетъ будущихъ провинностей», были явно причиною того холоднаго отчужденія, которое стали вскорѣ чувствовать къ новому министру многіе судебные дѣятели, работавшіе безупречно и видѣвшіе въ судействѣ свое призваніе. А вдобавокъ подлили масла въ огонь и неосновательныя назначенія по вѣдомству. Я не ригористъ и не могу ничего возразить ни противъ назначенія судей и прокуроровъ изъ рядовъ адвокатуры **, ни противъ назначенія безъ строгаго соблюденія старшинства ***. Но всему есть мѣра, и никакъ уже нельзя было, за отказомъ болѣе выдающихся, назначать, на примѣръ, прокуроромъ судебной палаты ни адвоката, равно ничѣмъ не выдававагося и ознаменоваваго выступленіе свое на новомъ поприщѣ анекдотическимъ циркуляромъ о революціонныхъ задачахъ прокуратуры, ни такого товарища прокурора окружнаго суда ****, который точно также ничѣмъ особымъ себя не проявилъ. Чтобы не судить другихъ поименно, ограничусь тѣмъ, что могу сообщить о самомъ себѣ. Февральско-мартовскій переворотъ засталъ въ должности первоприсутствующаго уголовнаго кассационнаго департамента одного изъ старыхъ служебныхъ дѣятелей, сенатора В. А. Желиховскаго, о которомъ я мелькомъ уже упомянулъ. Ни мой отецъ, ни я не раздѣляли многихъ взглядовъ этого человѣка и, главное, его неспокойнаго, раз-

* Я уже не говорю о томъ, что и для несомнѣннаго, доподлиннаго начальника лучше было бы поступить такъ, — это вопросъ особый, сюда не относящійся.

** Назначенія изъ рядовъ адвокатуры на должности выше членовъ окружныхъ судовъ противорѣчили судебнымъ уставамъ, но, я полагаю, лишь буквѣ ихъ (и притомъ едва ли не самому неудачному отдѣлу учрежденія судебныхъ установленій), а не духу.

*** Старшинство и очередь выдерживать сколько-нибудь строго было бы, при всѣхъ обстоятельствахъ, незачѣмъ, а нерѣдко и прямо вредно. Послѣ И. Г. Щегловитова замѣнившій его на должности министра юстиціи А. А. Хвостовъ особенно чувствовалъ невозможность соблюдать создавшееся при его предшественникѣ старшинство. Кромѣ того, судебные обычаи уже освятили извѣстные скачки по службѣ: такъ, на примѣръ, можно было изъ товарищей прокурора окружнаго суда прямо попасть въ товарищи прокурора судебной палаты, изъ члена суда — въ члены палаты, изъ товарища предсѣдателя суда — въ товарищи оберъ-прокурора сената.

**** Для лицъ, чуждыхъ судебному вѣдомству, поясню, что товарищъ прокурора суда является самою низшею степенью іерархической прокурорской лѣстницы, а прокуроръ палаты есть глава всей прокуратуры цѣлаго судебного округа. Подобнаго рода назначенія могутъ быть сопоставлены, *proportion gardée*, съ назначеніемъ прапорщика на постъ главнокомандующаго: это, даже и во время революціи, возможно лишь при условіи, что повышаемый — въ своемъ родѣ гений.

драженно-желчного подхода къ нѣкоторымъ вопросамъ*. И тѣмъ не менѣе у меня отсутствуютъ данныя, чтобы не только утверждать, но даже допустить какое либо съ его стороны угодничество власти имущимъ: просто былъ искренно правый, что для старика, пожалуй, не является исключеніемъ, а особенно въ средѣ крупной бюрократіи. Какъ бы то ни было, ему было предложено подать въ отставку, и онъ, къ удивленію моему**, согласился. Но еще больше было мое удивленіе, когда А. А. Демьяновъ, новый директоръ второго департамента министерства, предложилъ мнѣ отъ имени Керенскаго занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ. Я и тутъ не хочу скрывать своей слабости: неожиданное это предложеніе не только удивило меня, но и польстило мнѣ. Удивленіе, однако, было больше. Я напомнилъ Демьянову, съ которымъ знакомъ былъ и раньше***, что мое сенаторское старшинство правильнѣе всего исчислять недѣлями, и потому посоветовалъ предпочесть кого-нибудь постарше. На это А. А. Демьяновъ отвѣтилъ мнѣ, что для министра неприемлема кандидатура ни одного изъ сенаторовъ уголовного департамента, и, если я откажусь, то назначенъ будетъ первоприсутствующимъ одинъ изъ сенаторовъ новой формаціи, то есть человѣкъ, еще моложе меня по должности и уже совершенно сенату чуждый. Даже впоследствии, когда выяснилось, что членъ государственнаго совѣта, почетный академикъ и сенаторъ А. Э. Кони готовъ занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ департаментѣ, Демьяновъ, какъ это ни маловѣроятно, утверждалъ, что министръ предпочитаетъ меня, и я вынужденъ былъ заявить, что я не могу быть соперникомъ Кони и считаю себя въ правѣ занять предложенное мѣсто лишь за отпаденіемъ всѣхъ возможныхъ кандидатуръ, вплоть до новыхъ сенаторовъ, которыхъ старики**** встрѣтятъ, конечно, еще неприязненнѣе. Большой удачей для сената было, что Кони захотѣлъ стать первоприсутствующимъ, а иначе Керенскій едва ли бы утрудилъ себя присканіемъ другого лица, чья кандидатура была бы для сенаторовъ сноснѣе, чѣмъ моя, или, напримѣръ, О. О. Грузенберга.

* В. А. Желиховскій не могъ спокойно говорить о присяжныхъ засѣдателяхъ. Степень его раздраженія наглядно доказывается тѣмъ, что, подписывая въ 1899 г. выработанный комиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ новый проектъ устава уголовного судопроизводства, онъ въ скобкахъ прибавилъ: «при мнѣніи о необходимости упразднить судъ присяжныхъ» (не ручаюсь, конечно, за точность оставшейся въ моей памяти редакціи).

** Положеніе первоприсутствующаго сената значительно разнится отъ положенія старшаго предсѣдателя судебной палаты: за первоприсутствующимъ не стоитъ цѣлой арміи судебныхъ чиновъ округа съ ихъ мечтами (вполнѣ естественными, а порою и основательными) о дальнѣйшемъ движеніи. Поэтому первоприсутствующій со спокойною совѣстью можетъ не уважить требованіе министра о выходѣ въ отставку, никого тѣмъ не обездоливая, и я невольно удивлялся, не угадывая, что именно побудило В. А. Желиховскаго согласиться на подачу прошенія.

*** Знакомство наше было не очень короткое: одно время мы нерѣдко встрѣчались у покойнаго товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента Н. Г. Мотовилова. Демьяновъ представлялся мнѣ добрымъ и мягкимъ, совсѣмъ хорошей души человѣкомъ, но пассивнымъ. О партійной его принадлежности къ социалистамъ-революціонерамъ я ранѣе не зналъ. Въ качествѣ директора департамента, онъ оказался рѣшительно не умѣющимъ работать быстро и много: *amicus Plato, sed magis amica veritas*.

**** Не хочу, чтобы читатели считали меня молодымъ. Старикъ и я, но все познается по сравненію: мой отецъ сталъ сенаторомъ 54 лѣтъ отъ роду, а сенаторъ В. А. Цеэ (бывшій въ званіи сенатора, кажется, съ 1861 или 1862 года) совершенно серьезно называлъ его, въ разговорѣ со мною, «молодымъ человѣкомъ». Я и боялся превратиться въ «молодого человѣка» на должности первоприсутствующаго.

Все это, а равно смѣщеніе высшихъ чиновъ министерства безъ предварительныхъ объясненій, такъ что смѣщенный узнавалъ о своемъ увольненіи отъ замѣстителя, явившагося къ нему въ служебный кабинетъ, я и называю неосновательною поспѣшностью Керенскаго, который не могъ же не понимать, что, не вырывши себѣ новаго колодца, нельзя плевать въ тотъ старый, откуда еще продолжаешь пить: вѣдь не только младшимъ нуженъ старшій, но и старшему нужны младшіе и отношеніе ихъ къ нему далеко не безразлично для него же самого, если онъ дорожитъ успѣхомъ работы.

Техническіе промахи Керенскаго были замѣтны невооруженному глазу. Основательныхъ свѣдѣній ни по матеріальному праву, ни по процессу онъ не имѣлъ и впадалъ въ чувствительныя ошибки; не зналъ и приемовъ работы, которые помогаютъ при наименьшей затратѣ силъ достигать наибольшей ея производительности.

Вотъ нѣсколько этому примѣровъ.

Едва онъ вступилъ въ должность министра юстиціи, какъ издалъ собственной властью законъ, по которому мировые судьи должны были впредь засѣдать втроемъ: къ каждому судѣ придавалось по рабочему и по солдату. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ законъ въ его существѣ, хотя и теперь я думаю, что онъ былъ со всѣхъ сторонъ нелѣпъ и ничѣмъ серьезно не оправдывался. Но пусть я ошибаюсь, пусть во мнѣ говоритъ заплѣсневѣвшая рутинка, не болѣе того. Допустимъ, что такой законъ былъ и хорошъ и настоятельно необходимъ, но вѣдь несомнѣнно для каждаго юриста, что законы могло лишь издавать временное правительство, а не отдѣльные министры. Издаваемые же отдѣльными министрами законодательные акты, являясь чѣмъ-то въ родѣ «филькиной грамоты», бросаютъ на добросовѣстнаго составителя тѣнь, заставляя сомнѣваться въ достоинствѣ его юридическихъ познаній или юридическаго мышленія. Равнымъ образомъ, не задавался Керенскій и правовымъ осмысливаніемъ тѣхъ арестовъ, о которыхъ было сказано нѣсколько выше. Какъ то пришло ему въ голову перечислить своихъ арестантовъ за нашею комиссіею, и Н. К. Муравьевъ, повидимому, готовъ былъ пойти этому навстрѣчу. Я возбудилъ вопросъ, на основаніи чего слѣдственная комиссія, или, говоря иначе, коллективный судебный слѣдователь можетъ числить за собою арестантовъ, которые не привлечены и не допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ. Что послѣ того передавалъ Муравьевъ Керенскому, я не знаю, но вскорѣ Керенскій, въ разговорѣ со мною, бросилъ замѣчаніе, что я предпочелъ отвѣтственность за содержаніе арестантовъ переложить на него. Удивившись такой неожиданной точкѣ зрѣнія, я поправилъ допущенную имъ фактическую ошибку и отвѣтилъ, что я только не видѣлъ достаточныхъ данныхъ переложить на комиссію отвѣтственность, естественно лежащую на томъ, кто арестовалъ. Не помню теперь, въ какихъ словахъ, но, воспользовавшись случаемъ, я тогда же высказалъ свое недоумѣніе, какъ министр юстиціи можетъ держать людей подъ стражею безъ формальнаго основанія. И на это получилъ отвѣтъ, который и сдѣлалъ для меня памятнымъ весь разговоръ:

— Да, я держу ихъ подъ стражею не какъ министр юстиціи, а на правахъ Марата.

Вспоминаются мнѣ сейчасъ и еще два разговора съ Керенскимъ. Однажды, онъ спросилъ меня, какъ была поставлена провокація въ охранныхъ отдѣленіяхъ.

— Откуда же я могу это знать?

— Да вы были прокуроромъ палаты.

Я вынужденъ былъ объяснить министру юстиціи, что дознанія въ порядкѣ охраны производились безъ какого либо участія прокурорскаго надзора*, и мы о наличности провокаціи могли судить лишь, такъ сказать, «по косвеннымъ уликамъ» и, во всякомъ случаѣ, о ея организациі свѣдѣній никакихъ не имѣли: передъ лицомъ судебного вѣдомства жандармы предпочитали закулисныя свои дѣйствія тщательно зашифровывать.

Приступая къ воспроизведенію другого разговора, я уже перехожу изъ области юридической неосвѣдомленности Керенскаго въ область отсутствія у него техническихъ навыковъ.

Какъ то разъ Керенскій вызвонилъ меня къ себѣ по телефону около 8 часовъ утра. Когда я пришелъ, онъ изъ большой конторки, стоявшей у него въ кабинетѣ, досталъ порядочное количество разныхъ бумагъ не первой уже свѣжести. Бумаги эти относились такъ или иначе къ верховной слѣдственной комиссіи. Передавая ихъ мнѣ, министръ заговорилъ со мной о работѣ комиссіи; о чемъ, именно, теперь не помню; только характеръ разговора былъ таковъ, что я замѣтилъ:

— Но я не предсѣдатель комиссіи.

Смыслъ моего замѣчанія былъ бы сразу понятенъ каждому технику: положеніе товарища предсѣдателя, даже дружно работающаго съ предсѣдателемъ (чего нельзя было бы сказать про меня и Н. К. Муравьева), становится, говоря откровенно, неловкимъ, когда предсѣдатель поставляется министромъ о чемъ либо въ извѣстность черезъ товарища предсѣдателя, а не непосредственно. Но Керенскій возразилъ мнѣ:

— Это все равно. Въ моихъ глазахъ предсѣдатель — вы.

Незнаніе техники губило Керенскаго на каждомъ шагу. Вступивъ въ должность, онъ задался мыслью предоставить младшимъ право избирать себѣ старшаго. Такъ настроенный министръ юстиціи, изъ технически освѣдомленныхъ людей, естественно далъ бы это право только судьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, надлежащая постановка взаимныхъ отношеній между судебными коллегіями и центральнымъ управленіемъ министерства юстиціи требуетъ, чтобы предсѣдатели судебныхъ мѣстъ были не послами министра въ судъ или палату, а, напротивъ, послами отъ суда или отъ палаты къ министру. Если же, по обстоятельствамъ революціоннаго времени, Керенскій считалъ себя вынужденнымъ замѣстить должности старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ по своему выбору, то, во всякомъ случаѣ, должности предсѣдателей (если не всѣхъ, такъ многихъ) окружныхъ судовъ, а особенно должности предсѣдателей департаментовъ палатъ и товарищей предсѣдателей судовъ свободно могли бы замѣщаться согласно выбору сочленовъ: избрать перваго между равными проще всего этимъ

---

* Точно такое же незнаніе, впрочемъ, обнаружилъ еще одинъ адвокатъ по политическимъ дѣламъ, сдѣланный при Временномъ правительствѣ сенаторомъ, Н. Д. Соколовъ, котораго считаютъ авторомъ знаменитаго приказа № 1. Онъ явился ко мнѣ, какъ къ прокурору палаты, съ жалобою на неосновательное содержаніе кого-то подъ стражею по жандармскому дознанію. Я, предполагая, конечно, что рѣчь идетъ о формальномъ дознаніи, снесся по телефону съ товарищемъ прокурора палаты, завѣдывавшимъ «политикою». Оказалось, что такого формальнаго дознанія нѣтъ. Тогда Н. Д. Соколовъ пояснилъ, что онъ говорилъ о дознаніи въ порядкѣ охраны. Я возразилъ, что въ такомъ случаѣ прокуратура не имѣетъ къ дѣлу никакого касательства. Онъ былъ очень озадаченъ и полувопросительно сказалъ: «Ахъ, да. Военное положеніе?» Удивленіе его еще увеличилось, когда я отвѣтилъ, что и безъ военнаго положенія прокуроръ не касается дознаній въ порядкѣ охраны.

равнымъ. Но Керенскій захватилъ своею мѣрою и судей, и прокуроровъ, и чиновъ министерства. Вышло такъ, что и будущіе подчиненные получили право выбирать себѣ начальника, что, по моему, должно каждому технически грамотному человѣку казаться нелѣпымъ и явно вреднымъ для интересовъ службы*. Керенскій и самъ скоро понялъ неудобство такихъ выборовъ, но, видимо, съ точки зрѣнія ущербленія своей власти, онъ и не подумалъ выдѣлить судей въ особую группу, а лишилъ всѣхъ безразлично только что имъ же самимъ дарованнаго права, причемъ дѣло не обошлось, разумеется, безъ треній**.

Но вотъ и еще примѣръ, но къ нему разрѣшите подойти издалека. Керенскій работалъ много и съ увлеченіемъ. Я неоднократно бывалъ у него по утрамъ, около 8 часовъ, и всегда находилъ его за работой. Какъ то разъ, будучи вызванъ имъ, я не могъ попасть къ нему въ зданіе министерства, несмотря на всѣ усилія. Было это 23 марта, въ день торжественныхъ похоронъ на Марсовомъ полѣ, лицъ, «павшихъ за революцію»***, а мнѣ путь лежалъ именно черезъ Марсово поле. Меня уже не хотѣли пустить на Троицкій мостъ; но нравы не мѣняются по мановенію руки, и я прибѣгъ къ старой уловкѣ. Сказавъ, что я вызванъ къ министру юстиціи по спѣшному дѣлу, я спросилъ у офицера его фамилію, «чтобы сообщить министру, кѣмъ я былъ задержанъ». Тогда офицеръ предпочелъ пропустить меня по мосту; затѣмъ мнѣ пришлось свернуть на Милліонную, выждать перерыва тянувшейся тамъ процессіи, стремительно перебѣжать на другую сторону улицы, пройти Аптекарскимъ переулкомъ, Екатерининскимъ каналомъ и Михайловской улицей на Невскій. Далѣе Садовой я не продвинулся по Невскому: путь мнѣ преградила безконечная вереница людей съ красными знаменами и, время

* Когда судьи выбираютъ предсѣдателя, имъ прямой расчетъ выбрать наиболѣе работоспособнаго и распорядительнаго человѣка: засѣданія подъ его руководствомъ будутъ идти отчетливѣе и глаже, а канцелярія разомъ подтянется. Но, выбирая себѣ начальника, подчиненные, кромѣ исключительныхъ случаевъ, естественно предпочтутъ избрать человѣка помягче, понисходительнѣе и полѣннѣе.

** Керенскій, насколько я знаю, прежде всего понялъ, что онъ самъ себя обязалъ работать по должности министра съ тѣми, кого не онъ избралъ, а навязали ему младшіе чины министерства. Затѣмъ его задѣло, что петроградскій окружной судъ — предсѣдателя, а петроградская прокуратура — прокурора суда выбрала изъ своей среды, а не изъ «общественныхъ дѣятелей». Подчинясь первымъ избраніямъ съ явною неохотою, онъ сталъ настаивать на своемъ правѣ назначенія (по закону, безспорномъ); такъ же поступили и его преемники, но это не всегда удавалось; я помню, что юрисконсультская часть министерства юстиціи, когда освободилось мѣсто старшаго юрисконсульта, захотѣла непременно воспользоваться даннымъ ей правомъ. Былъ ли тогда А. С. Зарудный уже министромъ, не могу навѣрное сказать: онъ и какъ товарищъ министра имѣлъ къ юрисконсультской части непосредственное отношеніе по службѣ; во всякомъ случаѣ, онъ непременно хотѣлъ назначить старшимъ юрисконсультомъ одного изъ начальниковъ отдѣленій, А. В. Оссовскаго, но тотъ заявилъ, что не считаетъ себя вправѣ занять эту должность помимо выборовъ. Пришлось допустить выборы, на которыхъ и былъ выбранъ Оссовскій (безъ давленія свыше, по случайному совпаденію оцѣнокъ сослуживцевъ и начальства).

*** По этому поводу расскажу здѣсь, кстати, ничтожный случай, смахивающій на анекдотъ, но достовѣрный и не лишенный характерности. У доктора И. И. Манухина, о которомъ я уже упоминалъ, была служанка, по имени Наташа, молодая дѣвушка, хорошо грамотная и считавшая себя социалисткою. Такъ вотъ, эта Наташа не могла скрыть 23 марта своего волненія отъ хозяевъ и, на ихъ вопросы, подѣлилась съ ними такимъ сомнѣніемъ: Пусть тамъ «всѣ эти городовые», которые стрѣляли при переворотѣ въ народъ, очень виноваты; но вѣдь они за то и убиты; а зачѣмъ же такое надъ ихъ прехомъ надругательство? — Какъ надругательство? — Да какъ же: вѣдь ихъ зарываютъ безъ отпѣванія въ неосвященную землю.

Я смѣю думать, что въ низахъ лѣваго лагеря не одна Наташа такъ неожиданно восприняла первыя «гражданскія» похороны героевъ революціи.

отъ времени, съ красными гробами. Потерявъ надежду достоять до конца и чувствуя, что Керенскій давно уже меня ждетъ, я зашелъ въ ближайшую аптеку, соединился съ нимъ по телефону и спросилъ его, когда будетъ ему удобнѣе принять меня: въ тотъ же день вечеромъ или на слѣдующій утромъ; онъ выбралъ второе. Прочитавъ 24-го въ утреннихъ газетахъ фамилію нѣкоторыхъ министровъ въ числѣ участниковъ торжества, я не удержался и началъ дѣловой съ Керенскимъ разговоръ недѣловымъ вопросомъ, почему онъ не былъ на Марсовомъ полѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ энергичный, искренній и очень мнѣ понравившійся:

— Теперь работать надо, а не въ игрушки играть.

Но, работая, что называется, во всю, Керенскій по недостатку технической выучки, разбрасывался, хватался за многое разомъ и не умѣлъ отгораживаться отъ мелочей. Примѣровъ тому есть достаточно, даже, пожалуй, слишкомъ, но я обѣщаль ограничиться однимъ. Нѣсколько разъ, принимая меня въ девятомъ часу утра, Керенскій съ несомнѣнною гордостью говорилъ мнѣ, что онъ наканунѣ сидѣлъ въ засѣданіи временнаго правительства до позднихъ пѣтуховъ: до 3, 4, 5 часовъ. И настолько онъ былъ удовлетворенъ такимъ самопожертвованіемъ, что до его душевнаго слуха (я видѣлъ это ясно) не доходили мои сужденія и невозможности такой линіи поведенія изо дня въ день; чрезмѣрная работа становится въ концѣ концовъ мало производительною, но этотъ Erfahrungssatz чужимъ опытомъ не приобрѣтешь.

Остается еще сказать о томъ, какъ переоцѣнивалъ Керенскій силу слова. Это его свойство выяснилось, главнымъ образомъ, уже за стѣнами судебного вѣдомства, когда онъ превратился въ всероссійскаго гастролера по уговариванію. Есть три рода краснорѣчія: дѣйствующее на умъ, на чувство и на нервы. Краснорѣчіе Керенскаго, какъ и его политическаго и профессиональнаго противника, товарища оберъ-прокурора сената О. Ю. Виппера, принадлежало, на мой взглядъ, преимущественно къ третьему роду; сами нервныя, почти истеричныя, оба жили подъемомъ нервовъ, и рѣчи ихъ были очень нервныя, иногда съ провалами, а иногда и съ высокими взлетами, сильно бьющія по нервамъ слушателей. Такое краснорѣчіе, пожалуй, самое заразительное, но мнѣ давно уже думается, что дѣятели слова (проповѣдники, политики, профессора, адвокаты, писатели) преувеличиваютъ властность своего орудія: людей почти невозможно переубѣдить, ихъ можно только, я бы сказалъ, доубѣдить, то есть помочь имъ окончательно рѣшиться на такой шагъ, на который они и сами, сознательно или безсознательно, почти готовы были рѣшиться; наиболѣе убѣдительное слово — тотъ же кислородъ: тлѣющую искру заставитъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ, но самъ ничего не зажжетъ. Поэтому-то Керенскому и не удалось убѣдить солдатъ умирать за родину, когда они всею душою тянулись уже къ тому, какъ бы пожить для себя, хотя бы и вовсе безъ родины. Въ качествѣ министра юстиціи Керенскій, надѣясь на убѣждаемость людскую или, вѣрнѣе, на убѣдительность своихъ рѣчей, допустилъ важный промахъ въ отношеніи большевицкой пропаганды, начавшейся еще до приѣзда Ленина и Троцкаго и выразившейся ярко, на примѣръ, въ статьяхъ Стеклова, печатавшихся подъ вывѣскою совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ: Керенскому болѣе искренно, чѣмъ гоголевскому Плюшкину, казалось, что «противъ душевспасительнаго слова не устоишь», а что изъ этого вышло, всѣмъ теперь вѣдомо*.

* Керенскій, насколько я тогда могъ видѣть, не увлекался дѣятельностью совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и сознавалъ опасность слѣва. Лучшимъ тому дока-

Я все высказалъ о Керенскомъ, что лежало у меня въ памяти и на душѣ. Многіе могутъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что я «началъ за здравіе, а свелъ за упокой». Право, это не такъ. Керенскій, смѣю думать, не годился въ государственные люди, какъ не годится большинство изъ насъ; но судить себя трудно, да онъ и не самъ выдвигалъ свои кандидатуры на всѣ тѣ разнообразныя посты, которые занималъ въ короткій промежутокъ между самодержавіемъ и комиссаро-державіемъ: его выбросила вверхъ революціонная волна, она же его и потопила. Правда, принять мѣсто военнаго министра, а тѣмъ болѣе верховнаго главнокомандующаго, будучи со всѣхъ сторонъ штатскимъ, едва ли возможно безъ большой смѣлости, но нельзя забывать, что сначала Керенскій взялъ только портфель министра юстиціи, на который, казалось бы, имѣлъ, какъ адвокатъ, формальное право. Я увѣренъ, что въ мартѣ онъ ни за что не согласился бы замѣнить Гучкова. Но всеобщее поклоненіе, о чемъ я уже упоминалъ, дѣлало его на моихъ глазахъ все самоувѣреннѣе; онъ не видѣлъ спокойной и вдумчивой критики своихъ дѣйствій почти ни откуда, а угодливости, и корыстной, и безкорыстной, даже положительно влюбленной, было хоть отбавляй; его «филькина грамота» о засѣдателяхъ при мировыхъ судьяхъ и та была принята къ исполненію, какъ настоящій законъ, безъ попытки противодѣйствія. Сперва другіе въ немъ увидѣли спасителя Россіи, а потомъ и онъ увѣрился въ этомъ. Пусть за то въ него бросятъ камень тѣ, кто можетъ поручиться, что у нихъ голова въ его положеніи не закружилась бы. Я на такой поступокъ не рѣшусь.

Но я и не замѣтилъ, какъ вышелъ за границы настоящей главы. Впрочемъ, содержаніе ея мною почти исчерпано.

Преемниками Керенскаго по должности министра юстиціи были послѣдовательно П. Н. Переверзевъ, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтовичъ, все — адвокаты, первые двое петроградскіе, а третій — московскій.

П. Н. Переверзевъ, до моего выѣзда изъ Петрограда, былъ министромъ не больше мѣсяца. Передъ революціею онъ долгое время стоялъ во главѣ санитарнаго отряда петроградской адвокатуры на сѣверномъ, кажется, фронтѣ и пріобрѣлъ славу искуснаго администратора. Керенскій, сейчасъ же послѣ переворота, назначилъ его прокуроромъ петроградской судебной палаты. Тогда я и познакомился съ нимъ впервые. Средняго возраста и средняго роста, крѣпкаго сложения, спокойно-уравновѣшенный, скупой на слова, съ неизмѣнною трубкою-носогрѣйкою, онъ производилъ впечатлѣніе надежнаго человѣка. Подчиненные по прокурорскому надзору относились къ нему, въ общемъ, съ симпатіей. Будучи прокуроромъ палаты, онъ выказалъ незаурядную смѣлость и большое присутствіе духа въ Кронштадтѣ, когда большевицки настроенные матросы хотѣли расправиться съ членами комиссіи по разбору мѣстныхъ арестантовъ; онъ входилъ въ составъ этой комиссіи, и ему были обязаны члены ея своимъ спасеніемъ: онъ рѣшительно выступилъ впередъ и умѣлъ успокоить злобствующихъ; правда, только на время, но вполне достаточное для того, чтобы комиссія успѣла выѣхать изъ Кронштадта. Ставъ, однако, министромъ, онъ не обнаружилъ, къ моему

затѣльствомъ служить его смѣлыя слова о «взбунтовавшихся рабахъ», сказанныя въ глаза этимъ рабамъ. Но, къ сожалѣнію, все и оканчивалось у Керенскаго только словами. Его обвиняютъ въ томъ, что нашелъ же онъ необходимую энергію для борьбы съ Корниловымъ, то есть направо. Я, напротивъ, думаю, что побѣда его надъ корниловскимъ движеніемъ объяснялась исключительно случайностью, тѣмъ, что Корниловъ не былъ въ душѣ мятежникомъ, не умѣлъ организовать заговоръ и самъ не проявилъ должной энергіи, или тѣмъ, что войска не въ надлежащей мѣрѣ поддержали Корнилова. Отъ натиска и справа врядъ ли бы сумѣлъ оборониться чистый «словесникъ» Керенскій.

удивленію, ни настойчивости, ни послѣдовательности: его, какъ и Керенскаго, какъ и все временное правительство, какъ, можетъ быть, и большинство членовъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, несло, куда хотѣло, крайнее лѣвое теченіе, становившееся сильнѣе и сильнѣе, но пока оставшееся попрежнему подводнымъ, хотя кое-гдѣ уже и поднимавшееся на поверхность. Я не могъ понять, какъ министръ юстиціи, лично пережившій кронштадтскій ужасъ большевицкаго паводка, ничего не предпринималъ ни противъ дачи Дурново, ни противъ дворца Кшесинской, гдѣ грозно трещалъ ледъ, предвѣщая уже не паводокъ, а весеннее половодье большевицкой стихіи. Въ знаменьяхъ не было недостатка: рабочіе откуда то получали оружіе, начались выступленія народныхъ низовъ безъ вѣдома и согласія, повидимому, даже совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, знамена съ надписями: «долой десять министровъ-капиталистовъ», «отъ Циммервальда къ третьему интернаціоналу» тащили мальчишки и бабы, явно не знавшіе, кто у насъ министры и что за штука такая Циммервальдъ, и, слѣдовательно, кѣмъ-то оплачиваемые за трудъ манифестаціи. У каждаго изъ насъ, жившихъ тогда въ Петроградѣ, накоплялись мелкій фактъ за мелкимъ фактомъ, показательныя наблюденія, какъ на подборъ, все одного порядка: ѣдешь въ трамваѣ и слышишь то разсужденія рабочаго объ уравнильной платѣ всѣмъ, кто бы что ни дѣлалъ и какъ бы ни дѣлалъ, то грубые отзвывы нижнихъ чиновъ объ офицерскомъ составѣ, намѣренно высказываемые въ присутствіи молчащихъ офицеровъ, то рѣшительное мнѣніе курносаго солдата, что для него и сдача Москвы нѣмцамъ безразлична: «ну-к' что-жъ? мы — пензенскіе». Идешь по Марсову полю и слышишь, какъ матросъ, «собравъ вокругъ себя родъ вѣча», доказываетъ, что намъ не нужны Дарданеллы: «у насъ и своей земли довольно», а на замѣчаніе ваше, что Дарданеллы — проливъ и тамъ только вода, побѣдоносно восклицаетъ: «ну, вотъ, и земли даже нѣтъ, такъ на кой они намъ шутъ дались». Переходишь Невскій, пользуясь небольшимъ разстояніемъ между двумя колоннами растянувшейся демонстраціи, а тебя гонятъ назадъ, и злой женскій голосъ, дополняя злобу нѣсколькихъ паръ глазъ, визжитъ: «нѣтъ, ты теперь, буржуй проклятый, постой передъ нами». Мнѣ, конечно, неизвѣстно, что именно мѣшало Переверзеву дѣйствовать, нерѣшительность ли или невозможность проявить свою рѣшительность чѣмъ либо во внѣ. Но не умѣю отдѣлаться отъ мысли, что, и при очевидной слабости правительства, рѣшительность того или иного члена его всегда въ чемънибудь должна сказаться, а къ тому же у меня есть два примѣра несомнѣнной, по моему, пассивности П. Н. Переверзева въ качествѣ министра. Первый случай таковъ. Зашелъ онъ какъ то въ верховную слѣдственную комиссію и выслушалъ докладъ Н. К. Муравьева о нашей работѣ. Работа эта была весьма плачевна, въ чемъ убѣдятся и читатели, когда ознакомятся со слѣдующей главой. Муравьевъ говорилъ скачками, и его «защитительная рѣчь» представлялась мнѣ явно неубѣдительною. Да и то сказать: *ex nihilo nihil fit*. Я смотрѣлъ на умно глядѣвшіе глаза министра и предвкушалъ кислыя слова, вполне нами заслуженныя. И что же вышло? Переверзевъ, попыхивая носогрѣйкою, заявилъ, что считаетъ теперь всѣ нареканія на бесплодность работы комиссіи неосновательными. Я такъ и не понимаю, чѣмъ онъ удовлетворился. Тѣмъ, что мы были заняты работою по горло? Но развѣ кто выигралъ отъ нашей переобремененности? Одобрить крыловскую мартышку съ чурбаномъ не значитъ ли мириться со всѣмъ*.

* Позвольте привести здѣсь, кстати, параллель. Уже въ декабрѣ 1917 года, при большевикахъ, я пытался получить хоть часть денегъ съ текущаго моего счета въ госу-

варіація на ту же тему. Есть у меня двоюродный брать*; революція застигла его на должности прокурора провінціального окружного суда. Прежде опъ былъ подь подозрѣніемъ въ лѣвизнѣ, какъ братъ «политическаго преступника» (оправданнаго, впрочемъ, военнымъ судомъ). А теперь его обвинили въ потачкѣ союзу русскаго народа. Обвиненіе провѣрять не стали, а двоюродный братъ изъ прокуроровъ былъ смѣщенъ въ члены окружного суда, къ тому же еще гродненскаго, то-есть давно эвакуированнаго и прозябавшаго гдѣ-то въ бѣженскомъ состояніи. Меня ни самъ наказанный, ни его отецъ ни о чемъ не просили, по я обратился къ министру Переверзеву съ подробнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ все, что зналъ о братѣ и его дѣлѣ. Переверзевъ, при первой же встрѣчѣ со мною, сказалъ, что раздѣляетъ мою точку зрѣнія и признаетъ справедливымъ исправить допущенную ошибку. Говорилъ онъ, я не сомнѣваюсь, искренно: зачѣмъ бы и было ему притворяться? А брата и большевицкій переворотъ засталъ все тѣмъ же членомъ гродненскаго окружного суда.

Съ А. С. Заруднымъ я когда то былъ на «ты». Безкорыстнѣйшій идеалистъ, добрый и отзывчивый человекъ, хорошій, но нѣсколько медлительный работникъ, онъ обладалъ головою, способною вскипать не хуже самовара. Увлекаясь, онъ искренно ставилъ русскую прокуратуру, вообще, и петербургскую, въ частности, значительно выше, чѣмъ требовала строгая справедливость. Дороги наши разошлись: онъ ушелъ въ центральное управленіе министерства юстиціи, а я въ провинцію. Когда, четыре года спустя, я вернулся въ Петербургъ членомъ судебной палаты, онъ былъ уже присяжнымъ повѣреннымъ и успѣлъ, съ неменьшею искренностью и съ неменьшимъ увлеченіемъ, покотившись по лѣвому склону нашей общественности, измѣнить свое мнѣніе о русскомъ судѣ и русской прокуратурѣ, цѣня ихъ гораздо ниже дѣйствительной стоимости. Онъ принялъ участіе въ движеніи 1905 года и вмѣстѣ съ другими адвокатами пытался, не то въ октябрѣ, не то въ ноябрѣ, «снимать судей», требуя отъ нихъ политической забастовки. За это въ слѣдующемъ году онъ былъ присужденъ къ кратковременному лишенію свободы и отсидѣлъ наказаніе въ «Крестахъ». Судьбѣ угодно было, чтобы приговоръ о немъ состоялся подь предсѣдательствомъ моего зятя. Послѣ этого онъ пересталъ меня узнавать; я говорю не про мгновенныя встрѣчи: мы какъ-то сидѣли бокъ о бокъ въ партерѣ Михайловскаго театра, рядомъ стояли на похоронахъ сенатора М. И. Спирова, но онъ упорно избѣгалъ моихъ глазъ. Вновь пришлось намъ заговорить только тогда, когда онъ сталъ товарищемъ министра юстиціи при Керенскомъ. Мы говорили уже на «вы», но скорѣе дружески. Съ Керенскимъ его связывала, видимо, большая пріязнь, изъ за которой онъ и принялъ должность товарища министра. Но должностью этой онъ тяготился

дѣрственнымъ банкѣ. Стоялъ огромный хвостъ къ директору, дававшему разрѣшеніе стать въ хвостъ къ расходной кассѣ. Мы томились свыше трехъ часовъ, очередь подвигалась медленно. Дама, бывшая передо мною, не выдержала и стала осуждать большевицкіе порядки въ банкѣ. Я ее поддержалъ. Тогда товарищъ-сторожъ рѣзко крикнулъ на насъ. Смысль его окрика былъ тотъ, что никогда раньше въ банкѣ такъ не работали: директоръ теперь, не покладая рукъ, трудится, изнемогая отъ количества разрѣшеній, которыя приходится выдавать «вотъ такимъ, какъ вы». Въ это время еще не «уходили сивку крутыя горки», а нервы были взвинчены, и я не менѣе рѣзко отвѣтилъ «товарищу», что, по мнѣ, хоть не работай, да насъ не томи, а если «хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ», то благодарить ее не за что. Сторожъ умолкъ и отошелъ. Я видѣлъ, что его мои слова озадачили: онъ почувствовалъ ихъ правду. А я вспомнилъ, какъ весною удостоился одобренія, въ числѣ другихъ членовъ комисіи, за нашу мартышечью работу отъ человека, не сторожу чета.

* Не называю его: онъ остался въ Совдепѣи.

и вышелъ въ отставку безъ малѣйшихъ, кажется, столкновений съ министромъ; не удержало его и председательствованіе въ комиссіи по пересмотру и очищенію судебныхъ уставовъ, чѣмъ онъ дорожилъ, чтя память своего отца.

Когда я въ августѣ 1917 года возвратился въ Петроградъ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, Зарудный былъ уже министромъ юстиціи. Меня въ первый же день моего пріѣзда поставили въ извѣстность, что онъ незадолго передъ этимъ искалъ меня. На вопросъ мой, зачѣмъ я ему понадобился, мнѣ было сказано, что онъ, повидимому, предполагаетъ назначить меня первоприсутствующимъ соединеннаго присутствія, въ которомъ сосредоточенъ высшій надзоръ за судьями. Я уже говорилъ, какова должна быть постановка такого присутствія, чтобы нельзя было при его посредствѣ наступить на судебскую несмѣняемость, а что нажимать на судей можно и слѣва, не только справа, въ этомъ у меня всякое сомнѣніе исчезло. Председательствовать въ подобной коллегіи мнѣ очень не улыбалось; затѣмъ, опять поднимался вопросъ о старшинствѣ, который я не могъ рѣшить по совѣсти иначе, какъ не въ свою пользу; наконецъ, уже не Зарудный на меня, а я на него былъ сердитъ и за готовность временно отмѣнить несмѣняемость судей, и за вялость разслѣдованія дѣла о большевицкомъ мятежѣ въ іюлѣ. Я не только не пошелъ къ Зарудному, но и просилъ не говорить ему о моемъ возвращеніи. Не знаю, поэтому ли онъ остановился на другомъ кандидатѣ*, но несомнѣнно, что именно поэтому я такъ и не удостоившись собственными глазами, какой былъ видъ у новаго министра, въ то время, когда и его уносило на льдинѣ, сильнымъ теченіемъ, къ морю большевичества.

П. Н. Малянтовича министромъ юстиціи я, кажется, тоже не видѣлъ. Но мы знали другъ друга еще въ московскомъ университетѣ и возобновили знакомство при Керенскомъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Какъ адвокатъ, онъ былъ гораздо извѣстнѣе всѣхъ трехъ своихъ предшественниковъ. Поэтому я не разъ слышалъ сожалѣнія, что не онъ первый былъ назначенъ на должность министра юстиціи**. Я этого сожалѣнія не раздѣляю: и потому, что *inter arma silent leges*, — а Россія тогда уже приступала къ междуусобной схваткѣ, и потому, что Малянтовичъ кланялся въ лѣвый уголъ, видимо, усиленнѣе, чѣмъ его предмѣстники при временномъ правительствѣ, а эти земные поклоны, конечно, не исправляли, но лишь повторяли ошибку большинства министровъ стараго строя, усердствовавшихъ кланяться въ правый уголъ; двери въ государственное будущее, если мои глаза меня не обманывали, были приблизительно посрединѣ.

О раскланываніи П. Н. Малянтовича съ крайними лѣвыми, я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ и сейчасъ объ этомъ расскажу. Вступивъ въ должность, новый министръ засталъ дѣло о большевицкомъ возстаніи 3—5 іюля въ производствѣ. Правда, Ленина, который изъ Финляндіи уже вернулся въ Петроградъ, власти такъ и не могли разыскать, точно иголку въ стогѣ сѣна; но многіе вожди большевиковъ, безъ которыхъ Ленинъ былъ какъ безъ рукъ, сидѣли подъ стражею, гдѣ имъ и подобало находиться. Малянтовичъ, уступая лѣвому натиску, склонялся къ тому, чтобы ихъ освободить. Съ этой цѣлью онъ созвалъ

---

* Было бы несправедливо не отмѣтить, что Зарудный остановилъ свой выборъ на сенаторѣ Г. С. Маньковскомъ, имѣвшемъ и значительное старшинство, и безупречное имя.

** Отмѣчаю здѣсь, кстати, что Малянтовичъ, послѣдній министръ юстиціи при существованіи суда по уставамъ 20 ноября 1864 года, былъ первымъ изъ всѣхъ министровъ, который зналъ гражданское право.

особое совѣщаніе, изъ членовъ котораго въ памяти моей остались трое; ихъ я ставлю очень высоко, но не считаю себя въ правѣ приводить ихъ имень, такъ какъ всѣ они, повидимому, до сихъ поръ находятся, по выраженію З. Гиппиусъ, «въ пальцахъ сѣрыхъ обезьянъ». Трудно воспроизводить подробности засѣданія, если самъ въ немъ не участвовалъ, а пишешь по памяти съ чужихъ словъ. Однако, я помню, что Малянтовичъ настойчиво проводилъ мысль объ отсутствіи въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ состава преступления. Онъ даже приводилъ смѣлыя сравненія: большевики такіе же пораженцы, какими были и «мы» въ японскую войну. И затѣмъ поставилъ вопросъ: неужели бы вы тогда и меня привлекли къ суду? Кто-то отвѣтилъ министру, что если онъ допускалъ, исходя изъ пораженческихъ взглядовъ, поступки въ родѣ тѣхъ, которые вмѣняются въ вину большевикамъ, то и его слѣдовало бы тогда судить. Министръ никого не убѣдилъ, восторжествовала временно точка зрѣнія прокуратуры; но явно, что не такіе люди, какъ Малянтовичъ, были въ ту пору зрячими и могли провести русскій государственный корабль благополучно между Сциллою и Харибдою.

Отрывки изъ происходившаго при мнѣ и около меня въ министерствѣ юстиціи, послѣ царя и передъ большевиками, я заключу нѣсколькими замѣчаніями о комиссіи по восстановленію судебныхъ уставовъ. Многоголовыя комиссіи всегда, на русской, по крайней мѣрѣ, почвѣ, малоуспѣшны. А эта была къ тому же переполнена людьми, только въ нее забѣгавшими въ перерывѣ между очередными дѣлами. Такой недостатокъ еще куда бы ни шелъ, если бы задача сводилась къ восстановленію, по возможности, первоначальной редакціи уставовъ 1864 года. Но о реставраціи серьезно говорятъ лишь въ области административно-государственной, потому что тамъ каждый считаетъ себя компетентнымъ; а въ комиссіи мы всѣ, какіе ни есть, все же были болѣе или менѣе юристы, хотя бы только по усыновленію, и потому понимали, что отъ реставраціи пахнетъ мертвымъ, а для воскрешенія нужна живая вода. Не я одинъ высказывалъ тогда мысли, которыя отправлялись отъ такой перифразы извѣстныхъ словъ Теринга: путемъ судебныхъ уставовъ, но дальше ихъ. А какъ идти дальше, вотъ этого большинство изъ насъ сколько нибудь ясно не представляло и систематически продумать времени не имѣло. Русскій человекъ способенъ и верхи схватываетъ живо; такъ и не удивительно, что въ комиссіи, при указанныхъ условіяхъ, началась, по моей терминологіи, «ловля счастливыхъ мыслей», то есть полуимпровизація, а зачастую и вовсе импровизація. Я «забѣгалъ» въ отдѣлы судоустройства и гражданскаго судопроизводства, но зодческой работы тамъ не видѣлъ: шелъ ремесленный, хоть порою и толковый ремонтъ, такой, при которомъ сразу видны новыя заплаты. Для меня безспорно, что, погубивъ нашу комиссію, большевики вреда никому и ничему не причинили.

Временное правительство для дѣла русскаго суда не сумѣло повторить принопамятную эпоху созданія судебныхъ уставовъ; сыновья и внуки ихъ составителей не въ отцовъ уродились.

2. ВЪ ВЕРХОВНОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ

Приступая къ этой части моихъ воспоминаній, я испытываю затрудненіе особаго рода. Былъ я товарищемъ предсѣдателя верховной слѣдственной комиссіи съ начала марта по вторую половину мая, сидѣлъ въ ней почти безвыходно, и не могу изобразить полной картины всего, что тамъ происходило. Въ томъ нѣтъ

ничего страннаго: большая работа, хотя бы и бесплодная, отнимаетъ такъ много времени, что не позволяетъ оглядываться по сторонамъ, да и вообще, чѣмъ ближе къ чему либо подходишь, тѣмъ властнѣе подробности заслоняють цѣлое. Но досаднаго въ этомъ для меня не мало, и если бы я былъ увѣренъ, что Богъ дастъ мнѣ еще вѣку, я бы предпочелъ писать о комиссіи по возвращеніи въ Петроградъ, предварительно переговоривъ съ тѣми изъ ея членовъ и слѣдователей, которые вмѣняли себѣ въ обязанность не сходить съ судейской точки зрѣнія. Дѣлать, однако, печего, — живетъ и такъ. Очень ужъ не хочется мнѣ покончить земное мое существованіе, не давъ возможности всѣмъ, у кого есть охота, услышать отъ меня правдивый разсказъ о томъ, какъ лѣвая Россія возводила въ перлъ созданія всѣ пороки правой.

Съ предсѣдателемъ комиссіи, облеченнымъ правами товарища министра юстиціи, присяжнымъ повѣреннымъ Н. К. Муравьевымъ, я познакомился въ зданіи министерства юстиціи. Онъ уже зналъ, что я назначенъ Керенскимъ въ товарищи предсѣдателя, и выразилъ одновременно и свое удовольствіе по поводу этого и свое недоумѣніе, какъ я, сенаторъ, согласился идти въ подручные къ нему, адвокату. «Удовольствіе» Муравьева для меня прозвучало сакраментальнымъ заключеніемъ оффиціальныхъ писемъ: «Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности», а его недоумѣніемъ я, признаюсь, былъ озадаченъ. Тогда я еще не подозрѣвалъ, что многіе адвокаты, даже изъ тѣхъ, что всегда высокомерно отзывались о сенатѣ, сочтутъ за честь для себя быть сенаторами*; да и послѣ я не замѣчалъ, чтобы Муравьевъ мечталъ о сенаторствѣ: по моимъ наблюденіямъ, его скорѣе манила должность товарища министра. Слѣдовательно, мое предположеніе, что «недоумѣніе» Муравьева есть лишь «парламентское» выраженіе нежеланія имѣть меня своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, нельзя приписать одной только подозрительности. Какъ бы то ни было, это предположеніе у меня сверкнуло въ мозгу, едва я началъ мямлить что то противъ «мѣстничества», и я перебилъ самого себя откровеннымъ заявленіемъ, что въ комиссію не рвусь и охотно уступлю свое мѣсто всякому, кого онъ предпочтетъ. Муравьевъ, на наше общее горе, не воспользовался этимъ выходомъ и поспѣшилъ увѣрить меня, что дорожитъ работою именно со мною.

Задачи Муравьева были безбрежныя: онъ думалъ объ исторіи. Мои — гораздо скромнѣе: я думалъ о правосудіи и о судьбѣ лицъ, уже лишенныхъ свободы въ ожиданіи нашего разслѣдованія. Въ его головѣ предносился будущій, чуть ли не ученый, трудъ о недостаткахъ павшаго режима. Въ моей головѣ копошились планы безпристрастнаго и быстрого слѣдствія. Но въ одномъ мы сошлись: онъ — ради расширенія, а я, — ради ускоренія нашей работы, мы оба согласно признали необходимымъ значительное количество слѣдователей. И такъ какъ я хотѣлъ видѣть слѣдователями людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, а онъ желалъ влить въ комиссію побольше «общественнаго элемента», то мы оба помирились на томъ, что слѣдователи будутъ спеціалисты, а общественные дѣятели

---

* Присяжный повѣренный Н. Д. Соколовъ всюду, гдѣ мнѣ не приходилось присутствовать, приказывалъ докладывать о немъ: «Сенаторъ Соколовъ». А присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, имѣющій извѣстное имя въ качествѣ уголовного защитника, наговорилъ судебному слѣдователю (если не ошибаюсь Г. П. Гирчичу) много непріятныхъ словъ изъ за того, что слѣдователь осмѣлился вызвать его, сенатора, какъ простаго смертнаго. Привожу эти примѣры въ доказательство того, что званіе сенатора дѣйствительно воспринималось нѣкоторыми адвокатами безъ равнодушія.

будутъ при нихъ на правахъ товарищей прокурора. Въ нашихъ совѣщаніяхъ участвовалъ также Б. Н. Смиттенъ, сенаторъ новаго назначенія, бывшій прокуроръ харьковской судебной палаты. Онъ вошелъ въ нашу комиссію членомъ. Кромѣ насъ троицъ, еще С. В. Ивановъ, сенаторъ, бывшій товарищъ государственнаго контролера, и С. О. Ольденбургъ, академикъ — санскритологъ, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія во временномъ правительствѣ, а равно Л. П. Олышевъ, предсѣдатель московскаго окружнаго суда, принимали дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи; первый былъ товарищемъ предсѣдателя, какъ и я, а двое другихъ — членами. Изъ остальныхъ членовъ чаще другихъ бывалъ Н. Д. Соколовъ*, тоже сенаторъ новаго изготавленія. Совѣмъ рѣдко появлялся О. И. Родичевъ. Прочіе почти только числились, и тѣмъ было лучше для нихъ.

Первоначально комиссія помѣщалась въ зданіи сената, гдѣ мы потѣснили общее собраніе и соединенное присутствіе. Но и намъ самимъ тамъ было тѣсно, и Н. К. Муравьевъ сравнительно скоро устроилъ комиссію въ Зимнемъ дворцѣ. Подъѣздомъ мы пользовались, такъ называемымъ, комитетскимъ**, первымъ отъ Зимней канавки съ набережной, такъ что я ежедневно почти всегда четыре раза мѣрилъ двѣ набережныхъ Невы, всю Французскую и почти всю Дворцовую***: туда и назадъ до обѣда, туда и назадъ послѣ обѣда. Я понималъ, что въ сенатѣ для насъ недостаточно мѣста, но очень не хотѣлъ переѣзда въ Зимній дворецъ. Мнѣ все казалось, что мы вторгаемся въ чужой домъ. Мало того, — скажу на чистоту: я чувствовалъ себя въ положеніи камердинера, располагающагося въ барскихъ комнатахъ за отъѣздомъ господъ «на теплыя воды». Я говорю за себя одного и далеко отъ мысли хвалиться этимъ: допускаю, что чувство мое было нелѣпо, но пишу, какъ было. Впрочемъ, и О. О. Грузенбергъ, оставшись однажды со мною вдвоемъ въ бывшей залѣ комитета министровъ, выразилъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ какъ разъ то самое, что чувствовалъ я. Мнѣ было до такой степени тяжело пользоваться всѣмъ дворцовымъ, что я не могъ послѣдовать примѣру моихъ новыхъ сотоварищей: Муравьевъ, Грузенбергъ, Соколовъ имѣли каждый въ своемъ распоряженіи придворные экипажи, — кто коляску, кто карету. Муравьевъ уговаривалъ и меня; я, разумѣется, давалъ себѣ отчетъ въ удобствѣ личнаго экипажа; конечно, я бы и не подумалъ пользоваться имъ не по служебнымъ надобностямъ, но хожденіе во дворецъ и назадъ изо дня въ день было утомительно, и я бы поддался уговорамъ, если бы не это властное чувство чего-то, — я бы сказалъ, — недостойно-неловкаго, всецѣло тогда мною владѣвшее. Меня иногда подвозилъ домой или въ министерство Муравьевъ, изъ дворца въ крѣпость на допросъ насъ всегда возили цѣлою коллегіею, но взять лично себѣ придворный экипажъ я такъ и не выразилъ согласія.

Комиссія распалась на слѣдственную часть и президіумъ.

Въ слѣдователи мы набрали судебныхъ дѣятелей разнаго ранга. Многихъ указалъ Муравьеву я; при выборѣ мною руководило единственно желаніе залу-

* Соколовъ былъ у насъ «посломъ» отъ совѣта рабочихъ депутатовъ.

** Съ этого подъѣзда входили министры на засѣданія комитета министровъ, когда тѣ еще не были перенесены въ Маріинскій дворецъ.

*** Въ одну изъ такихъ «прогулокъ» я зашелъ къ великому князю Николаю Михайловичу: мнѣ было стыдно не зайти къ человѣку, который приглашалъ меня бывать у него и который теперь былъ уже не на прежней высотѣ. По всей вѣроятности, многіе покинули великаго князя, потому что онъ встрѣтилъ меня еще привѣтливѣе, чѣмъ раньше, и даже вышелъ провожать въ переднюю. Я счелъ своимъ долгомъ титуловать его императорскимъ высочествомъ, чего избѣгалъ въ первое посѣщеніе.

чить въ комиссію знающихъ дѣло и честныхъ людей. Нѣкоторыхъ мнѣ пришлось усиленно упрашивать, взывая къ ихъ чувству долга; такъ было, напримѣръ, съ товарищемъ оберъ-прокурора сената Г. И. Гитцемъ. Сперва я называлъ Муравьеву тѣхъ лицъ, работу которыхъ я зналъ самъ; потомъ запасъ мой истощился: всѣ, извѣстные мнѣ съ хорошей стороны, бывшіе и настоящіе слѣдователи, кого только отдавали намъ, скрѣпя сердце, мѣстныхъ власти, уже переселились въ Зимній дворецъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которыхъ Муравьевъ браковалъ по ихъ «слишкомъ правой» репутаціи. Рядъ слѣдователей поставленъ былъ Олышевымъ и Смиттенемъ. Наконецъ, я рѣшился на рекомендацію, такъ сказать, «по наслышкѣ», и тутъ-то произошла неприятность. Я рекомендовалъ товарища предсѣдателя винницкаго окружного суда И. М. Золотницкаго. Самъ я его въ глаза не видѣлъ и ни одного его слѣдствія не читалъ, но вотъ, что слышалъ о немъ. Былъ онъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ Варшавѣ и производилъ какое то громкое слѣдствіе (кажется, о злоупотребленіяхъ при постройкѣ новаго моста черезъ Вислу); одинъ свидѣтель при допросѣ показалъ о какомъ то фактѣ, клонившемся къ изобличенію генераль-губернатора Скалона, въ чемъ именно, рѣшительно не припомню; насколько основательно было это показаніе, судить у меня нѣтъ данныхъ; но Золотницкій исполнилъ свой долгъ, «не взирая на лица», и, въ порядкѣ ст. 314 уст. угол. суд., копію соотвѣтствующаго протокола переслалъ прокурору; немедленно же «сыръ боръ загорѣлся», и Золотницкій былъ волею П. Г. Щегловитова переведенъ важнѣйшимъ слѣдователемъ въ Тифлисъ. Я уже такъ устроенъ, что люблю людей, которые не гнутя и ко всѣмъ подходятъ съ одинаковою мѣркою закона; поэтому къ Золотницкому я заочно отнесся съ глубокимъ уваженіемъ. Раздѣлилъ ли Муравьевъ мою точку зрѣнія, по которой тотъ, кто не гнулся вправо, не погнется, надо полагать, и влѣво, или же ему показалось, что Золотницкій выказалъ себя во всей этой исторіи достаточно лѣвымъ, я не знаю, но только Золотницкому немедленно было послано предложеніе по телеграфу. Онъ отвѣтилъ согласіемъ, былъ назначенъ и пріѣхалъ, какъ теперь помню, вскорѣ послѣ Пасхи. Я еще не повидался съ нимъ, какъ Муравьевъ сказалъ мнѣ: «А съ Золотницкимъ мы ошиблись». На вопросъ мой онъ мнѣ далъ полученную утромъ телеграмму изъ Винницы; въ телеграммѣ этой указывалось, что Золотницкій грубъ съ защитою и даже въ сенатѣ есть производства по обвиненію его въ должностномъ подлогѣ, а потому вся Винница взволнована почетнымъ назначеніемъ недостойнаго человѣка. Подъ телеграммою стояла приблизительно такая подпись: «За предсѣдателя собранія адвокатуры Цюнглинскій». Я отвѣтилъ Муравьеву, что Золотницкаго не знаю, и спросилъ: «А вы Цюнглинскаго знаете?» Оказалось, что нѣтъ, но все же считаетъ невозможнымъ оставить Золотницкаго у насъ и даже говорилъ объ этомъ съ Золотницкимъ, и тотъ, будто бы, самъ согласился, что ему нельзя состоять нашимъ слѣдователемъ. *Volenti non fit iniuria*, и я отложилъ назрѣвавшее въ моей душѣ пререканіе до разговора съ признавшимъ свое недостойство новоприбывшимъ слѣдователемъ. Но съ первыхъ же словъ выяснилось, что Золотницкій въ отчаяніи: никакой вины онъ за собой не знаетъ, утверждаетъ, что лучшіе представители мѣстной адвокатуры въ самыхъ добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ, а эта телеграмма исходитъ отъ лицъ, сводящихъ съ нимъ счеты: «я не просился къ вамъ, вы сами меня вызвали, а теперь какъ же я покажусь назадъ въ Винницу, точно оплеванный, къ радости темныхъ личностей». Я никогда ничьимъ жрецомъ не былъ и сознательно въ жертву никому и никого, по самой природѣ своей, приносить не могу; мнѣ стало невыразимо жаль Золотниц-

каго и я далъ себѣ трудъ произвести кой какія «повѣрочныя дѣйствія». Посмотрѣлъ въ юридическій календарь М. Острогорскаго и убѣдился, что Цюнглинскаго (или Цѣслинскаго, — теперь за точность фамиліи не ручаюсь) среди винницкой адвокатуры нѣтъ; значитъ, онъ или частный повѣренный, или только что испеченный помощникъ присяжнаго повѣреннаго; а если это такъ, то уже многозначительно, что подъ телеграммою за предсѣдателя расписался именно невѣдомый Цюнглинскій: очевидно, не только предсѣдатель чрезвычайнаго собранія адвокатовъ, но и члены изъ старшихъ не пожелали скрѣпить этой телеграммы своею подписью. А въ такомъ случаѣ чего стоитъ телеграмма, даже если она дѣйствительно послана послѣ адвокатскаго совѣщанія? Досталъ я и дѣло изъ сената; оказалось, что какой-то подсудимый, осужденный присяжными засѣдателями за подлоги и мошенничества, подалъ жалобу на предсѣдательствовавшего въ его процессѣ Золотницкаго, обвиняя того въ невѣрномъ изложеніи протокола засѣданія, но обвиненіе это отвергнуто сенатомъ, и дѣло давно прекращено. Тогда я пошелъ къ Н. К. Муравьеву и сталъ доказывать ему недопустимость «казни» Золотницкаго. Муравьевъ не сразу сдался, а сперва говорилъ, что теперь надобно считаться съ «общественностью», то есть, непримѣтно для самого себя оправдывалъ Щегловитова, котораго Керенскій тѣмъ временемъ держалъ подъ стражею: если Щегловитовъ и увольнялъ, считаясь съ желаніями «администраціи», а не «общественности», то не все ли равно вамъ, ради какого Молоха васъ изжарятъ или зарѣжутъ? Меня поддержали другіе члены комиссіи, но Муравьевъ опредѣленнаго отвѣта не далъ, и я вынужденъ былъ поставить, такъ сказать, «кабинетскій вопросъ»: заявилъ, что въ случаѣ отчисленія Золотницкаго по такимъ только даннымъ, я не могу оставаться въ комиссіи и немедленно подамъ въ отставку. Муравьевъ уступилъ, и Золотницкій остался у насъ.

Слѣдователямъ нашимъ работа была не легка: одно — отправляться отъ факта, имѣющаго, по видимости, необходимые признаки преступленія, и совсѣмъ другое — искать въ дѣлопроизводственныхъ бумагахъ, не найдется ли какого либо уголовно наказуемаго дѣянія. Слѣдователи тонули въ бумажномъ морѣ, но все же они дѣлали какое-то дѣло, а иногда и удачно, потому что не всѣ дѣятели стараго порядка были безупречны и съ точки зрѣнія чисто криминальной. А вотъ мы, президіумъ комиссіи, если и тонули, то въ бесплодной «словесности», являясь по большей части чѣмъ то въ родѣ «мельницы безъ мелева». Мы изо дня въ день засѣдали, сообща и подолгу жевали вопросы, которые, мнѣ казалось, зачастую рѣшались довольно просто. Порою въ помощь къ намъ являлись эксперты, профессора и сенаторы, такіе же юристы, какъ и мы, а потому засѣданіе становилось продолжительнѣе, разговоры длиннѣе, но и только.

Приведу здѣсь на образецъ два вопроса, много мнѣ испортившихъ крови.

Первый былъ вопросъ о преданіи суду одного изъ героевъ тогда еще далеко, повидимому, незаконченной войны, престарѣлаго генераль-адъютанта Н. І. Ивацова. Въ вину ему ставилось то, что онъ принялъ отъ государя порученіе усмирить мятежный Петроградъ и двинулся къ нему съ какими-то воинскими частями. Спрашивалось: какого преступленія признаки заключаются въ этомъ поступкѣ? Я отвѣчалъ и теперь отвѣчаю, не колеблясь: никакого. Порученіе было дано 28 февраля, то есть за два дня до отреченія царя; генераль Ивановъ обязанъ былъ повиноваться императору, какъ главѣ государства, въ законности власти котораго не могло быть ни тѣни сомнѣнія; а дѣятели революціи въ то время были явно государственными преступниками и сами должны были

тогда это понимать; генераль Ивановъ ничьей крови не пролилъ и вслѣдъ за отреченіемъ государя остановился со своими войсками гдѣ-то на пути, не дойдя до Петрограда. Вотъ и все. Гдѣ же тутъ хоть намекъ на преступленіе съ точки зрѣнія закона, существовавшего въ моментъ дѣйствій, предпринятыхъ Ивановымъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія, то есть — съ единственной точки зрѣнія, которая доступна для всякаго, кто не забываетъ, что онъ судья? Были въ комиссіи мои единомышленники, но нашлись, во главѣ съ предсѣдателемъ, и возражатели. Указывалось, между прочимъ, на то, что, забирая войсковыя части для усмиренія Петрограда, генераль Ивановъ обнажалъ фронтъ и могъ способствовать нѣмецкому прорыву. Этого я уже окончательно не понималъ: генераль Ивановъ несомнѣнно способствовать нѣмецкому прорыву не имѣлъ ни малѣйшаго поползновенія, да и прорыва не послѣдовало, — такъ о чемъ же и говоритъ? Находились и такіе (въ числѣ ихъ и новый сенаторъ О. О. Грузенбергъ), которые вмѣняли Иванову въ вину слѣдующее: гдѣ-то по дорогѣ въ Петроградъ, на какой то станціи части Иванова встрѣтили поѣздъ, шедшій изъ Петрограда къ фронту; среди ѣхавшихъ въ томъ поѣздѣ солдатъ, направлявшихся, видимо, въ дѣйствующую армію съ революціонными лозунгами, было двое, которые намѣренно не отдали установленной чести чуть ли не самому Иванову; тогда Ивановъ кого то изъ нихъ ударилъ и обоихъ (кажется, не ошибаюсь) поставилъ на колѣни. Обвинители ген. Иванова признавали, что онъ былъ вправѣ ихъ разстрѣлять, но приходили въ ужасъ отъ того надругательства надъ личностью солдата, которое допустилъ старикъ-генераль, и высказывались за преданіе его суду. Я полюбопытствовалъ узнать, подали ли оскорбленные солдаты на Иванова жалобу, хотя бы уже послѣ торжества революціи. Оказывается, что нѣтъ, а за нихъ обижаются Муравьевъ и Грузенбергъ. Каюсь, не люблю я ручной расправы ни въ какомъ видѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, но не могъ же я не обратить вниманія на то, что за расправу съ двумя солдатами, прошедшую безслѣдно и не вызвавшую никакого нигдѣ волненія, предавать суду, во всякомъ случаѣ, не дѣло верховной комиссіи; я и теперь держусь того же мнѣнія подъ страхомъ быть причисленнымъ къ реакціонерамъ: на это, мнѣ казалось и кажется, были въ полномъ составѣ соотвѣтствующія судебныя власти, ничуть комиссіею не упраздненные. Чѣмъ дѣло кончилось, не умѣю сказать. При мнѣ ген. Ивановъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, но потомъ? У насъ всегда обиліе разсужденій мѣшало опередѣленнымъ и безповоротнымъ рѣшеніямъ.

Если осложненія по вопросу объ Ивановѣ волновали меня не только какъ юриста и судью, но и какъ человѣка, стыдящагося быть не благодарнымъ къ защитникамъ Россіи отъ вражескаго нашествія, то второй вопросъ, вопросъ о провокаторахъ, задѣлъ меня исключительно въ качествѣ юриста. Я уже упоминалъ, что амнистія временнаго правительства помиловала и провокаторовъ, которыми пользовались охранныя отдѣленія. Такимъ образомъ судить провокаторовъ, на примѣръ, за организованныя ими террористическія покушенія было уже нельзя. Положимъ, ихъ не судили*, или не наказывали** и при царѣ, по

---

* Чтобы не ходить далеко, ограничусь напоминаніемъ объ Азефѣ. Правда, многіе его считаютъ революціонеромъ, который прикинулся провокаторомъ, и не признаютъ въ немъ провокатора, прикинувшегося революціонеромъ. «Не мастерица я полки то различать», но ссылка моя на Азефа, во всякомъ случаѣ, оправдывается тѣмъ, что правительство видѣло въ немъ провокатора и потому не хотѣло судить.

** На рубежѣ царствованій императоровъ Александра III и Николая II въ петербургской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, судился и былъ

тогда власть имущіе этого хотѣли, а теперь это, говоря словами Петра Великаго, «несмотря учинено было». Я всегда держался того мнѣнія, что помилованіе, хотя и ошибочное, назадъ взято быть не можетъ*; но на мою пословицу: «что съ возу упало, то пропало», новые властители предпочли отвѣтить своей: «не мытьемъ, такъ катаньемъ»; и такая тенденція нашла себѣ откликъ въ Н. К. Муравьевѣ, который повторялъ, что провокаторы не должны остаться безнаказанными, а потому нужно найти статью закона, по которой ихъ можно было бы судить, не взирая на амнистію. Такъ какъ должностныя преступленія не подошли подъ амнистію, то и возникла мысль предавать провокаторовъ суду за превышеніе власти. Мысль эту поддержалъ и сенаторъ Грузенбергъ. Въ мою голову такая концепція рѣшительно не вмѣщалась. Прежде всего какія же должностныя лица провокаторы? А потомъ, если они должностныя лица, то, значить, служебныя обязанности ихъ исчерпывались этой самой провокаціей; слѣдовательно, не занимаясь ею, они впадали въ бездѣйствіе власти. Какимъ же образомъ возможно усмотрѣть превышеніе власти въ отправленіи служебныхъ обязанностей? Вѣдь между превышеніемъ и бездѣйствіемъ власти есть у каждаго должностнаго лица законное несеніе своей службы. Куда же оно дѣвалось у провокаторовъ? Я чувствовалъ, что мое брезгливое отношеніе къ провокаціи не ослѣпляетъ меня до степени желанія «натянуть законъ», и волновался, оберегая не провокаторовъ, а правовой порядокъ и судебное безпристрастіе. Правъ ли я или нѣтъ, но самый вопросъ былъ, очевидно, не изъ сложныхъ; тѣмъ не менѣе его долго, въ нѣсколько пріемовъ, обсуждали, пока не восторжествовала точка зрѣнія Муравьева и Грузенберга. Соответствующее постановленіе комиссіи осталось мнѣ неизвѣстнымъ (или мною забыто), но я помню, что былъ изготвленъ въ такомъ именно смыслѣ циркуляръ для разсылки всѣмъ окружнымъ судамъ**.

Къ вѣдѣнію президіума комиссіи въ коллегіальномъ составѣ относилось, какъ привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ, такъ и дальнѣйшее направленіе оконченныхъ слѣдствій.

При мнѣ, насколько помню, ни одно слѣдствіе не было закончено, но мы потратили много времени на обсужденіе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи

осужденъ нѣкто Яголковскій, жившій въ Брюсселѣ по выданному ему изъ департамента полиціи паспорту на имя барона Унгернъ-Штернберга и организовавшій тамъ покушеніе на мѣстнаго генеральнаго прокурора. Тогда же говорили, что Яголковскій послѣ осужденія исчезъ изъ тюрьмы и наказанія не отбывалъ.

* Со мною былъ такой случай. Истолковавъ манифестъ 11-го августа 1904 года слишкомъ льготно для одной группы отбывающихъ наказаніе, я, по должности прокурора новгородскаго окружнаго суда, объявилъ какому-то арестанту царскую милость и немедленно освободилъ его отъ дальнѣйшаго содержанія подъ стражею. Потомъ выяснилось, что надобно толковать манифестъ иначе и что арестанта этого еще слѣдовало выдерживать въ тюрьмѣ цѣлый годъ. Нѣкоторое время спустя, министерство юстиціи запросило меня о причинахъ преждевременнаго освобожденія этого человѣка. Я отвѣчалъ, что, объявивъ ему милость именемъ царя, я уже не могу вновь арестовать помилованнаго, хотя и ошибочно, а за свою ошибку, если она будетъ сочтена непростительной готовъ нести личную отвѣтственность. Переписка на этомъ и прекратилась.

** И въ этомъ роковое сходство съ Щегловитовскими пріемами. По закону судебную практику объединять руководящими указаніями предоставлено только сенату, да и сенатскіе указы, вѣь даннаго дѣла, обязательны *imperio rationis, non ratione imperii*. Щегловитовъ же притязалъ на то, что его толкованіе закона должно имѣть непререкаемую силу для всей «судебной челяди»; я помню, что прокурору казанской палаты А. А. Чебышеву не прошло даромъ иное мнѣніе по этому поводу. Какъ приняли судьи и слѣдователи нашъ циркуляръ о провокаторахъ, я не имѣю свѣдѣній, но самый фактъ послылки такого циркуляра есть, по моему, «щегловитовская» узурпація сенатской власти.

дѣла Сухомлинова. Дѣло это, какъ я уже говорилъ, возникло и было почти завершено еще при царѣ; возбуждено оно было не Штюмеромъ, вопреки тому, что появлялось еще недавно въ печати, и въ честности побужденій министровъ юстиціи А. А. Хвостова и А. А. Макарова, боровшихся противъ попытокъ оборвать ходъ слѣдствія, не можетъ быть мѣста основательному и добросовѣстному сомнѣнію; производилъ слѣдствіе сенаторъ И. А. Кузминъ, когда то пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ слѣдователя по выдающимся дѣламъ*; наблюдалъ за слѣдствіемъ сенаторъ В. П. Носовичъ, занимавшій должность оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, слывшій мягкимъ обвинителемъ и долго бывшій въ тѣни при Щегловитовѣ**. Для меня рѣшительно невѣроятно, чтобы два эти человѣка могли, хотя бы по невѣдѣнію, играть въ руку Штюмера: оба они, каждый по своему, честно и стойко работали надъ дѣломъ Сухомлинова, и, если что становилось имъ поперекъ на пути изобличенія обвиняемаго, то это было желаніе придворныхъ круговъ и, нашедшей надлежашіе ходы, жены бывшего министра прекратить слѣдствіе, а никакъ ужъ не вымысленность вины.

Почему дальнѣйшее направленіе дѣла о Сухомлиновѣ было приурочено къ нашей комиссіи, для меня такъ и осталось тайною. Слѣдователь и прокуроръ по этому дѣлу въ составъ комиссіи не вошли, и слѣдствіе кончилось безъ нашего участія. Но В. П. Носовичъ къмъ то былъ принужденъ потерять цѣлый рядъ рабочихъ дней, докладывая у насъ въ президіумѣ собранныя по дѣлу улики, читая намъ составленный имъ обвинительный актъ и повергая на обсужденіе наше предложенные имъ обвинительные пункты. Я держусь того мнѣнія, что составить себѣ окончательное убѣжденіе въ чьей либо виновности или невинности можно только, прослушавъ и, я бы сказалъ, выстрадавъ полностью все судоговореніе по дѣлу, а сколько нибудь основательно предположить о виновности обвиняемаго нельзя съ чужого голоса безъ личнаго и, притомъ, внимательнаго, въ тиши своего кабинета, ознакомленія съ подлинными протоколами предварительнаго слѣдствія. Поэтому мнѣ по неволѣ приходится теперь писать скорѣе о впечатлѣніяхъ, чѣмъ о самомъ дѣлѣ.

Ярко помнится мнѣ принесенная Носовичемъ таблица соприкасавшихся съ Сухомлиновымъ шпионскихъ организацій. Въ центрѣ таблицы, составленной на основаніи данныхъ слѣдствія, означенъ былъ особымъ кружкомъ Сухомлиновъ, а вокругъ него, ближе или дальше, значились въ видѣ меньшихъ кружковъ лица, такъ или иначе приходившія съ нимъ въ соприкосновеніе; ихъ кружки были окрашены тремя красками: одна — для лицъ, осужденныхъ за шпионство, другая (если не ошибаюсь) — для обвиняемыхъ въ шпионствѣ, но еще не осужденныхъ, и третья — для успѣвшихъ скрыться за границу ранѣе ихъ изобличенія въ шпионствѣ. Такихъ кружковъ, припоминается мнѣ, было семнадцать. Въ дополненіе къ этому, кстати будетъ еще упомянуть о двухъ фактахъ: по слѣдствію оказалось, что пресловутый Мясоѣдовъ былъ Сухомлиновымъ, не умѣю выразиться иначе, навязанъ дѣйствующей арміи, вопреки сопротивле-

* Лично я не принадлежалъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ слѣдственныхъ дарованій сенатора И. А. Кузмина; но я здѣсь говорю не о своемъ, а объ общемъ мнѣніи; да къ тому же несомнѣнная чистота и самостоятельность И. А. Кузмина, какъ судебного дѣятеля, всегда считалась безспорною.

** О В. П. Носовичѣ мнѣ придется говорить еще далѣе. Дѣятельность его въ качествѣ министра при Деникинѣ не вызываетъ моего одобренія, но я не смѣю думать, что, напри- мѣръ, у меня на мѣстѣ Носовича вышло бы лучше. И любовь къ родинѣ, и преданность долгу, и талантливость В. П. Носовича, — все это, по моему, должно быть признано.

нію нѣсколькихъ главнокомандующихъ, которымъ уже и тогда репутація Мясоѣдова была достаточно извѣстна; одинъ же генераль показаль, что какъ-то ему пришлось позвонить по телефону въ кабинетъ военнаго министра, но министра въ кабинетѣ не было, а отвѣчалъ въ телефонъ Альтшуллеръ, знакомый Сухомлинова еще по Кіеву и несомнѣнный шпіонъ; видимо, онъ находился въ кабинетѣ министра одинъ. Осталось въ памяти и слѣдующее. Чуть ли не въ самый день одновременнаго взятія Львова и Галича, великій князь Николай Николаевичъ послаль Сухомлинову телеграмму съ требованіемъ усиленнаго заготовленія снарядовъ и патроновъ, такъ какъ дѣйствительный ежедневный ихъ расходъ (опять таки, если не ошибаюсь) въ восемь разъ превышаетъ всѣ предположенія. Такія же требованія и отъ великаго князя и отъ главнокомандующихъ повторялись всю зиму; съ другой стороны, не было недостатка въ предложеніяхъ иностранцевъ поставлять снаряды; но Сухомлиновъ неизмѣнно всѣмъ отказываль, утверждая, что снарядовъ у насъ хватитъ, а въ апрѣлѣ 1915 года мы покатались изъ подъ Кракова назадъ изъ за недостатка, именно, снарядовъ и вооруженія*. По этому поводу былъ поставленъ въ президіумѣ комиссіи вопросъ, является ли такое поведеніе военнаго министра измѣною или только бездѣйствіемъ власти, повлекшимъ за собою важныя послѣдствія. И Кузминъ и Носовичъ усмотрѣли въ этомъ лишь бездѣйствіе власти; президіумъ комиссіи высказался за измѣну. Насколько я знаю, присяжные засѣдатели, судившіе Сухомлинова, склонились къ мнѣнію Кузмина и Носовича, такъ что на насъ можетъ пасть обвиненіе въ — «запросѣ». Я всегда возставаль противъ превращенія, по моей терминологіи, суда въ лавочку, гдѣ можно торговаться, и рѣшительно возражалъ тѣмъ прокурорамъ, которые повышали обвиненіе только съ тою цѣлью, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ «было съ чего спустить». А тутъ и я послѣ большого раздумья, подалъ голось за составленіе обвинительнаго пункта по признакамъ измѣны. Сдѣлаль я это вотъ почему. Я всегда отличаль отъ запроса назначеніе высшей изъ разумно возможныхъ цѣнъ; иными словами, я не только не возражалъ, но и самъ ставиль на судъ дѣла по признакамъ болѣе тяжкаго преступленія, если обстоятельства были таковы, что квалифицирующіе признаки, не вполнѣ установленные предварительнымъ слѣдствіемъ, могли быть окончательно выяснены на судебномъ слѣдствіи въ условіяхъ устности, недоступной въ моментъ преданія суду. Относительно Сухомлинова я разсуждалъ такъ. Не озаботиться достаточнымъ запасомъ снарядовъ и вооруженія во время

* Не въ текстѣ, а въ подстрочномъ примѣчаніи приведу еще два факта, сравнительно рельефно удержанные моей памятью. Первый таковъ. Какая то свидѣтельница удостоиврилась, что ей пришлось передъ самой войной брать свой вкладъ изъ Deutsche Bank въ Берлинѣ, и тогда она случайно слышала разговоръ, въ которомъ служащіе банка упомянули о текущемъ у нихъ счетѣ русскаго военнаго министра. Но и тогда я жалѣль, что война препятствуетъ надлежащей провѣркѣ этого показанія. Второй фактъ сводится къ слѣдующему. Дымная завѣса изобрѣтена русскимъ, но въ войнѣ ее примѣнили первые не мы, а нѣмцы въ Восточной Пруссіи. Объяснялось это тѣмъ, что послѣ какихъ то маневровъ передъ войною, когда иностранные военные агенты впервые увидѣли завѣсу, скрывавшую за дымомъ маневрировавшія войска, Дона-Шлобиттенъ попросиль у Сухомлинова и получилъ отъ него одну изъ шашекъ, отъ удара которыхъ поднималась дымная завѣса. Но память моя не сохранила, чтобы я это слышаль отъ В. П. Носовича. Зато я отчетливо помню, что мнѣ объ этомъ говорилъ Н. Е. Елачичъ, помощникъ статсъ секретаря государственнаго Совѣта, мой старый другъ и человекъ очень близкій Носовичу, особенно послѣ ихъ совмѣстной работы въ ревизіи члена государственнаго совѣта, сенатора С. С. Манухина, производившейся по поводу разстрѣла рабочихъ на Ленѣ. Источникъ таковъ, что разсказъ не звучитъ простой сплетнею, хотя и за достоверность его я поручиться не могу.

войны, когда рѣшается вся будущая судьба родины, слишкомъ большая для военнаго министра небрежность и естественной признана быть не можетъ; до такой степени бездѣйствовать могъ бы развѣ человекъ, или вовсе не свѣдующій въ военномъ дѣлѣ, или крайне ограниченный, или поразительно легкомысленный; ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ * считать Сухомлинова у меня не было основанія; а еще болѣе подозрительной становится подобнаго рода безпечность, если не упустить изъ виду, что командованіе арміи неустанно будило министра отъ сна, и не самому же ему и не на свои средства предстояло заняться изготовленіемъ всего нужнаго для успѣшнаго продолженія удачно начатой войны; къ тому же ослѣпленіе военнаго министра тѣмъ мѣнѣе понятно для меня, что рядовые чины генеральнаго штаба уже впередъ видѣли нашъ отходъ съ Карпатъ **. По моему, если я оставилъ кого либо въ опасномъ мѣстѣ, хотя могъ его увезти и зналъ, что онъ, будучи мною оставленъ неминуемо погибнетъ, то я виновенъ въ умышленномъ убійствѣ ***, а если я не снабдилъ армію средствами борьбы, хотя могъ это сдѣлать, и зналъ, что иначе она потерпитъ пораженіе, то я виновенъ въ предательствѣ; правда, я, быть можетъ, смотрѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и не слышалъ, внималъ и не понималъ, но такое состояніе для интеллигентнаго человека несомнѣнно ненормально, и установленіе его надобно предоставить во всей широтѣ присяжнымъ засѣдателямъ и, вообще, рѣшающимъ дѣло судьямъ, не предрѣшая этого за нихъ впередъ.

Обсуждалъ президіумъ комиссіи и другой вопросъ по сухомлиновскому дѣлу: вопросъ о преданіи суду жены Сухомлинова. И здѣсь я подаль голосъ за преданіе ея суду. Она была оправдана, и я не отрицаю, что улики противъ нея были невелики. За то, чтобы включить и ее въ обвинительный актъ, выставлялся при обсужденіи такой выводъ: бываетъ, что подсудимаго оправдываютъ вслѣдствіе искусной защиты, построенной на томъ, что другой соучастникъ преступленія остался не привлеченнымъ къ дѣлу; хотя бы присяжные засѣдатели и не обвинили ни за что этого другого соучастника, если бы онъ предсталъ передъ ними въ качествѣ второго подсудимаго, но, когда они его видятъ лишь свидѣтелемъ или судятъ о немъ даже вовсе заглазно, улики противъ него могутъ быть преувеличены тѣмъ легче, что такое преувеличеніе не грозитъ ничѣмъ, а въ итогѣ является несправедливое оправданіе дѣйствительно виновнаго. Я привелъ этотъ доводъ во всей его наготѣ и тутъ же долженъ прибавить, что не возражалъ противъ него ни словомъ ****, хотя раньше никогда не могъ слышать его

* Легкомысленнымъ называли Сухомлинова часто, но примѣры приводили исключительно изъ области его романическихъ увлеченій и разстройства денежныхъ его дѣлъ. О служебномъ легкомысліи его я тогда не слышалъ ни отъ кого.

** Помню, какъ я услышалъ въ передачѣ М. А. Черепниной, жены композитора, еще до того, когда наше отступленіе изъ Галиціи приняло опредѣленные очертанія, поразившія меня слова штабнаго офицера: «кампанія этого года нами будетъ проиграна безповоротно; только на будущій годъ и можно надѣяться». Установить точно время нашего разговора я не въ состояніи, но приведенныя мною слова въ первой ихъ части считаю не ретроспективными, а пророческими, вотъ почему. Тогда же мы, переоцѣнивая патріотизмъ денежныхъ нашихъ тузовъ, утѣшались, что пораженія, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ торгово-промышленные круги, которые должны почти все знать, веселятся безъ удержу, точно послѣ побѣды. Такое соображеніе было бы, конечно, неумѣстно, если бы самый разговоръ слѣдовалъ за выясненіемъ русской неудачи.

*** Есть, правда, особая статья, карающая за оставленіе въ опасномъ мѣстѣ, но она отличается отъ убійцы, по моему сужденію, только такихъ лицъ, которыя не знали, а лишь должны были допускать возможность опасности для оставленнаго.

**** Не возражалъ противъ него и Н. К. Муравьевъ, что меня удивляло: этимъ онъ какъ бы молчаливо признавалъ значительную вѣроятность такого печальнаго пріема

безъ рѣшительныхъ опроверженій. Конечно, что бы ни говорила наука уголовного права, но, при существовавшихъ въ Россіи, да, кажется, и почти повсюду, способахъ наказанія, я не могъ закрывать глаза на то, что въ дѣйствительности подсудимый становился въ известной мѣрѣ средствомъ, а не цѣлью, поскольку смыслъ приговора сводился къ старинной формулѣ: «дабы другимъ не повадно было», а не то, такъ и къ болѣе новой, но не менѣе неутѣшительной: «чтобы обезвредить его хоть на нѣкоторое время въ интересахъ окружающихъ». И все же такое отступленіе отъ надлежащаго отношенія человѣка къ человѣку должно, по сужденію моему, быть допускаемо только въ строгихъ рамкахъ закона, и ужъ никакъ нельзя сажать людей на скамью подсудимыхъ, видя въ томъ лишь средство къ вѣрнѣйшему обвиненію другихъ. И я во всю свою прокурорскую жизнь безтрепетно «отшивалъ» отъ дѣла всѣхъ обвиняемыхъ, которыхъ, несмотря порою на значительныя улики, самъ бы по совѣсти ни за что обвинить не могъ. Какое же у меня было въ данномъ случаѣ *distinguo*? А вотъ какое. Каждый участникъ уголовного процесса, сколько нибудь сложнаго, если вложилъ въ него душу, знаетъ, что итогъ собранныхъ противъ подсудимаго уликъ часто не равенъ, такъ сказать, арифметической ихъ суммѣ: иногда больше ея, а иногда меньше. Порою бываетъ такъ, что каждая улика полновѣсна, а въ итогѣ обвиненіе расползается во всѣ концы: что то шепчетъ настойчиво и повелительно о невиновности. А бываетъ и такъ, что улики, каждая въ отдѣльности, отличаются неуловимыми очертаніями, а въ итогѣ нарастаетъ убѣжденіе въ виновности (окончательное — на судѣ, предположительное — до суда). Вотъ почему я не опровергалъ принципиально, по моему, кривого довода: я допускалъ, что жену Сухомлинова, хотя среди шпионовъ, окружавшихъ ея мужа, былъ и ея двоюродный братъ, оправдаютъ за недостаточностью уликъ, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ противъ непричастности ея къ винѣ мужа, и высказаться за ея оправданіе до гласнаго судебного разбирательства я не рѣшился.

И о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго совѣщались мы только по одному дѣлу. Но на этотъ разъ слѣдствіе было наше. Касалось оно послѣдняго царскаго министра юстиціи, сенатора и егермейстера Н. А. Добровольскаго, на котораго упало подозрѣніе, непріятно даже написать, во взяточничествѣ.

Слѣдствія, по которымъ могли быть привлечены лица, содержащіеся въ Петропавловской крѣпости, были распределены между членами комиссіи. Сенаторъ Добровольскій достался не мнѣ, а сенатору Б. Н. Смиттену, и оттого я зналъ по этому дѣлу и въ то время только докладъ, выслушанный въ засѣданіи президіума, теперь же и доклада хорошо не помню. Какъ мнѣ сейчасъ представляется, Н. А. Добровольскому вмѣнялось въ вину корыстное испрошеніе высочайшаго помилованія для какого то осужденнаго (кого именно и за что, память моя не удержала); улики сводились къ тому, что Добровольскій видѣлся съ осужденнымъ у Распутина, хлопоталъ за осужденнаго передъ своимъ предшественникомъ по должности министра и, самъ ставъ министромъ, добился помилованія; осужденный на слѣдствіи, конечно, отрицалъ взятку, но, если не ошибаюсь, въ дѣлѣ были свѣдѣнія, что онъ не всегда такъ говорилъ. Со стороны можетъ показаться страннымъ, что я забылъ подробности дѣла, по которому обвинялся мой бывший, хотя и кратковременный, начальникъ и при-

---

защиты, какъ «сваливанье съ больной головы на (хотя бы лишь сравнительно) здоровую».

томъ въ преступленіи, столь необычномъ для судебного вѣдомства. Но и не отрицая того, что я, 51-го года отъ роду, уже чувствую начало своего конца, а потому, изъ боязни смѣшать и спутать, пишу съ постоянными оговорками и даже оставляя особо сомнительное прямо недоговореннымъ, я все же рѣшаюсь сказать, что обвиненіе Добровольскаго не вызвало во мнѣ удивленія, и вотъ изъ за чего. Еще раньше, когда онъ былъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента сената, о задолженности его говорили очень многіе и очень много; эта задолженность, повидимому, и была причиной, заставившей его сблизиться съ подчиненнымъ своимъ, состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ Дандре, о которомъ ходили самые черные слухи и по сенату, и по городскому управленію; у этого дѣльца, а не дѣятеля, были векселя Добровольскаго, и тотъ оказывалъ своему заимодавцу покровительство, пока, наконецъ, Дандре не попался и не вынужденъ былъ прекратить свое государственное и общественное служеніе. И помимо того, Добровольскій былъ извѣстенъ какъ человекъ небрежущій службою, любящій хорошо поѣсть и поразвлечься, причемъ неразборчивость бывшаго губернатора доходила до высокой степени. Расскажу здѣсь одинъ фактъ, который въ свое время чрезвычайно поразилъ меня. Добровольскій по должности оберъ-прокурора перваго департамента былъ инспекторомъ сенатскаго зданія и оно при немъ увеличилось почти вдвое путемъ присоединенія сосѣдняго дома, принадлежавшаго Полякову, куда и перешли, послѣ соответствующихъ приспособленій, кассационные департаменты. Какъ я ни близорукъ, но и меня поразило, что великолѣпныя двери нашихъ залъ снабжены простыми мѣдными ручками. Но мнѣ тогда пояснили, что ручки были бронзовыя и отличной работы, да только Добровольскій на свой счетъ приобрѣлъ мѣдныя, которыми и замѣнилъ бронзовыя, а тѣ увезъ къ себѣ въ деревню.

Даже сторожа, и тѣ покачивали головами, передавая такую удивительную исторію. Если къ этому прибавить, что связь Добровольскаго съ Распутнымъ была для меня несомнѣнна, такъ какъ о предстоящей замѣнѣ уже не дверныхъ ручекъ, а Макарова Добровольскимъ я погода узналъ отъ распутинца Манасевича-Мануйлова, то, быть можетъ, я окажусь уже не столь виновенъ въ довѣрїи, хотя бы и излишнемъ, къ обвиненію такого дѣятеля въ платномъ помплованїи, при условїи первоначальныхъ о томъ переговоровъ черезъ того же Распутина*.

Больше мы, насколько я пойню, никого не привлекали въ качествѣ обвиняемаго, но толковали, какъ теперь принято выражаться, въ этой плоскости относительно нѣсколькихъ лицъ.

Мнѣ тогда же говорили, со ссылкой на извѣстнаго присяжнаго повѣренпаго Н. П. Карабчевскаго, что А. Ф. Керенскій думалъ о преданїи суду даже отрешагося императора. Отъ Керенскаго я того ни разу не слышалъ, но въ нашей комиссїи Н. К. Муравьевъ бродилъ вокругъ да около этого вопроса, не поднимая, а такъ сказать, шевеля его по разнымъ поводамъ. Я уже упоминалъ, что высочайшій указъ отъ 26 февраля 1917 года о новой отсрочкѣ созыва государственной думы былъ вписанъ кн. И. А. Голицынымъ въ заранѣе дан-

---

* Трагическая смерть Н. А. Добровольскаго въ Пятигорскѣ, погибшаго въ октябрѣ 1918 г. подъ ударами большевицкихъ шашекъ одновременно съ генералами Н. В. Рузскимъ и Радко-Дмитріевымъ, сенаторами Н. С. Крашенинниковымъ и бар. Н. Н. Медомомъ и др. какъ-то миритъ меня съ памятью погибшаго такъ ужасно. Я даже думалъ было вовсе выпустить все изложенное здѣсь о Добровольскомъ, но отказался отъ первоначальнаго намѣренія: личныхъ счетовъ съ покойнымъ у меня не было, и я писалъ о немъ не какъ о частномъ лицѣ, а какъ о государственномъ дѣятелѣ.

ный ему государемъ бланкъ съ царскою внизу подписью. Это удостовѣрилъ самъ князь Голицынъ на допросѣ въ засѣданіи президіума, уже послѣ освобожденія своего изъ подѣ стражи. Когда онъ удалился изъ засѣданія, Муравьевъ сперва возбудилъ вопросъ о подлогѣ, который, по его мнѣнію, совершилъ Голицынъ. Мысль эту пришлось, разумѣется, тутъ же бросить, такъ какъ подлога не можетъ быть, если текстъ вписывается съ вѣдома и согласія лица, вперёдъ давшего свою подпись: никто изъ насъ не имѣетъ основанія не вѣрить кн. Голицыну, что бланкъ съ подписью государь далъ ему, именно, для вписанія туда указа о роспускѣ думы, предоставивъ ему самому избрать для этого подходящій моментъ. Тогда Муравьевъ заговорилъ, что едва ли государь имѣлъ право отчуждать такимъ образомъ въ другія руки свою верховную власть. Я тутъ же отвѣтилъ, что ни одинъ носитель верховной власти не можетъ всюду поспѣть самъ и вынужденъ пользоваться исполнителями, а исполнители не граммофоны и, будучи живыми людьми и, при томъ, дѣйствуя на разстояніи отъ уполномочившаго ихъ государя, да еще иногда въ обстоятельствахъ неожиданныхъ, сложныхъ и вызывающихъ необходимость въ неотложныхъ распоряженіяхъ, неизбѣжно должны пользоваться извѣстной свободой усмотрѣнія. Но главное въ своемъ отвѣтѣ я прибегъ къ концу: я сказалъ, что, если бы я и ошибался, вопросъ все равно лишенъ значенія, такъ какъ государь по русскимъ законамъ суду за свой дѣйствія, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ. Ко мнѣ присоединился еще кое кто изъ членовъ президіума, и вопросъ былъ брошенъ, но не оставленъ.

Вновь онъ выплылъ въ видѣ измѣны царя и царицы родинѣ. Насколько я могъ понять, Муравьевъ считалъ правдоподобнымъ всѣ глупыя сплетни, которыя ходили о томъ, что царь готовъ былъ открыть фронтъ нѣмцамъ, а царица сообщала Вильгельму II о движеніяхъ русскихъ войскъ. Любовь къ нѣмцамъ, «влеченье, родъ недуга», таилась на крайней лѣвой, но тогда всего злого искали только вправо. Помню, заговорили у насъ о датскомъ кабелѣ, по которому будто бы императрица свосилась съ врагами. Оказалось, что кабель этотъ въ началѣ войны перерѣзали сами нѣмцы, а, когда мы его исправили, они испортили его вторично, послѣ чего мы его уже такъ и бросили. Стало и для легковѣрныхъ ясно, что по перерѣзанному кабелю ни о чемъ не переговоришь даже съ Вильгельмомъ и что нѣмцы не перерѣзали бы кабеля, если бы до этого онъ служилъ имъ такую важную службу. Но датскимъ кабелемъ дѣло не ограничилось. Въ одной изъ послѣпраздничныхъ газетъ, изъ тѣхъ листовъ, что республиканскія убѣжденія смѣшивали съ грубою развязностью и, простите за рѣзкость вѣрнаго слова, хамствомъ, а потому печатали тогда о царской семьѣ разныя гадости*, появился какъ то рядъ телеграммъ, за подписью «Алиса» съ зашифрованными мѣстами отправленія и назначенія, содержаніемъ своимъ указывающихъ на измѣну. Аляповатость поддѣлки бросалась въ глаза, но Муравьевъ такъ и взвился. Возбуждено было особое предварительное слѣдствіе, которое производилъ (думаю, что помню безошибочно) харьковскій судебный слѣдователь Г. П. Гирчинъ, оставившій въ моей душѣ самую лучшую о себѣ память, какъ о

---

* Гадости эти доходили даже до гнусныхъ намековъ на происхожденіе цесаревича. Глядя, какъ раскупаются такіе листки, я невольно вспоминалъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, почитаемыхъ окружающими за интеллигентовъ; оба они съ убѣжденіемъ говорили мнѣ, что Петръ Великій несомнѣнно сынъ патріарха Никона, и были озадачены, когда я указалъ имъ, что Петръ родился въ 1672 году, а Никонъ былъ низложенъ и удаленъ изъ Москвы въ 1667. Ужъ очень падки русскіе люди на сенсаціи, а подумать и провѣрить, видно, считаютъ совсѣмъ лишнимъ.

человѣкъ и дѣятель. Слѣдствіе, поведенное опытной рукой, съ первыхъ же шаговъ выяснило жалкую подкладку появленія этихъ телеграммъ, про которую можно сказать словами Лермонтова: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Сотрудникъ упомянутой газеты, молодой человѣкъ, ухаживавшій за барышней, служившей на телеграфѣ, посулилъ ей, въ поискахъ за сенсационнымъ матеріаломъ, коробку конфетъ за что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее; барышня, спустя нѣсколько дней, передала ему пачку телеграммъ, о которыхъ сказано выше. Молодой человѣкъ съ торжествомъ показывалъ слѣдователю, какъ онъ раздобылся этими драгоцѣнными документами; но барышня на допросѣ смутилась, разволновалась и созналась въ поддѣлкѣ. Да поддѣлка была установлена съ несомнѣнностью и помимо ея признанія: номера телеграммъ не отвѣчали дѣйствительнымъ номерамъ того телеграфнаго отдѣленія и за тотъ періодъ времени, которые были выставлены на телеграммныхъ бланкахъ; кромѣ того, оказалось, что зашифровать мѣсто отправленія нельзя. А главное, какъ вамъ нравится подпись: «Алиса»? Сочинительница, видно, великолѣпно знала, какъ можетъ и должна подписываться императрица... ужъ не умѣю сказать, въ какихъ случаяхъ: тогда ли, когда она хочетъ подписаться запросто, по дружески, или когда ей хочется прикрыться псевдонимомъ, но достаточно прозрачнымъ для праздно публики, читающей понедѣльничную газету. Мнѣ такъ и вспомнился раненбургскій почтмейстеръ, старичекъ, мечтательный лгунъ, рассказывавшій, какъ императоръ Александръ III угощалъ его чаемъ въ Гатчинскомъ дворцѣ и замѣтилъ императрицѣ съ ужасомъ: «Маша, развѣ ты не знаешь, что Иванъ Ѳомичъ любитъ съ ромомъ?» Въ обоихъ случаяхъ освѣдомленность о частной жизни царей — прямо на рѣдкость близкая. Тѣмъ не менѣе, глава нашей комиссіи еще не успокоился, и его опять было подняла попытка злополучной барышни взять свое признаніе назадъ, какъ будто это признаніе такъ ужъ было важно.

Я пишу теперь съ улыбкою, настолько все это кажется, при взглядѣ назадъ, несерьезнымъ, но тогда меня разговоры объ отвѣтственности государя и государыни очень волновали, звуча въ моихъ ушахъ чѣмъ то незаконнымъ, невеликодушнымъ, безтактнымъ и, къ тому же, безцѣльнымъ, какимъ то перебиваніемъ изъ пустого въ порожнее по явной своей безнадежности. Мое мнѣніе о безнадежности всѣхъ поисковъ въ этомъ направленіи нашло себѣ высокое подтвержденіе въ показаніи того авторитетнаго свидѣтеля, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній (въ подстрочной выноскѣ). Допрашивалъ этого свидѣтеля въ Европейской гостинницѣ одинъ изъ нашихъ слѣдователей, а какой именно, память моя выронила: то представляется мнѣ товарищъ оберъ-прокурора сената Гитцъ, то московскій судебный слѣдователь Баркалъ. Но самый допросъ, на которомъ я присутствовалъ съ начала до конца, вспоминается живо. Свидѣтель удостовѣрилъ, что императрица не выносила Вильгельма II, какъ и всѣ члены владѣтельныхъ нѣмецкихъ родовъ, съ которыми тотъ обращался свысока, считая ихъ наравнѣ со всѣми, своими подданными. По словамъ свидѣтеля, онъ провелъ на императорской яхтѣ «Штандартъ» три дня съ государемъ, государыней и Вильгельмомъ, когда происходило свиданіе императора въ Балтійскомъ Портѣ. Вильгельмъ, какъ отозвался о немъ свидѣтель, былъ большого мнѣнія о своемъ остроуміи, но острилъ неудачно, что не мѣшало ему смѣяться своимъ шуткамъ первому. Императрица за обѣдами, завтраками и ужинами была очень холодна съ Вильгельмомъ, а шутки его и смѣхъ встрѣчала пожиманіемъ плечъ, такъ что царь старался вслѣдъ за тѣмъ быть съ гостемъ вдвое любезнѣе. Я нарочно привелъ это наблюденіе человѣка, освѣдомленность котораго стоитъ внѣ

спора, чтобы подкрепить такое свое сужденіе: какая мать могла бы радѣть двоюродному брату въ ущербъ своему сыну? Вопросъ этотъ становится еще острѣе, если любовь къ сыну велика и очевидна, а любовь къ двоюродному брату, по меньшей мѣрѣ, сомнительна.

Какъ бы то ни было, всѣ попытки, правда, вялыя и безсистемныя, изблечить царя и царицу въ государственномъ преступленіи оказались покушеніемъ съ негодными средствами.

Угнетали меня и разговоры въ президіумѣ нашей комиссіи о преданіи суду А. А. Макарова. Изъ узниковъ Керенскаго было два министра, при допросѣ которыхъ я отказался присутствовать: Макаровъ и Маклаковъ. О Маклаковѣ, какъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, мнѣніе мое отличалось рѣшительно отрицательнымъ характеромъ: его приемы управленія я считалъ и считаю прямо вредными; но мы были вмѣстѣ въ гимназіи, были на «ты», бывали другъ у друга, когда то относились другъ къ другу съ душевной пріязнью, такъ что мой отказъ едва ли покажется кому либо страннымъ. Что же касается Макарова, то я съ нимъ не встрѣчался до его назначенія министромъ юстиціи, но, конечно, слышалъ о немъ неоднократно и даже задолго до того, какъ онъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Общій отзывъ о немъ былъ какъ о формалистѣ и педантѣ. Многіе называли его просто сухимъ человѣкомъ. По должности министра внутреннихъ дѣлъ онъ прошумѣлъ на всю Россію своей рѣчью въ государственной думѣ о кровавомъ столкновеніи властей съ рабочими на ленскихъ приискахъ*. Все это заставило меня невольно съежиться, когда онъ замѣнилъ А. А. Хвостова на посту министра юстиціи. Боязнь близкихъ служебныхъ отношеній съ «сухаремъ» заставила меня еще рѣшительнѣе, чѣмъ бы я это сдѣлалъ въ другихъ условіяхъ, отклонить его предложеніе быть у него директоромъ второго департамента министерства (по вопросамъ личнаго состава) заставила и горько пожалѣть о томъ, что онъ не отпустилъ меня съ должности прокурора петроградской судебной палаты на должность оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента сената. Но совмѣстная моя работа съ Макаровымъ въ теченіе всего пяти мѣсяцевъ заставила меня отбросить недоувѣрчивость: я увидѣлъ въ немъ, правда, человѣка несомнѣнно склоннаго къ формальности, но умѣющаго много работать, спокойно и внимательно прислушивающагося къ чужимъ мнѣніямъ и чужимъ возраженіямъ, уважающаго судъ и не останавливающагося передъ опасностью потерять министерскій постъ изъ за отстаиванія того, что ему представляется законнымъ и должнымъ. Объ этомъ читатели прочли въ первой части моихъ воспоминаній, гдѣ я счелъ себя нравственно обязаннымъ особенно отгнѣнить его достойное поведеніе по дѣлу Манасевича-Мануйлова. Керенскій и Муравьевъ не раздѣляли моей оцѣнки Макарова: они не могли забыть этой его рѣчи въ государственной думѣ, которая и мнѣ не нравилась. Но я со словъ самого Макарова зналъ, что онъ произносилъ ее, довѣрившись докладу директора департамента полиціи, впоследствии столь своеобразно знаменитаго С. П. Бѣлецкаго, а докладъ оказался, выражаясь вѣжливо, одностороннимъ. Въ частности, многихъ переполошившая фраза: «Такъ было и такъ будетъ» — не была, по моему, такимъ криминаломъ, какъ ее принято считать въ кругахъ болѣе или менѣе лѣвой окраски: вѣдь она не значила, что Макаровъ сочувствуетъ поспѣшнымъ и

* Я стараюсь никогда не спорить о словахъ и не цѣпляться за слова. Но въ этой рѣчи меня неприятно рѣзнуло по сердцу нѣчто другое, а не слова: не знаю, правильно ли, но мнѣ почудилось въ ней черствое отношеніе къ человѣку и спокойствіе при видѣ пролитой крови.

неосновательнымъ выстрѣламъ въ безоружную толпу, и хотѣлъ онъ только сказать, что всегда и всякая власть была и будетъ вынуждена въ крайности подавлять бунтарскія движенія вооруженной рукой, а лишь заблуждался на счетъ умѣстности такого приѣма усмиренія въ данномъ, именно, случаѣ.

Я не могу придумать, по какой бы статьѣ закона привлекли А. А. Макарова за эту рѣчь, но еще раньше подвернулось другое дѣло, и вотъ за него и предполагалъ Н. К. Муравьевъ посадить бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Многимъ, вѣроятно, памятенъ членъ государственной думы Малиновскій, большевикъ, произносившій въ думѣ крайне лѣвыя рѣчи и сложившій съ себя депутатскія полномочія; кажется, онъ немедленно послѣ этого скрылся за-границу, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями самимъ Ленинымъ. Этотъ Малиновскій прошелъ въ думу по Москвѣ, при чемъ избранію его дѣятельно содѣйствовало московское охранное отдѣленіе: онъ состоялъ на службѣ въ тайной полиціи и получалъ жалованье, значительно увеличенное вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ сталъ членомъ думы, а рѣчи, произносимыя имъ съ трибуны, предварительно просматривались и поправлялись, если не сплошь составлялись, директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ. Такъ вотъ, этотъ почтенный членъ законодательной палаты былъ, какъ это выяснилось потомъ, за кражу со взломомъ изъ обитаемаго строенія (и, кажется, дважды) осужденъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, при чемъ его, какъ и слѣдовало по закону, лишили всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Начальникъ московской «охранки», полковникъ Мартыновъ, человекъ рѣшительный и ухитрявшійся, какъ говорили, оплачивать изъ суммъ, отпускавшихся на розыски, своего кучера или свою кухарку, узналъ о такой подробности прошлой жизни агента, проводимаго въ члены думы, довольно поздно, въ самый разгаръ выборной кампаніи. Лишенные правъ, разумѣется, не могли, въ силу прямого запрещенія закона, быть членами государственной думы, и Мартыновъ не пожелалъ взять на себя отвѣтственность. Въ дѣлахъ нашей комиссіи была телеграмма, посланная имъ въ департаментъ полиціи. Мартыновъ сообщалъ, что избраніе Малиновскаго обезпечено, но указывалъ на его судимость и испрашивалъ инструкцій. На телеграммѣ или на докладѣ объ этой телеграммѣ (теперь уже не помню) рукою Бѣлецкаго, съ помѣткой двумя разными датами, были положены двѣ резолюціи; первая: «доложить его высокопревосходительству», а вторая: «его высокопревосходительству по докладу изволилъ приказать предоставить дѣло естественному теченію». За дословную точность моего воспроизведенія резолюцій я не ручаюсь, но тонъ я хорошо помню.

Муравьевъ находилъ, что всѣ эти данныя вполне изобличаютъ Макарова. Я спрашивалъ: откуда видно? Онъ отвѣчалъ ссылкой на телеграмму Мартынова и на резолюцію Бѣлецкаго, называя ихъ вещественными доказательствами и документальными данными. Я возражалъ, что только захолустные слѣдователи называютъ вещественными доказательствами всякій хламъ, который имъ придется въ голову приобщить къ дѣлу, а документомъ резолюціи могутъ быть лишь противъ писавшаго ихъ Бѣлецкаго. Неужели же, говорилъ я, вы сочтете достаточной письменной уликой противъ васъ мою записную книжку, въ которой я отмѣчу, Богъ знаетъ что, про вашъ вчерашній день? Муравьевъ отстаивалъ свою ультра-прокурорскую точку зрѣнія ссылкой на то, что директоръ департамента не посмѣлъ бы обогатъ своего министра въ служебной бумагѣ. Я упорствовалъ на своемъ, утверждая, что, по моимъ наблюденіямъ, Макаровъ имѣетъ мужество не

отрекается отъ своихъ поступковъ, а потому, пока онъ не признаетъ, что вторая резолюція положена съ его вѣдома и по его словесному распоряженію, я ни за что не повѣрю въ его виновность, тѣмъ болѣе, что онъ даже по пустымъ бумаженкамъ клалъ неизмѣнно собственноручныя обстоятельныя резолюціи своимъ характернымъ «уставомъ». Муравьевъ заявилъ, что уже допрашивалъ Бѣлецкаго, и тотъ настаиваетъ, что резолюція, положенная имъ, соответствуетъ истинѣ. Я уже начиналъ терять равновѣсіе, хотя и усиленно старался «держать себя за хвостъ». Взволнованно я отвѣтилъ, что не можетъ же Бѣлецкій сразу сознаться въ служебномъ подлогѣ, который такъ неожиданно для него всплылъ, хотя и долженъ былъ, по всей видимости, навсегда остаться погребеннымъ въ архивной пыли. И тогда Муравьевъ произнесъ, — этого я и теперь не могу забыть, — приблизительно слѣдующія слова: «Ужели вы думаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что найдутся такіе присяжные засѣдатели, которые не осудили бы Макарова при какихъ угодно уликахъ?» Мнѣ до сихъ поръ стыдно вспомнить, какъ я вспыхнулъ и загорѣлся. Въ моей прокурорской службѣ иногда (къ счастью рѣдко) бывало такъ, что тотъ или другой товарищъ прокурора составлялъ обвинительный актъ не по лѣни* и не по легкомыслію**, а въ расчетъ на довѣрчивость къ мундирнымъ людямъ и темноту захоластныхъ присяжныхъ засѣдателей***. Я же, допуская постановку болѣе или менѣе сомнительныхъ дѣлъ въ крупныхъ центрахъ, гдѣ есть защита и гдѣ присяжные засѣдатели держатъ себя независимѣе и скорѣе излишне склонны къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію, рѣшительно возставалъ противъ того, чтобы дѣла, оставшіяся до конца предварительнаго слѣдствія нераскушеннымъ орѣхомъ, ставились на судъ съ присяжными въ медвѣжьихъ углахъ и называлъ такой приемъ «отправленіемъ правосудія со взломомъ»****. Скажу больше, я какъ то душевно отходилъ отъ такихъ товарищей прокурора и считалъ ихъ въ корнѣ непригодными для отвѣтственной передъ Богомъ и честными людьми службы дѣлу суда. А тутъ предсѣдатель комиссіи — и какой же? верховной, — обнаруживаетъ намѣреніе поставить самое «праховое»

* Обвинительный актъ, по моему, легче составить, чѣмъ заключеніе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, если въ дѣлѣ есть кое какія улики: заключеніе требуетъ письменныхъ соображеній, тогда какъ въ обвинительномъ актѣ приводятся только факты. Поэтому, насколько мнѣ случалось наблюдать, лѣнивые люди безсознательно склоняются скорѣе къ составленію именно обвинительныхъ актовъ, если нельзя дѣло вернуть къ дослѣдованію, что, конечно, еще проще.

** Легкомысленными я называю обвинительные акты по обвиненію въ грабежѣ, когда обвиняемый стащилъ съ потерпѣвшаго послѣ драки шапку въ видѣ трофея и сейчасъ же ее на виду, такъ сказать, у всѣхъ пропилъ, или по обвиненію въ убійствѣ, когда обвиняемый подвергся нападенію со стороны убитаго, или, на примѣръ, по обвиненію въ уничтоженіи бумаги присутственнаго мѣста, когда обвиняемый разорвалъ повѣстку о вызовѣ его въ консисторію по иску жены къ нему о разводѣ.

*** Темнота, къ сожалѣнію, не требуетъ доказательствъ для тѣхъ, кто побывалъ, на примѣръ, въ Гдовѣ или Новой Ладогѣ: близость къ столицѣ и безплодіе земли высасываютъ все болѣе толковое и предприимчивое. А довѣрчивость, искренняя или притворная, доходила въ захоластьяхъ до того, что присяжные на слова товарища прокурора въ обвинительной рѣчи: «и за это вы ихъ достойно покарате» со своихъ мѣстъ въ нѣсколько голосовъ (я не анекдоты рассказываю) отвѣчали съ готовностью: «покараемъ, ужъ вы не сомнѣвайтесь».

**** Ставъ прокуроромъ суда, я прибѣгъ къ строгому процѣживанію обвинительныхъ актовъ исключительно во имя долга, какъ я его понималъ. Но вскорѣ убѣдился, что такъ нужно поступать даже ярому обвинителю: вздорныя обвиненія дискредитируютъ прокуратуру въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, и они начинаютъ оправдывать и уже но «битымъ» дѣламъ, чего обыкновенно не бываетъ, если всѣ обвиненія въ теченіе сессіи оказываются основательными.

обвиненіе въ расчетѣ на политическое возбужденіе судей. Я все это и высказалъ Муравьеву. Подлинныхъ словъ своего возраженія, конечно, припомнить не могу, но слова, каюсь, были и въ беспорядочности ихъ потока рѣзкія. Почти навѣрное, я и о «такихъ» товарищахъ прокурора упомянулъ, да еще прибавилъ, что ихъ порядочными не почитаю. Надо отдать справедливость Муравьеву, — онъ покраснѣлъ, но изъ себя не вышелъ и отвѣтилъ, что я не понялъ его: онъ вполне убѣжденъ въ силѣ собранныхъ противъ Макарова уликъ и только потому подастъ голосъ за его привлеченіе. Устыдившись своей горячности, хоть и чувствуя, какъ сердце продолжаетъ неистово колотиться въ боку, я значительно спокойнѣе замѣтилъ, что я тоже юристъ и тоже судебный работникъ и не принадлежу къ числу упрямецевъ, не желающихъ прислушиваться къ противнымъ мнѣніямъ, а потому мнѣ удивительно, отчего я такъ и не понялъ, на чемъ же покоится это его убѣжденіе, и думаю, что не очень то оно обосновано, если остается неуловимымъ даже для человѣка, привыкшаго вращаться въ вопросахъ о силѣ доказательствъ. Споръ нашъ кончился, какъ обыкновенно, въ ничью: рѣшенія никакого постановлено, не было*.

Однимъ изъ наиболѣе бередящихъ душу вопросовъ для меня представлялся вопросъ, о которомъ я уже говорилъ въ первой главѣ: вопросъ арестантскій, касавшійся лицъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости. Хоть они были взяты подъ стражу не нами, и не за нами числились, но разслѣдованіе предполагаемыхъ ихъ преступленій было возложено на насъ, и это, по моему, насъ обязывало. Всѣ вокругъ считали, что арестантовъ держитъ комиссія, и выраженіемъ общаго мнѣнія въ моихъ глазахъ являлось прошеніе Н. П. Карабчевскаго, въ которомъ (если не ошибаюсь, по поводу ареста А. А. Вырубовой) было поставлено намъ въ вину содержаніе подъ стражею лицъ, остающихся безъ допроса цѣлыя мѣсяцы. Меня никогда не волновали укоры въ томъ, чего я не дѣлалъ, но здѣсь я чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Я понималъ, что нельзя допрашивать человѣка, пока еще ищешь, не совершилъ ли онъ какого либо преступленія, но отсюда вытекало только то, что комиссія не могла ограничиться однимъ, такъ сказать, «отпихиваніемъ» отъ себя арестантовъ; и поэтому мнѣ было мало, что я добился этого, какъ рассказано въ предыдущей главѣ; я понималъ или, вѣрнѣе, чувствовалъ, что комиссія должна поставить принципиальный вопросъ о недопустимости дальнѣйшаго содержанія людей подъ замкомъ безъ привлеченія ихъ къ отвѣту въ законномъ порядкѣ. Прошеніе Карабчевскаго казалось мнѣ самымъ удобнымъ для того поводомъ. Но дни шли, а прошеніе это лежало на столѣ передъ Н. К. Муравьевымъ безъ движенія: насколько помню, Карабчевскому мы такъ ничего и не отвѣтили, даже не отписались формальнымъ отвѣтомъ, что за нами числится

* Пока я оставался въ комиссіи, Макаровъ, поскольку мнѣ извѣстно, привлеченъ къ слѣдствію не былъ. Въ началѣ большевицкаго владычества, когда Макаровъ содержался еще въ Петропавловской крѣпости и уже были инсценированы процессы Пуришкевича и гр. Паниной съ допущеніемъ защиты, я обратился къ женѣ Макарова съ предложеніемъ выступить защитникомъ ея мужа, если его будутъ судить. Я видѣлъ въ этомъ мой нравственный долгъ. Отвѣта я не получилъ и не очень удивился, такъ какъ до меня уже ранѣе доходили слухи о томъ, что она поставила на мнѣ крестъ, какъ на «слугѣ временнаго правительства». Затѣмъ, будучи уже въ Кіевѣ, я слышалъ сперва объ освобожденіи Макарова изъ подъ стражи, а затѣмъ о новомъ его арестѣ и разстрѣлѣ. Осенью 1918 года мнѣ въ Кіевѣ доставлено было къ-мъ то запоздалое письмо Макарова, очень дружеское и ласковое, но доставившій подтвердилъ фактъ насильственной смерти Макарова, послѣдовавшей будто бы еще лѣтомъ. Лишь недавно, будучи уже за русскимъ рубежомъ, я узналъ, что Макарова разстрѣляли только въ 1919 году, и мнѣ горько, что я не попытался тогда ему отвѣтить словомъ уваженія и привѣта.

только сенаторъ Добровольскій, уже привлеченный и допрошенный въ качествѣ обвиняемаго*. И вѣдь я былъ не одинокъ со своимъ мнѣніемъ: если подсчитать, то, пожалуй, моихъ сторонниковъ оказалось бы больше; но всѣ мы были, видимо, лишены заговорщическихъ наклонностей и способностей, такъ что не догадались сговориться тайкомъ и, дѣйствуя затѣмъ скопомъ, заставить нашего предсѣдателя уступить волѣ большинства, а потому и рѣшали только тѣ вопросы, которые онъ вносилъ на общее обсужденіе. Чѣмъ дальше отходитъ отъ меня это мое прошлое, тѣмъ отчетливѣе я сознаю, что въ такомъ вопіющемъ беззаконіи и самъ я не безъ вины: и моего дегтя тутъ есть капля, дегтя слишкомъ легкаго подчиненія данному положенію вещей.

Во мнѣ все болѣло при мысли о моемъ безсиліи, и я ежедневно мучился и въ Зимнемъ Дворцѣ, и въ Петропавловской крѣпости.

Въ Зимнемъ дворцѣ насъ осаждали жены арестованныхъ, бѣдныя женщины на которыхъ мнѣ было тяжело глядѣть. Иногда нервы не выдерживали, и, со свойственной большинству нервничающихъ людей непослѣдовательностью, я, сердясь на самого себя, былъ несдержанъ съ просительницами. Мнѣ и сегодня совѣстно, именно совѣстно (передъ собой), а не стыдно (только передъ свидѣтелями), какъ я позволилъ себѣ отвѣтить женѣ генерала Спиридовича. Дѣятельность его не могла вызвать во мнѣ сочувствія; признаюсь въ томъ безъ раскаянія. Хотя онъ и написалъ двухтомную исторію русскаго революціоннаго движенія, точность, и позвольте такъ выразиться, корректность которой была въ моемъ присутствіи признана изъ противнаго лагеря Максимомъ Горькимъ, но я никогда не могъ забыть, что нѣсколько лицъ, болѣе или менѣе близко освѣдомленныхъ въ подробностяхъ дѣла объ убійствѣ Столыпина, въ ихъ числѣ и Макаровъ, такъ и не отдѣлались отъ впечатлѣнія о причастности къ этому преступленію ген. Курлова и ген. Спиридовича. Госпожа Спиридовичъ естественно просила за мужа, естественно возмущалась его арестомъ безъ допроса и указывала, что нѣкоторые узники были уже освобождены. Слова ея коснулись моего большого мѣста, а боль вырвала у меня слова, что если ужъ выпускать арестованныхъ, то не съ жандармовъ надобно начинать. Слова жестокія, неумѣстныя и знаменующія отказъ идти дальше вѣвѣски**. И я хоть при слѣдующихъ разговорахъ съ госпожею Спиридовичъ всемирно старался загладить свою первую выходку, но и теперь, когда пишу эти строки, мысленно прошу у нея извиненія. Менѣе я виноватъ передъ женой одного сенатора, бывшаго директора департамента полиціи. Приемы ея мужа при сыскѣ мнѣ рѣшительно не нравились***, но онъ задолго до революціи оставилъ должность дирек-

* Вспоминается, кстати, мое недоумѣніе при избраніи мѣры пресѣченія. Казалось бы, можно было оставить Добровольскаго на свободѣ, но какъ же освобождать человѣка, привлекаемаго за корыстное должностное преступленіе, когда остаются въ заключеніи люди, еще ни въ чемъ не обвиняемые? Изначальная нелѣпость рождаетъ послѣдствія.

** Разумѣется, необходимо отрѣшиться отъ вѣвѣсокъ и учиться смотрѣть на человѣка, а не на мундиръ. Но съ этими массовыми арестами, производившимися именно по вѣвѣскамъ, болѣе нежели по дѣятельности, порою приходилось упираться втупикъ. Помню, какъ В. Л. Бурцевъ просилъ при мнѣ Муравьева освободить жандарма-охранника Герасимова, предлагая себя въ поручители за него. Я и теперь думаю, что искусный охранникъ обошелъ Бурцева, притворившись раскаявшимся и обѣщая открыть «всю подноготную» сыска. Но арестъ Герасимова не становился отъ этого законнѣе. И тѣмъ не менѣе, я не могъ не сказать Муравьеву то же, что жестоко сказалъ госпожѣ Спиридовичъ: если ходатайствовать передъ Керенскимъ не за всѣхъ, а за избранныхъ, то не съ Герасимова начинать.

*** Онъ былъ моимъ предмѣстникомъ по должности прокурора окружнаго суда. До этого онъ занимался почти исключительно политическими дѣлами, да и послѣ вернулся

тора департамента полиціи, а вѣдь нужно же считаться съ уголовной давностью. Какъ то разъ Муравьевъ бросилъ мысль, что давность для враговъ народа можно, пожалуй, и отмѣнить, но я всегда брезгливо относился къ предположеніямъ о приданіи закону обратной силы, если только законъ не приноситъ съ собой льготъ и облегченій. Поэтому я со всею искренностью сказалъ просительницѣ, что уже доказывалъ необходимость освобожденія ея мужа по чисто формальнымъ основаніямъ. Когда же она замѣтила, что «при старомъ режимѣ никогда не держали подъ стражею дольше 24 часовъ безъ допроса», я не удержался и отвѣтилъ ей, что какъ разъ мужъ ея и повиненъ въ такихъ арестахъ, которые ничѣмъ по существу не отличаются отъ нынѣшнихъ. Я и теперь такъ думаю, но если бы у меня не изболѣла душа изъ за «петропавловцевъ» и за поруганный свобододолюбцами законъ, я бы, разумѣется, позволилъ себѣ эти слова сказать развѣ самому арестованному, а викакъ не его несчастной женѣ.

Изъ другихъ посѣтительницъ припоминается мнѣ М. Ө. Щегловитова. Хоть я и буду говорить еще о моей оцѣнкѣ дѣятельности ея мужа нѣсколько ниже, но, думаю, для внимательнаго читателя уже и такъ ясно, какъ я относился къ бывшему министру юстиціи и послѣднему предсѣдателю государственнаго совѣта. Тѣмъ не менѣе, когда М. Ө. Щегловитова обратилась ко мнѣ, я уже ясно чувствовалъ, что И. Г. Щегловитовъ не лицо, а типъ, приѣмлющій въ свое лоно и правыхъ, и лѣвыхъ, и что русская держава, какъ прежде, стоитъ «щегловитовщиною», то есть неуваженіемъ къ закону (въ значительной степени наивнымъ, выбивающимся откуда то изъ подоплеки) и переулочнымъ дѣленіемъ людей не горизонтальной чертою на умныхъ и глупыхъ, способныхъ и бездарныхъ, знающихъ и невѣждъ, порядочныхъ и безчестныхъ, а вертикальной, непроницаемой перегородкой на своихъ и чужихъ, единомысленныхъ (все равно, искренно или притворно) и инакомыслящихъ. Поэтому, хотя я и нащупывалъ уже, по моему, уголовно-наказуемые поступки Щегловитова, незаконный его арестъ начиналъ мнѣ казаться, сверхъ того, все болѣе и болѣе несправедливымъ. Да, онъ виновать, но и тѣ, кто его ввергнулъ въ узилище, въ такой же винѣ купаются. И я, съ убѣжденіемъ относившійся къ обоимъ супругамъ Щегловитовымъ опредѣленно отрицательно*, не лукавилъ теперь, соглашаясь съ госпожей Щегловитовой, что мужа ея нѣтъ достаточнаго основанія, а не только законнаго повода держать подъ стражею.

къ тому же. Какъ то онъ приѣхалъ къ намъ на какое то разслѣдованіе по своей специальности. Меня удивило, что никто изъ товарищей прокурора, бывшихъ его сослуживцевъ, не пригласилъ его къ себѣ обѣдать; но они мнѣ объяснили, что не могутъ ему простить поученія, какъ нужно «честно» «создавать улики» по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Тогда же я услышалъ отъ нихъ суть этого поученія, и оно гвоздемъ засѣло въ моей головѣ. Вотъ оно, во всей его несравненной прелести. Если у васъ — говорилъ прокуроръ, будущій директоръ департамента полиціи своимъ подчиненнымъ, — нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что такой то, тогда то былъ тамъ то, но вы по разнымъ даннымъ пришли къ непреложному убѣжденію, что это лицо дѣйствительно тамъ проживало въ то или иное время, призовите смысленнаго жандармскаго унтеръ-офицера или городского и расскажите ему всѣ свои о томъ соображенія, а затѣмъ спросите его: «Понялъ? Теперь знаешь, что обвиняемый тогда то жилъ тамъ то?» Онъ отвѣтитъ, конечно, утвердительно, а тогда вы предупредите его: «Такъ тебя вызовутъ на судъ и ты долженъ будешь показать, что онъ проживалъ тогда то, тамъ то, какъ тебѣ это положительно было извѣстно».

* Въ этотъ разъ я впервые разговаривалъ съ М. Ө. Щегловитовой, но представленіе о ней и ранѣе имѣлъ, какъ мнѣ кажется, исчерпывающее. Я держусь того мнѣнія, что жена министра, жена губернатора, вообще жена любого командующаго лица, въ какой

Но Зимній дворецъ былъ ничто въ сравненіи съ Петропавловскою крѣпостью. Тамъ для меня боль становилась поройъ прямо невыносимой. Я испытывалъ неловкость даже при входѣ въ камеры съ вѣстью объ освобожденіи. Это случилось уже въ самомъ началѣ моей работы по должности товарища предсѣдателя верховной комиссіи. Керенскій, рѣшивъ выпустить Горемыкина, кн. Голицына, Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, отправился въ крѣпость лично и взялъ съ собою Муравьева и меня. До сихъ поръ помню своды потолка, рѣшетку окна, узко глядящаго гдѣ то вверху, чисто выметенный каменный полъ, стоящую изголовьемъ къ стѣнѣ кровать, умывальникъ и удобства съ проведенною водою въ камерахъ Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, помню и то, что камера Горемыкина была болѣе похожа на жилую комнату, чуть ли не съ письменнымъ столомъ и съ окномъ, доходящимъ до чуть ли не паркетнаго пола. Тѣ помѣщались въ Трубецкомъ бастіонѣ, а эта въ какой то «куртинѣ», — прилагательное я позабылъ. Помню, какъ Крашенинниковъ быстро поднялся, при видѣ насъ, съ постели, удивленно глянулъ на меня, и съ какой то двойственной, насмѣшливо-страдальческой улыбкой слушалъ Керенскаго *. Помню, что Горемыкинъ освѣдо-

бы то ни было отрасли управленія, не помѣщается цѣликомъ въ рамкахъ только семейной, вполнѣ частной жизни. Не какъ жена своего мужа, а какъ жена именно министра, она становится до извѣстной степени официальнымъ лицомъ и обязана очень и очень оглядываться на себя.

А вотъ отрывки изъ поступковъ жены министра юстиціи И. Г. Щегловитова, за достовѣрность которыхъ я ручаюсь.

Возвращаясь съ Кавказа въ Петроградъ одна, безъ мужа, М. О. Щегловитова не таила времени своего проѣзда черезъ Москву, и представители московской магистратуры и прокуратуры считали себя обязанными встрѣчать ее на вокзалѣ и подносить ей цвѣты. Она оставалась отъ поѣзда до поѣзда и мнѣ извѣстенъ случай, когда она приняла «обѣдъ за просто» въ «Прагѣ» отъ прокурора палаты, предсѣдателя и прокурора суда. Старшій предсѣдатель судебной палаты, человекъ безъ средствъ, отсутствовалъ. Хотя госпожа Щегловитова и повторяла за обѣдомъ, что вѣритъ искренности своихъ сотрапезниковъ, которые въ ней, конечно, цѣнятъ не жену министра, а добрую знакомую, но вскорѣ уже въ Петроградѣ, одному изъ нихъ пріѣхавшему къ ней съ визитомъ, сказала: «А у васъ въ Москвѣ есть старшій предсѣдатель? Я его никогда не вижу».

Тому же судебному дѣятелю, указывая на вазу, несомнѣнно цѣнную, госпожа Щегловитова сообщила цѣлую исторію ея происхожденія. Въ ней были поднесены женѣ министра цвѣты прокуроромъ одного изъ прикавказскихъ судовъ; она, было, ни за что не хотѣла брать вазы, говоря, что дорогихъ подарковъ принимать не желаетъ, но прокуроръ, — такой милый, — совсѣмъ смутился и, выражая готовность взять вазу назадъ, просто-душно произнесъ: «только она, право, стоитъ всего шесть рублей». А тогда уже другое дѣло, и ей не было основанія отказываться отъ вазы.

Я не умѣлъ ко всему этому относиться хладнокровно, зная, какъ рѣдко среди насъ встрѣчаются люди сколько-нибудь обезпеченные.

* На другой день Н. С. Крашенинниковъ позвонилъ уже изъ своей квартиры по телефону въ мой кабинетъ и дружески поблагодарилъ меня за участіе въ его освобожденіи, такъ что только то чувство неловкости, которое мною владѣло наканунѣ, заставило меня тогда въ его удивленныхъ глазахъ прочесть укоръ.

Разскажу, кстати, здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, кое что изъ моихъ отношеній съ нимъ.

Впервые я встрѣтился съ Н. С. Крашенинниковымъ, когда онъ еще въ 1900 году былъ назначенъ предсѣдателемъ въ петербургскій окружный судъ, гдѣ я состоялъ товарищемъ прокурора. Съ ясными голубыми глазами на изможденномъ лицѣ, съ рѣчью какими-то неровными порывами, порою желчно-раздражительный, нервно-пристрастный, онъ меня подкупилъ своей огромною работоспособностью, своимъ исключительнымъ умѣньемъ схватывать на лету и въ точности формулировать мысли собесѣдника, своими знаніями въ гражданскомъ правѣ и тѣмъ особымъ качествомъ мышленія, которое отличаетъ настоящихъ цивилистовъ Божьею милостью, отъ цивилистовъ кустарнаго производства, своимъ безошибочнымъ пониманіемъ, кто изъ насъ чего стоитъ, и уваженіемъ

мился, какъ моя фамилія (видно я по лицу показался ему знакомымъ), и затѣмъ сталъ увѣрять, будто бы очень любилъ моего отца, а мой отецъ платилъ ему тѣмъ же; бѣдный старикъ имѣлъ жалко согбенный видъ, и я чувствовалъ, что слова его искренни, хотя и зналъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ между нимъ и моимъ отцомъ*. Значительно бодрѣ держался къ

къ чужой работѣ. Тогда онъ, и въ разгарѣ спора, даже горячася, заставлялъ себя вслушиваться и вдумываться въ доводы противника; тогда онъ былъ человѣкомъ свободомыслящимъ. Такъ выходило изъ его словъ, а зачѣмъ бы ему было притворяться передъ младшимъ сослуживцемъ? Помню, какъ его огорчило не менѣе, чѣмъ меня, извѣстіе о томъ, что А. А. Лопухинъ промѣнялъ судебную службу на должность директора департамента полиціи, да еще при Плеве.

Въ 1906 году насъ опять свела судьба: мы оба оказались въ петербургской судебной палатѣ, онъ — старшимъ предсѣдателемъ, а я — членомъ (по гражданскому департаменту). Съ первыхъ его шаговъ для меня стало очевидно, что передо мною человѣкъ, испугавшійся революціи и покотившійся по наклонной поверхности направо. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, бороться съ революціей, оставаясь судьей; онъ сталъ еще болѣе раздражителенъ и уже сердился на возраженія. Въ общемъ собраніи палаты онъ стремился къ самодержавному властвованію, и тутъ я испортилъ ему много крови; онъ неоднократно съ силою бросалъ на столъ карандашъ, слушая мои выступленія противъ него (не во имя, конечно, революціи, а во имя закона, на который по моему ни подъ какимъ предлогомъ нельзя садиться, какъ дѣлалъ щедринскій помпадуръ). Кончилось все это тѣмъ, что онъ поспособствовалъ въ 1908 году моему повышенію (назначенію товарищемъ оберъ-прокурора судебного департамента сената), лишь бы избавиться отъ меня. Но справедливость заставляетъ меня сказать, что онъ себя не продавалъ, а только увлекался, какъ страстный и пристрастный человѣкъ. Онъ не подыгрывался къ Щегловитову и не былъ его любимцемъ; умѣлъ отмежеваться иногда въ общемъ собраніи отъ попытокъ П. К. Камышанскаго, тогдашняго прокурора палаты, насѣсть на судебные уставы; послѣ рѣзкихъ выходокъ въ засѣданіи, не разъ въ совѣщательной комнатѣ былъ справедливѣе и мягче своихъ приспѣшниковъ; сохранилъ способность цѣнить хорошихъ работниковъ и — странное дѣло — явно оказывалъ больше уваженія независимымъ людямъ, чѣмъ угодливымъ, которыми, однако, пользовался во всю.

Въ теченіе семи лѣтъ мы изрѣдка встрѣчались въ министерствѣ юстиціи или на похоронахъ сослуживцевъ. Стороною я узналъ, что онъ, видимо, успѣвъ остыть, представлялъ меня на мѣсто покойнаго С. В. Кудрина въ предсѣдатели петербургскаго окружнаго суда, но и не подумалъ спросить моего согласія.

Въ 1915 году онъ былъ назначенъ, въ качествѣ сенатора, произвести ревизію московской администраціи по случаю нѣмецкаго погрома. Я собирался ѣхать на лѣто въ деревню, когда онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ въ ревизіи. Видя мое удивленіе, котораго я не могъ скрыть, онъ пояснилъ, что хорошихъ работниковъ набрать не такъ ужъ трудно, но во мнѣ онъ видитъ человѣка, который всегда скажетъ свое искреннее мнѣніе, а онъ, приступая къ отвѣтственной работѣ, боится окружать себя только людьми, старающимися угадать его мнѣніе и не имѣющими собственнаго или имъ не дорожащими. Я, признаюсь, былъ этими словами подкупленъ и, послѣ суточного размышленія, согласился войти въ составъ ревизіи. Долженъ удостовѣрить, что Крашенинниковъ ни разу не забылъ, для чего онъ меня приглашалъ, и, напримѣръ, когда я пришелъ къ рѣшенію произвести одновременно нѣсколько (кажется, 10 или 12) обысковъ въ помѣщеніяхъ московскихъ правыхъ организацій, онъ, не морщась, подписалъ заготовленные мною предложенія судебнымъ слѣдователямъ.

Кончая ревизію, онъ написалъ новому министру юстиціи А. А. Хвостову, что хочетъ имѣть меня предсѣдателемъ (гражданскаго) департамента палаты. Министръ (предполагая, что я объ этомъ освѣдомленъ и далъ согласіе) доложилъ государю, и мое назначеніе послѣдовало; но вновь совмѣстно служить съ Крашенинниковымъ мнѣ уже не пришлось: онъ, вслѣдъ за этимъ, отказавшись отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Моя оцѣнка Крашенинникова двоится; я считаю его даровитымъ человѣкомъ, но принесшимъ много вреда своею страстностью и самовластной нетерпимостью: могъ быть выдающимся цивилистомъ, а сталъ неудачнымъ уголовнымъ судьей.

* И. Л. Горемыкинъ, оберъ-прокуроръ второго (по крестьянскимъ дѣламъ) департамента сената, товарищъ министра юстиціи, сенаторъ, управляющій межевою частью,

Голицынъ, но и его породистое лицо, освѣщенное красивыми глазами, замѣтно осунулось; глядя на него, я вспомнилъ отвѣтъ, данный имъ три мѣсяца назадъ на вопросъ одной знакомой дамы, зачѣмъ онъ пошелъ въ первые министры: «для того, чтобы однимъ пріятнымъ воспоминаніемъ было больше»; отвѣтъ этотъ былъ шуткою, но какъ подшутила надъ шутникомъ судьба.

Тяжело мнѣ было присутствовать даже при освобожденіи, еще тяжелѣе — при допросахъ тѣхъ, кого мы не могли освободить. И на этой почвѣ у меня произошло едва ли не самое острое изъ всѣхъ моихъ столкновеній съ Муравьевымъ, къ разсказу о чемъ я и приступаю теперь.

Комиссія выѣзжала на допросы въ крѣпость au grand complet: не менѣе трехъ членовъ президіума, канцелярія (къ которой присоединялись любопытствующие изъ наблюдающихъ за слѣдствіями «представителей общественности») и стенографистки. Допросы производились въ зданіи Трубецкого бастіона, гдѣ намъ отведена была особая комната. Очень скоро стали доходить до насъ свѣдѣнія, что карауль бастіона, захлестываемый, видимо, волнами «кронштадтскаго углубленія революціи», грубо притѣсняетъ заключенныхъ, какъ контръ-революціонеровъ, и даже моритъ ихъ голодомъ, значительную часть арестантскихъ порцій отправляя въ свои, вѣрные революціи, желудки. Свѣдѣнія были точныя: ихъ подтверждалъ и докторъ при крѣпости, апатическаго вида человѣкъ въ формѣ военнаго врача; равнодушнымъ голосомъ говорилъ онъ, что все это правда, и еще равнодушнѣе добавлялъ, что онъ не можетъ ссориться съ карау-

товарищъ министра и министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта и дважды первый министръ, служить, по моему, нагляднымъ доказательствомъ ошибочности толстовскаго изображенія Кутузова въ «Войнѣ и Мирѣ». Не Кутузовъ, а Горемыкинъ всѣмъ существомъ своимъ держался линіи поведенія, которую можно назвать политическимъ *laissez faire, laissez aller*. Съ его именемъ связанъ роспускъ первой думы: говорили тогда, что государь хотѣлъ взять назадъ свой манифестъ, но Горемыкинъ, сдавъ манифестъ въ печать, легъ спать и приказалъ не будить себя, отъ кого бы къ нему не прислали, хотя бы отъ царя, такъ что царскій посланный безуспѣшно настаивалъ на томъ, чтобы только что ушедшій на покой первый министръ былъ разбуженъ. Если этотъ разсказъ и вымышленъ (что очень вѣроятно), то сочинить его про кого либо другого изъ министровъ было бы невозможно. Изъ нихъ одинъ Горемыкинъ былъ такого умонастроенія, что «и безъ насъ все образуется». Будучи еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ завелъ отлично исполненный штемпель, который и прикладывался къ рядовымъ бумагамъ вмѣсто подписи министра, а къѣмъ прикладывался, о томъ ходили тогда же насмѣшливые толки. Да и многія резолюціи и мнѣнія Горемыкина были тѣмъ же механическимъ прикладываніемъ штемпеля; такъ, напримѣръ, обѣщавъ своему пріятелю утвердить уставъ одной кievской музыкальной школы съ сохраненіемъ нужной для учредителя статьи, Горемыкинъ дважды согласился съ докладомъ директора департамента объ отказѣ въ сохраненіи этой статьи; и не только въ маломъ проявлялъ онъ такое безразличіе къ дѣлу: высказываясь въ пользу изданія правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, за участіе въ университетскихъ беспорядкахъ, онъ обнаружилъ въ засѣданіи (въ которомъ предсѣдательствовалъ), что не расшифровалъ въ одной статьѣ ссылки на законъ и, самъ того не подозревая, голосовалъ за высылку неспособныхъ къ строю въ Сибирь на пять лѣтъ. Человѣкъ неглупый и незлой, онъ какъ-то не умѣлъ присмотрѣться, куда увлекается Россія подъ возглавляемымъ его особою правительствомъ. На его примѣрѣ можно видѣть, что отсутствіе капельмейстера не служитъ къ выгодѣ его оркестра. Что бы ни говорили про безсиліе вождей, я всегда твержу свое: коллективъ — рояль, а личность — піанистъ; конечно, самый геніальный піанистъ не въ состояніи извлечь изъ рояля звуковъ, которыхъ не можетъ дать ни одна клавиша инструмента, но на томъ же роялѣ можно сыграть и «Ave Maria», и «Камаринскаго», на томъ же роялѣ и ту же самую пьесу сыграютъ совсѣмъ иначе Рубинштейнъ и Катенька изъ «Дѣтства и Отрочества» Толстого, игравшая «avec âme, но безъ такта» и даже блютнеровскій рояль издастъ дикіе звуки, если по клавишамъ, въ отсутствіи человѣка, поскачетъ, спина дугою и хвостъ въ сторону, ошляпывшая отъ молока съ коньякомъ кошка.

ломъ и наживать себѣ враговъ. Ну, онъ то что-жъ, пусть Богъ его простить, а мы то, мы? Но и Муравьевъ какъ то мялся и только разводилъ руками, говоря на мои взволнованныя рѣчи, что и заключенные не наши и караулъ не въ нашей власти: короче сказать, прибѣгаль къ перефразѣ стараго присловья: «я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ». Мои слова звучали будто въ пустомъ пространствѣ, не находя отклика, и волненіе мощно нарастало въ душѣ, пока не перелилось черезъ край на допросѣ вице-директора департамента полиціи К. Д. Кафафова.

Кафафовъ былъ однимъ изъ «судебныхъ перебѣжчиковъ», изъ числа тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые «поискали не Іисуса, а хлѣба куска», и перешли на службу въ департаментъ полиціи, зная, что отъ него, какъ отъ водъ Екатерининскаго канала, «не розами пахнетъ». Я зналъ Кафафова, когда онъ еще былъ товарищемъ прокурора московской судебной палаты: веселый собесѣдникъ, несравненный тулумбашъ на дружескихъ пирушкахъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, но юристъ и работникъ средняго калибра. Въ департаментѣ полиціи онъ, если не ошибаюсь, вѣдалъ хозяйственной частью, а въ Петропавловскую крѣпость попалъ за то, что подписалъ какой то циркуляръ департамента; я теперь рѣшительно не припомню, въ чемъ была сущность этого циркуляра; но не было сомнѣнія, что не Кафафовъ составлялъ этотъ циркуляръ и что подпись его подъ циркуляромъ есть слѣдствіе случайнаго отсутствія директора. На вопросъ, зачѣмъ же, если такъ, былъ арестованъ Кафафовъ, позвольте отвѣтить вопросомъ же: а зачѣмъ, въ первые дни революціи, убивали городскихъ? Очевидно, мой удѣльный вѣсъ, какъ государственнаго или общественнаго дѣятеля, можетъ быть опредѣляемъ не только по тѣмъ, кого я считаю необходимыми для моего дѣла друзьями, но и по тѣмъ, кого я признаю опасными для него противниками.

Когда Кафафовъ предсталъ предъ нами въ качествѣ допрашиваемаго, то я болѣзненно поразился происшедшею въ немъ переменой: это была тѣнь прежняго Кафафова. А когда онъ на вопросы кого то изъ насъ, замѣтившаго его изможденность, осторожно сказалъ о положеніи заключенныхъ и смолкъ, опустивъ голову, и сдѣлавъ рукой движеніе покорной безнадежности, я свое сердце услышалъ въ вискахъ. Едва удалился Кафафовъ, я, обращаясь къ Муравьеву, взволнованно заговорилъ, что мы не можемъ долѣе безъ протеста терпѣть дикій произволъ караула, который позоритъ новый режимъ. Подлинныхъ словъ своихъ я, конечно, воспроизвести не могу, но помню, что завѣрилъ, что при царѣ едва ли бы нашелся прокуроръ, который бы допустилъ хотя бы отдаленный намекъ на подобнаго рода поступки со стороны тюремной стражи. Муравьевъ на это мнѣ отвѣтилъ требованіемъ, чтобы я взялъ назадъ свои слова, унижающія новый режимъ и восхваляющія старый. Я возразилъ, что если бы я былъ врагомъ новаго режима, меня бы здѣсь онъ не увидѣлъ, но что я не мальчикъ и словъ своихъ назадъ не возьму, такъ какъ они вполне выражаютъ мою мысль, отъ которой я не вижу основанія отказываться. Тонъ моего возраженія былъ не изъ сдержанныхъ; Муравьевъ кипятился не менѣе моего, и, чѣмъ бы все это кончилось, кто можетъ знать? Но выручилъ меня представитель изъ лагеря революціонной общественности. Съ нами на сей разъ въ крѣпость пріѣхалъ состоявшій при комиссіи революціонеръ, фамилію котораго, къ стыду моему, я забылъ, а помню только литературный псевдонимъ — Невѣдомскій, лицо его стоитъ передо мною, какъ живое: блѣдный, дрожащій шагнулъ онъ ко мнѣ и, со слезами на глазахъ, пожалъ мою руку, говоря, что ему больно за себя

и за своихъ при видѣ, какія безобразія могутъ теперь твориться. Немного спустя, подошли ко мнѣ и стенографистки съ изъявленіемъ своего сочувствія, но и до этого я по лицамъ и выраженіямъ окружающихъ удостовѣрился, что большинство присутствующихъ оказалось на моей сторонѣ.

Но моя неожиданная побѣда была чисто словесная, и я не видѣлъ, во что и какъ она можетъ воплотиться. Однако, *post hoc — ergo propter hoc*, кое что было сдѣлано ни кѣмъ инымъ, какъ самимъ Муравьевымъ. Онъ въ скорости подѣлился со мною своимъ предположеніемъ провести во врачѣ къ заключеннымъ доктора И. И. Манухина. Я очень этому обрадовался. Доктора Манухина я любилъ и считалъ его своимъ другомъ; человѣкъ безупречной порядочности и полного безкорыстія, онъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями момента, имѣлъ «лѣвое» прошлое въ видѣ «политической судимости»: Новочеркасская судебная палата приговорила его за увлеченіе освободительнымъ движеніемъ 1905 года къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ. Конечно, смѣна врача еще далеко не все, но хоть что нибудь, и то хорошо. Поэтому я горячо убѣждалъ И. И. Манухина не отказываться отъ предложенія, въ которомъ, конечно, ничего заманчиваго не было. Когда назначеніе Манухина состоялось, заключенные почувствовали облегченіе: онъ внимательно обходилъ камеры, тщательно осматривалъ больныхъ, прописывалъ усиленное питаніе для тѣхъ, кто въ немъ нуждался, и рѣшительно осаживалъ караульныхъ при малѣйшей ихъ попыткѣ «свое сужденіе имѣть»; такъ, я помню, однажды, одинъ солдатъ выразилъ нежеланіе заказывать лекарство въ аптекѣ Креслинга на Большой Конюшенной, говоря, что и ближе аптеки есть, но долженъ былъ смириться передъ непреклонной рѣшимостью Манухина поставить на своемъ.

Но развѣ можно было ограничиться одною переменою врача?

Допросы, которые производила комиссія въ Петропавловской крѣпости не вызывались слѣдственною необходимостью. Если слѣдователь и допрашиваетъ иногда заподозрѣннаго, не привлекая его еще въ качествѣ обвиняемаго, то это происходитъ вотъ почему: по дѣлу собраны, казалось бы, достаточныя улики, но въ нихъ есть какая то червоточинка; есть сомнѣніе, не дастъ ли заподозрѣнный такихъ объясненій, которыя иначе освѣтятъ кажущіеся уликами факты и выяснятъ, что улики въ дѣйствительности были только одною видимостью уликъ и что обвиненіе оказывается пустымъ орѣхомъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, слѣдователь, или вовсе не допрашиваетъ заподозрѣннаго, а просто направляетъ дѣло на прекращеніе, когда улики представляются ему недостаточными, или же прямо приступаетъ къ допросу заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго, когда не сомнѣвается во внутренней добротности собранныхъ по дѣлу уликъ. Большинство нашихъ допросовъ въ крѣпости не могло бы вовсе состояться, если бы допрашиваемые были на свободѣ: я, по крайней мѣрѣ, не припоминаю ни одного допроса, который былъ бы вызываемъ потребностью провѣрить сомнительные выводы комиссіи объясненіями допрашиваемыхъ. Просто, за стѣнами крѣпостного каземата томнились человѣческія души, и мы должны же были показать, что не забываемъ о ихъ существованіи. Къ допросамъ мы готовились: между нами были подѣлены обязанности по подготовкѣ къ допросамъ, но въ томъ то и дѣло, что не предшествовавшая подготовка влекла допросъ, а предстоящій допросъ вызывалъ подготовку.

Я присутствовалъ на нѣсколькихъ допросахъ. У Муравьева должна сохраниться стенограмма нашихъ засѣданій въ крѣпости. Стенографистки у насъ были изъ Государственнаго совѣта (изъ нихъ я знаю двухъ княженъ Тархановыхъ);

думается, что записи достаточно точны, если потомъ по нимъ не прошелся редакціонный карандашъ. Во всякомъ случаѣ, ни одной стенограммы я такъ и не видѣлъ до конца своей работы въ комиссіи. Память, не освѣженная ни малѣйшимъ клочкомъ замѣтокъ, удержала для меня до настоящаго времени только отрывки.

Изъ допросовъ Протопопова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Бѣляева, бывшаго военнаго министра, и ген. Хабалова, командовавшаго войсками петроградскаго округа, я вынесъ такое впечатлѣніе, что рассказы про пулеметы, изъ которыхъ будто бы стрѣляли съ крышъ по народу въ первые дни революціи, вѣрнѣе отнести къ области вымысла: всѣ трое были, по моему наблюденію, непритворно удивлены нашими разспросами о пулеметахъ; да и спрашивать то мы имѣли мало основанія, потому что слѣдственныя по этому предмету дѣйствія не дали ничего сколько-нибудь осязательнаго. Дыму безъ огня не бываетъ, говоритъ народная мудрость; но если и не оспаривать этого смѣлаго сообщенія, то огнемъ въ данномъ случаѣ могли быть пулеметы и орудія, установленныя на крышахъ генераломъ Бурманомъ для обороны Петрограда отъ воздушныхъ налетовъ непріятельскихъ аэроплановъ, что казалось возможнымъ въ виду движенія нѣмецкаго фронта вглубь русскихъ владѣній. Разумѣется, эти пулеметы не были приспособлены для стрѣльбы внизъ, да и вообще, изъ показаній трехъ названныхъ лицъ выяснилось, какъ мало было сопротивленія революціонерамъ со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и военнаго управления. Протопоповъ даже куда то скрылся и нѣсколько дней пропадалъ безслѣдно.

Генералы показывали съ бѣльшимъ чувствомъ собственнаго достоинства, чѣмъ бывшій офицеръ Протопоповъ. Особенно — Хабаловъ: у него, то и дѣло, проглядывало, что онъ считается съ нами только фактически, по пословицѣ «сила соломѣ ломить». А Протопоповъ велъ себя на допросѣ, на мою мѣрку, недостойно и даже въ заключеніе удручилъ меня фразою, что готовъ послужить и временному правительству. Яркими пятнами остались въ моемъ воспоминаніи два мѣста въ показаніи Протопопова, о которыхъ я, вкратцѣ, уже упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній.

Первое касается записки министра внутреннихъ дѣлъ, поданной императрицѣ незадолго до февральско-мартовскаго переворота. Мнѣ было еще при царѣ извѣстно, что въ послѣднее время императрица то присутствовала при всеподданнѣйшихъ докладахъ министровъ, иногда внося замѣтки въ свою записную книжку, то вызывала министровъ передъ всеподданнѣйшими ихъ докладами къ себѣ и освѣдомлялась, о чемъ они будутъ докладывать государю. Кто то изъ министровъ (жаль, что теперь не помню, кто именно) передавалъ, что императоръ спросилъ его: «вы были вчера у ея величества?» И на утвердительный отвѣтъ откликнулся новымъ вопросомъ: «о чемъ вы съ ней говорили?» Тогда же по Петрограду ходили или, вѣрнѣе, ползли сплетни, будто Протопоповъ замышляетъ дворцовый переворотъ, думая объ императорѣ Алексѣѣ II подъ регентствомъ его матери и мечтая стать при этомъ полнымъ распорядителемъ судебъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось страннымъ, почему министры позволяютъ себѣ дѣлиться содержаніемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы и съ супругой императора, безъ изпрошенія каждый разъ предварительнаго на то разрѣшенія самого царя. Говорю объ этомъ въ поясненіе того, что самый докладъ Протопопова на имя не государя, а государыни, меня не удивилъ; удивило зато содержаніе доклада. Онъ былъ очень много-

словенъ и заключалъ въ себѣ выдержки изъ донесеній съ мѣстъ и заявленій правыхъ организацій о несомнѣнной обреченности всякой попытки поднять возстаніе; выводъ доклада былъ таковъ, что русскій народъ не допуститъ революціи и расправится съ революціонерами, а потому и беспокоиться нечего. Я ужъ прежде сталкивался съ нашими крайне правыми организаціями: имѣлъ случай къ нимъ приглядѣться во время сентябрьской ревизіи, вызванной московскимъ нѣмецкимъ погромомъ; тогда я пришелъ къ добросовѣстному выводу о несерьезномъ — позволю себѣ выразиться рѣшительнѣе, — о бутафорскомъ ихъ характерѣ*. Поэтому я не могъ не поразиться, что же это за министръ, который черпаетъ воду изъ такихъ мутныхъ источниковъ: неужели онъ настолько, по меньшей мѣрѣ, наивенъ, что вѣрилъ всей этой шумихѣ? Не говоря еще Протопопову о его запискѣ императрицѣ, лежавшей тогда передо мной на столѣ, я спросилъ его, замѣчалъ ли онъ признаки надвигавшейся революціонной вспышки. Онъ отвѣтилъ, ни на мгновеніе не поколебавшись, безъ какихъ либо оговорокъ, что близость революціи для него была несомнѣнна. Помнится, онъ прибавилъ, что имѣлъ о томъ исчерпывающія донесенія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ. Такой рѣшительный отвѣтъ меня, признаюсь, озадачилъ, и я поставилъ Протопопову вопросъ, почему же онъ почти наканунѣ переворота представилъ императрицѣ записку съ увѣреніями, что революція невозможна. И Протопоповъ далъ отвѣтъ, что хотѣлъ успокоить царицу и царя. Не знаю, былъ ли этотъ отвѣтъ правдивъ, но иногда и ложь очень показательна: ни въ голосѣ, ни въ глазахъ Протопопова не чувствовалось того смущенія, которое долженъ испытывать министръ, сознающійся почему бы то ни было въ умышленномъ злоупотребленіи царскимъ довѣріемъ; было ясно, что Протопоповъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ такомъ обманѣ, какъ будто императорская чета — дѣти, а революція — горькое лѣкарство, которое лучше подластить.

Второе мѣсто въ Протопоповскомъ показаніи не менѣе характерно. Незадолго до войны пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Grand Hôtel на улицѣ Гоголя какой то хиромантъ, въ скорости ставшій очень моднымъ; если мнѣ память не измѣняетъ, онъ бралъ за предсказаніе 200 рублей, не теперешнихъ рублишекъ, а довоенныхъ рублей золотомъ; о немъ я слышалъ отъ одной изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, которой онъ (передъ этимъ она овдовѣла) предсказалъ замужество (что, однако, и до сихъ поръ, насколько я знаю, не испол-

* Я могу говорить только объ организаціяхъ московскихъ, но, и ограниченныя одною Москвою, мои наблюденія были поучительны. Организацій оказалось не менѣе 10, всѣ онѣ косились другъ на друга, дышали на ладанъ, а инныя прямо состояли на содержаніи министерства внутреннихъ дѣлъ, испрашивая у него пособія. Помню А. Г. Орлова, предсѣдателя одной изъ этихъ организацій, который обладалъ исключительной способностью получать субсидіи; былъ онъ мелкимъ служащимъ на Александровской желѣзной дорогѣ, но за сплоченіе правыхъ рабочихъ на этой дорогѣ (число которыхъ, какъ выяснилось, безсовѣстно преувеличилъ) получилъ даже Владиміра четвертой степени; я говорилъ съ нимъ дважды и убѣдился въ совершенной его некультурности: душа его явно не была вспахана ни подо что истинно человѣческое. Вспоминаю и Турчанинова, товарища предсѣдателя въ одной и предсѣдателя манифестаціонной комиссіи въ другой правой организаціи; ревизія установила, что онъ получилъ значительную сумму съ нѣмецкихъ торговцевъ и промышленниковъ, обходя ихъ передъ погромомъ и обѣщая свою защиту; во время погрома онъ за деньги же отстоялъ одинъ нѣмецкій магазинъ по Кузнецкомъ мосту, а вечеромъ въ первый день погрома кончилъ свои труды тѣмъ, что зашелъ въ уцѣлѣвшую нѣмецкую колбасную и, распорядившись отпустить ему колбасы и ветчины, сталъ громко хвалиться погромными подвигами, а затѣмъ спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ; трепещущая хозяйка отвѣтила, что все уже уплачено, и онъ, взявши свой ужинъ, торжественно удалился, такъ ничего и не заплативъ.

нилось). Передъ войной хиромантъ этотъ исчезъ, а во время войны оказался уже въ Стокгольмѣ и въ 1916 году возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему пріѣзда въ Петроградъ. На встрѣчу его домогательству пошелъ Протопоповъ, тогда уже управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но споткнулся о рѣшительное сопротивленіе военныхъ властей, имѣвшихъ опредѣленные свѣдѣнія, что этотъ предсказатель не что иное, какъ нѣмецкій шпіонъ. Само собой разумѣется, что верховной комиссіи хотѣлось узнать, какія побужденія были у русскаго министра просить за нѣмецкаго шпіона. Отвѣтъ Протопоповъ далъ вполнѣ искренній. Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, слушалъ его въ оба уха и не сомнѣваюсь, что онъ говорилъ правду. Да только правда эта была «хуже всякой лжи». Судите сами. По словамъ Протопопова, онъ, въ то время товарищъ предсѣдателя государственной думы, пожелалъ заглянуть очами хироманта въ свое будущее; тотъ предсказалъ ему высокую судьбу: предрекъ, что онъ будетъ стоять во главѣ правленія Россіи. И теперь, когда Протопоповъ милостью Распутина сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ захотѣлъ еще разъ поговорить съ пророкомъ и уяснить себѣ, полностью ли осуществилось его пророчество, или же эта должность только ступень къ дальнѣйшему восхожденію все выше и выше. Протопоповъ очень волновался, давая эти объясненія, но причины своего волненія онъ не потаилъ предъ нами: онъ страшился отягченной отвѣтственности при обвиненіи въ государственной измѣнѣ; но было ясно, что онъ ничего не видитъ страннаго и, я бы сказалъ, унижительнога уже въ самомъ фактѣ способствованія, ради суевѣрныхъ цѣлей гаданія, пріѣзду въ Россію какого то темнаго проходимца, уже въ самомъ фактѣ готовности помочь ему въ этомъ, безъ малѣйшаго поползновенія поставить себѣ вопросъ: а зачѣмъ понадобилось тому вновь перенести свое колдовство на почву изнемогающей отъ войны и непорядковъ чужой для него страны?

Я знаю, что о Протопоповѣ говорили, будто онъ страдаетъ прогрессивнымъ параличемъ. Правда ли это, мнѣ судить трудно. Однако, на мой взглядъ, ни въ рѣчи, ни въ поведеніи послѣдняго царскаго министра внутреннихъ дѣлъ не было видимыхъ признаковъ этой страшной болѣзни; не было ихъ и въ его государственной дѣятельности, шаблонно бездарной: если ужъ ставить медицинскій діагнозъ въ зависимости отъ пріемовъ властвованія, то, смѣю думать, прогрессивнымъ паралитикомъ легче назвать Ленина, чѣмъ Протопопова*.

Подробнѣе останавлиюсь я на допросѣ И. Г. Щегловитова. Къ его допросу подготовка возложена была на меня, и я отъ нея не уклонился. Мнѣ пришлось за это выслушать не мало непріятныхъ словъ и непосредственно, и по телефону, и на письмѣ. Какъ то уже во время большевицкой революціи, когда я жилъ въ Харьковѣ, одинъ судебный дѣятель, близкій къ семьѣ И. Е. Ильяхенка, товарища министра при Щегловитовѣ, передавалъ моей женѣ, что Щегловитовъ, при допросѣ, смотрѣлъ на меня съ кроткимъ упрекомъ. Я близорукъ, а потому могу только сказать, что такого взгляда не замѣтилъ. Но утверждаю, что Щегловитовъ ни въ чемъ упрекать меня оснований не имѣлъ: я не былъ съ нимъ связанъ общностью дѣятельности, я не былъ ему обязанъ личною благодарностью**; онъ и самъ никогда не заблуждался, что его нерасположеніе ко

* Писано въ Польшѣ, въ волынскомъ захолустѣ, еще въ началѣ великаго поста 1922 года, до первыхъ извѣстій о болѣзни Ленина.

** Всякій, кто служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ при Щегловитовѣ (1906—1915 г. г.), знаетъ, что всѣ мы тогда раздѣлялись на опричнину (щегловитовцевъ) и земщину. Я принадлежалъ къ земщинѣ и не скрывалъ своего нерасположенія къ тому порядку ве-

мнѣ встрѣчаетъ взаимность и что мы расходимся не на личной почвѣ. Положа руку на сердце, смѣло скажу, что Ивану Григорьевичу Щегловитову я никогда не желалъ зла, а только съ болью и негодованіемъ глядѣлъ, какъ министръ Щегловитовъ раскидываетъ по бревнышку зданіе русскаго суда, которое, несмотря на всѣ свои недочеты, было, по моему глубокому убѣжденію, возведено нашими отцами лучше всѣхъ другихъ построекъ русской государственности. Негодованіе мое значительно остыло, когда Щегловитовъ сталъ для судебного вѣдомства вчерашнимъ днемъ, а ко времени допроса въ крѣпости даже покрылось сѣрымъ покровомъ пепла, такъ какъ я успѣлъ убѣдиться, что неуваженіемъ къ суду грѣшатъ у насъ, въ Россіи, не одни правые, а не меньше ихъ и лѣвые: тѣ и другіе (я не говорю объ исключеніяхъ, насчитываемыхъ, пожалуй, только десятками) видятъ въ судѣ не суперарбитра, а *porte-voix*.

Члены комиссіи Щегловитову, какъ и другимъ случалось, задавали безцѣльные вопросы, то-есть не касающіеся уголовно-наказуемыхъ дѣяній, а иногда и неосновательные. Но тутъ я не выдержалъ и во имя справедливости защищалъ допрашиваемаго. Помню два вопроса, предложенные сенаторомъ Н. Д. Соколовымъ, который начиналъ ихъ словами:

— А скажите, пожалуйста, господинъ Щегловитовъ * . . .

щей, при которомъ министръ юстиціи былъ дубликатомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей. Отецъ мой оставилъ мнѣ боярское имя въ лѣтописяхъ русскаго суда и я, поверставшись въ опричники, чувствовалъ бы себя Аванасіемъ Вяземскимъ. Работая только для правосудія (въ мѣру своихъ знаній и способностей), ничѣмъ не служа внѣсудебнымъ видамъ Щегловитова, я ничего и не могъ получить отъ него: если при немъ я былъ назначенъ изъ членовъ судебной палаты въ товарищи оберъ-прокурора сената, то это (я уже упоминалъ) было сдѣлано ради облегченія Н. С. Крашенинникова; если я получилъ по докладамъ Щегловитова крестъ и чинъ (двѣ награды въ теченіе девяти лѣтъ), то это было заурядъ съ прочею земщиною (въ соотвѣтствіи съ занимаемой должностью); если онъ поручилъ мнѣ наблюдать за слѣдствіемъ, въ форму котораго была облечена ревизія гражданскихъ департаментовъ московской судебной палаты, то это объясняется тѣмъ, что нужно было найти такого чина прокуратуры, который бы стоялъ на своихъ ногахъ въ качествѣ цивилиста.

Не было у меня и частныхъ отношеній къ Щегловитову. До того, какъ онъ вышелъ въ большіе люди, я съ нимъ встрѣчался въ Псковѣ, куда онъ пріѣзжалъ навѣщать своего сына-кадета и гдѣ я служилъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Тогда онъ былъ сотрудникъ еженедѣльника «Право», читалъ судебные уставы и возражалъ противъ нажима на судъ. Помню рассказъ его о томъ, какъ ему, по должности товарища прокурора петербургскаго окружнаго суда, пришлось присутствовать при смертной казни Ульянова (брата Ленина), Генералова и др., совершенной въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1887 году. Онъ говорилъ, что считалъ такое порученіе (павшее на него, какъ на самаго младшаго) чрезвычайно тяжелымъ, не могъ передъ казнью сомкнуть глазъ (ночевать пришлось въ крѣпости) и утромъ, ожидая телеграммы о высочайшемъ помилованіи, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь оттянуть казнь, пока не настояли на ея совершеніи комендантъ крѣпости и жандармскій офицеръ. Слова рассказа звучали такъ искренно, что я не имѣю никакихъ основаній подозрѣвать рассказчика въ притворствѣ.

Впрочемъ, даже будучи товарищемъ министра, Щегловитовъ выразилъ одобреніе свободолобивымъ рѣчамъ друга моего И. И. Еропкина, за которыя, ставъ министромъ, не хотѣлъ его повышать; мало того, Щегловитовъ, уже въ качествѣ министра, встрѣтивъ въ Таврическомъ дворцѣ, при первой думѣ, профессора М. П. Чубинскаго, говорилъ ему, что теперь воздухъ не тотъ и легко дышится. Но еще въ январѣ 1906 года Н. Н. Таганцевъ предупреждалъ меня, что Щегловитовъ, передъ кѣмъ нужно, круто повернулъ вправо.

* Изъ моего упоминанія о такомъ обращеніи видно, что оно кажется мнѣ неудачнымъ. Чтобы не оставить читателей въ недоумѣніи, почему же я противъ обращеній этого рода, скажу о томъ нѣсколько словъ, въ подстрочномъ примѣчаніи.

Есть два типа народовъ: западный, гдѣ больше значенія придаютъ родовому прозвищу, и восточный, гдѣ на первое мѣсто выдвигаютъ личное имя, а то и вовсе имъ однимъ.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ былъ: почему вы не давали ходу ни одному поляку? Другой вопросъ: почему былъ уволенъ безъ прошенія товарищъ предсѣдателя Новгородскаго окружнаго суда Мясоѣдовъ?

Мнѣ стало стыдно за комиссію, когда я услышалъ такіе вопросы. Во первыхъ, если бы Щегловитовъ и притѣснялъ поляковъ болѣе, нежели другіе министры, что же въ этомъ преступнаго съ точки зрѣнія уголовнаго закона? А во вторыхъ, при Щегловитовѣ были назначены: В. А. Желиховскій — первоприсутствующимъ Общаго собранія, А. А. Глицинскій — сенаторомъ уголовнаго кассационнаго департамента, А. Л. Якубовскій — товарищемъ оберъ прокурора гражданскаго кассационнаго департамента, В. Б. Зегартъ, членомъ петроградскаго и товарищемъ предсѣдателя великолукскаго окружнаго суда. Фамиліи этихъ четырехъ лицъ я вспомнилъ тогда разомъ; изъ нихъ послѣдніе двое ни въ какомъ смыслѣ не могли быть названы щегловитовцами. О Мясоѣдовѣ многое можно было бы сказать, но достаточно одного: онъ былъ уволенъ (согласно прошенію и съ усиленной пенсіею) при министрѣ юстиціи М. Г. Акимовѣ, когда Щегловитовъ былъ директоромъ перваго департамента министерства, то-есть никакого касательства къ вопросамъ личнаго состава не имѣлъ. Я и отвѣтилъ такъ Соколову за допрашиваемаго и обязываюсь не таить правды: Соколовъ въ перерывѣ добродушно оправдывался тѣмъ, что его ввели въ заблужденіе толки въ адвокатскихъ кругахъ. Я цѣню добродушіе, позволяющее спокойно признавать свои ошибки, но, конечно, лучше было бы готввиться къ допросу тщательнѣе.

Какого характера были мои вопросы, я покажу на двухъ примѣрахъ, которые отчетливѣе сохранились у меня въ памяти.

Первый вопросъ касался увольненія старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты, сенатора А. В. Кочубея отъ должности старшаго предсѣдателя. Кочубей какъ то изъявилъ желаніе уйти съ этой должности въ сенатъ, но вслѣдъ за тѣмъ передумалъ и прислалъ на имя министра письмо, въ которомъ бралъ заявленное имъ желаніе назадъ. Спустя приблизительно годъ, Щегловитовъ захотѣлъ убрать Кочубея изъ Тифлиса и поднесъ государю къ подписанію именной указъ, коимъ повелѣвалось Кочубею присутствовать въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, съ увольненіемъ, согласно прошенію (котораго не было), отъ должности старшаго предсѣдателя, то-есть допустилъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ завѣдомую ложь, или, иными словами, совершилъ должностной подлогъ.

Второй вопросъ касался убійства въ Одессѣ Ишера (кажется, не искажаю фамиліи). Ишеръ этотъ, по національности еврей, былъ революціонеръ и содержался подъ стражею въ одномъ изъ одесскихъ мѣстъ заключенія. Онъ былъ убитъ ночью, когда его, по распоряженію временнаго генераль-губернатора, генерала Толмачева, переводили изъ одной тюрьмы въ другую; сопровождавшій арестанта конвой донесъ, что убійство вызвано было попыткой бѣжать. Трупъ за-

---

ограничиваются. Тогда какъ у древнихъ римлянъ личныхъ именъ было мало и на нихъ не обращали вниманія, у древнихъ грековъ, при полномъ отсутствіи фамилій, личныя имена звучали гордо и появились отчества. И теперь, сравните, на примѣръ, французовъ съ русскими: противоположность запада и востока встанетъ во весь ростъ. Мы принадлежимъ къ восточному въ этомъ отношеніи типу, и обращеніе по фамиліи насъ коробитъ, отзываясь школою или казармами.

Я, конечно, не хочу сказать, что Щегловитова слѣдовало именовать Иваномъ Григорьевичемъ или вашимъ высокопревосходительствомъ, но вѣдь и безъ какого либо обращенія онъ, сидя противъ насъ, видѣлъ, что спрашиваютъ именно его.

копали, и дѣло пока покончили. Но въ скорости какой то полицейскій чинъ явился съ повинною удостовѣряя, что участвовалъ въ убійствѣ Ишера, который и не думалъ покушаться на побѣгъ: просто, генераль Толмачевъ приказалъ отдѣлаться отъ Ишера, и самое распоряженіе о переводѣ его въ другую тюрьму было отдано для того, чтобы дорогою съ нимъ покончить. Заявитель передъ тѣмъ потерялъ свое мѣсто въ полиціи, такъ что явка его съ повинною могла вызывать сомнѣніе; но тѣло убитаго было, въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій, вырыто, и экспертиза установила, что онъ убитъ выстрѣломъ въ лобъ и почти въ упоръ. Дальнѣйшее слѣдствіе еще болѣе подтвердило слова заявителя, и потому возбужденъ былъ вопросъ объ отвѣтственности Толмачева; но Щегловитовъ испросилъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла, то-есть, по мнѣнію моему, не только допустилъ превышеніе власти*, но сталъ укрывателемъ убійцы**.

На мои вопросы Щегловитовъ не далъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ: на первый, помнится, онъ отвѣтилъ, что Кочубей не могъ быть оставленъ на должности старшаго предсѣдателя, а упоминаніе въ указѣ о томъ, будто увольненіе состоялось по прошенію, должно было звучать пріятнѣе для самого же Кочубея; на второй — бывшій министръ юстиціи только развелъ руками и тихо сказалъ, что ему казалось лучше не доводить дѣло до суда во имя охраненія власти отъ дискредитированія. Тутъ Муравьевъ не выдержалъ и горячо (но совершенно неумѣстно) напалъ на допрашиваемаго, возмущаясь его отвѣтомъ. Допросъ былъ прерванъ.

Про Щегловитова говорили тогда, что онъ сходитъ съ ума: заговаривается и галлюцинируетъ. Насколько это правда, не знаю; на допросѣ онъ велъ себя съ достоинствомъ и съ гораздо большимъ самообладаніемъ, чѣмъ нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ. Но преступленія, конечно, остаются преступленіями, и онъ за нихъ, какъ совершившій ихъ въ полномъ разсудкѣ, долженъ былъ отвѣчать: большевики поступили иначе: они не стали разбирать, въ чемъ онъ виновенъ, и разстрѣляли его просто за то, что онъ былъ министромъ, то-есть сдѣлали его изъ преступника стратотерпцемъ.

Уже ко времени допроса Щегловитова я сталъ задумываться, не лучше ли мнѣ выйти изъ комиссіи. Я вчужѣ понималъ увлеченіе работавшаго о бокъ съ нами П. Е. Щеголева, который съ любопытствомъ историка ревностно рылся въ бумажномъ потопѣ разгромленнаго департамента полиціи (въ пресловутомъ зданіи у Цѣпного моста), но мое бѣличье колесо не позволяло мнѣ работать ни на будущіе годы, ни на слѣдующіе дни: на меня бессмысленно глядѣлъ каждый разъ одинъ текушій день, вырванный изъ живой связи со вчерашнимъ и завтрашнимъ. Историческихъ матеріаловъ я не собиралъ и собирать не могъ; а если бы и могъ, такъ не посмѣлъ бы, пока арестованные томились за рѣшеткою, ожидая, когда же мы кончимъ слѣдствіе. Освободить тѣхъ изъ нихъ, которые провинились только въ томъ, что не угодили новымъ правителямъ, у меня не было власти. Поса-

* Я уже говорилъ, что русскій царь съ изданія судебныхъ уставовъ отказался отъ участія въ отправленіи правосудія, оставивъ за собой только право помилованія уже осужденныхъ преступниковъ. По основнымъ законамъ царь не подлежитъ отвѣтственности передъ людьми, но министръ, спрашивающій у царя такое распоряженіе, которое нарушаетъ законъ, долженъ отвѣчать за превышеніе власти.

** Всякое незаконное дѣйствіе должностнаго лица съ цѣлью освободить преступника отъ суда и грозящаго наказанія не можетъ не быть разсматриваемо, какъ укрывательство преступника.

дить на скамью подсудимыхъ Протопопова, Щегловитова и всѣхъ тѣхъ, за кѣмъ оказывались дѣйствительныя преступленія, у меня не было вкуса: наказаніе, всегда по существу болѣе или менѣе грубое воздѣйствіе на человѣческую личность, можетъ быть (моею, по крайней мѣрѣ, совѣстью) оправдано лишь подѣ условіемъ, что оно является внѣшнимъ выраженіемъ общаго запрета портить источники воды живой; и я отказывался понимать наказаніе, когда оно сводится къ окрику: не у того сосѣда ты всду портилъ.

Тяжесть бессмысленной работы и ощущение смутное, но безпокоющее, вогнанное внутрь, но не затихающее, что и подѣ новыми вывѣсками мы попрежнему куда то уносимся въ темную даль безъ руля и компаса, привели меня къ тому, что я сталъ страдать сердечными припадками. Докторъ Манухинъ началъ меня уговаривать, чтобы я бросилъ комиссію, ушелъ изъ нея. Пока я колебался, боясь желаніе принять за достаточное основаніе для рѣшительнаго шага, произошло въ связи съ работою комиссіи, но внѣ ея, одно . . . право, не знаю, какъ назвать . . . событіе, не событіе . . . одинъ разговоръ, покушеніе на пѣчто ужасное, но покушеніе, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Какъ бы то ни было, это положило конецъ моимъ колебаніямъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. А. А. Вырубову выпустили таки изъ крѣпости. Пока она еще сидѣла подѣ замкомъ, къ ней, какъ и къ другимъ арестантамъ, докторъ Манухинъ относился съ теплымъ участіемъ. По выходѣ изъ заключенія, она, повидимому очень тронутая этимъ, стала приходиться къ нему, какъ пациентка, и познакомилась съ его женой, человѣкомъ большого образованія, собственныхъ и своеобразныхъ мыслей и несомнѣннаго писательскаго дара. И пришло Вырубовой въ голову, не можетъ ли Т. И. Манухина быть редакторомъ ея воспоминаній. Трудъ, конечно, не малый, но воспоминанія, — легко себѣ представить, — высокаго историческаго интереса. И госпожа Манухина охотно пошла навстрѣчу. Я такъ и не знаю, далеко ли подвинулось писаніе этихъ воспоминаній, да и не о томъ моя рѣчь. Муравьевъ бывалъ у Манухиныхъ, и какъ то разъ Т. И. Манухина, — къ слову пришлось, — сообщила ему, чѣмъ она теперь занята. И тогда Муравьевъ попросилъ ее позволить ему снять для комиссіи копию съ воспоминаній Вырубовой: Вырубова и знать объ этомъ не будетъ, и все обойдется благополучно. Еще не успѣвъ успокоиться отъ такого предложенія, Т. И. Манухина подѣлилась имъ со мною, и я, лишній разъ убѣдившись, какъ близки приемы реакціоннаго и революціоннаго «правосудія» (по истинѣ *les extrémités se touchent*), рѣшилъ окончательно, что Муравьеву и мнѣ, намъ не по пути.

Когда я заявилъ своему предсѣдателю, что ухожу изъ комиссіи, онъ обезпокоился. Дорожить онъ мною не могъ:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали;

но ему хотѣлось почему то возвѣстить *urbi et orbi*, что я покидаю комиссію не по расхожденію съ нимъ, а дѣйствительно по болѣзни.

Сердечные припадки мои все усиливались, такъ что болѣзнь у меня была невымысленная; говорить о томъ, каково мое отношеніе къ Муравьеву, постороннимъ лицамъ я считалъ излишнимъ, пока не остыну. Поэтому на просьбу Муравьева я отвѣтилъ согласіемъ: если газетные сотрудники спросятъ меня о причинѣ моей отставки, я уклончиво сошлюсь только на болѣзнь. Про основную

причину моего «исхода» мы и наединѣ другъ съ другомъ не говорили: лишь глаза выдавали взаимное наше пониманіе; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ чувствовалось.

Я былъ уволенъ во второй половинѣ мая. Должность мою занялъ Б. Н. Смиттенъ, а на его мѣсто попалъ А. Ф. Романовъ, тогда числившійся прокуроромъ виленской судебной палаты.

Зайдя уже послѣ приказа объ отставкѣ въ Зимній Дворецъ проститься съ бывшими сотоварищами, я былъ, волею Муравьева, поставленъ лицомъ къ лицу съ нѣсколькими газетными сотрудниками. Но тутъ выяснилось, что имъ онъ сказалъ, будто бы я хочу говорить съ ними. Я заявилъ на чистоту, что самъ ни о чемъ не предполагалъ имъ сообщать для печати, но, исполняя желаніе предсѣдателя комиссіи, могу лишь удостовѣрить подлинность моего болѣзненнаго состоянія. Кто то изъ нихъ выразилъ тутъ же сомнѣніе въ томъ, чтобы такое сообщеніе могло представлять интересъ для читателей. Я не удержался отъ улыбки и отвѣтилъ, что вполне съ нимъ согласенъ. Тѣмъ все кончилось. Потомъ я слышалъ, что лишь въ одной газетѣ было напечатано нѣсколько строчекъ о моей болѣзни; прочія ограничились перепечаткою приказа.

3. ВНѢ ПЕТРОГРАДА.

Мнѣ остается дописать въ этой части своихъ воспоминаній очень немного: нѣсколько отрывочныхъ впечатлѣній, нѣсколько бѣглыхъ разговоровъ, вотъ и все.

Я уѣхалъ изъ Петрограда въ Ялту, думая просто отлежаться на солницѣ у моря. По дорогѣ задержался подъ Харьковомъ на жениномъ хуторѣ, гдѣ тогда проживала она съ дочерьюми.

Хуторъ подарилъ меня разговоромъ съ Иваномъ изъ деревни, что лежитъ у самаго хутора, подъ горою. Всѣ крестьяне тамъ Иваненки, за малыми исключеніями, а прозвища его я теперь не припоминаю. Мужикъ умный, дѣльный, жадный на работу и, конечно, на землю. Онъ, да еще Евдокимъ (этотъ — мечтатель) — два самыхъ выдающихся человѣка въ деревнѣ. Такъ вотъ, Иванъ спокойно и съ полнымъ убѣжденіемъ заявилъ, что ему рѣшительно все равно быть русскимъ (онъ сказалъ: «русскимъ» а не «украинцемъ») или нѣмцемъ: дадутъ ему больше земли нѣмцы, такъ онъ и будетъ нѣмцемъ. И я почувствовалъ, что это не циничное «ubi bene, ibi patria», а наивность человѣка еще не осознавашаго своей національности. Я понялъ, что такъ ощущаютъ (не разсуждаютъ, а именно ощущаютъ) и почти всѣ вокругъ Ивана, и что поэтому никакой связи между «господами» и «мужиками» нѣтъ и быть не можетъ. И я впервые тяжело раздумался надъ тѣмъ, что всѣ попытки образовать существенное въ родѣ русичъ, русинъ, россъ, россиянинъ были безуспѣшны и мы въ обиходѣ своемъ удовольствовались прилагательнымъ русскій, а вѣдь все, что постоянно занимаетъ нашу мысль, выражается по русски существительными (сравните: ученый и купецъ). И я впервые остановился на предположеніи, что и въ 1612 году мы были спасены, вѣроятно, не національнымъ, а скорѣе религіознымъ подъемомъ; не даромъ движеніе поднялъ патріархъ Гермогенъ, готовый признать царемъ поляка Владислава, если онъ приметъ православіе: папешники,

латынники въ московскомъ Кремлѣ и люторцы въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, вотъ что оскорбляло православный народъ. А если это такъ, то . . . И я замиралъ на порогѣ вывода.

Въ самомъ Харьковѣ также помнится одинъ разговоръ, совершенно случайный, съ какимъ то инженеромъ, сосѣдомъ въ столовой гостиницы. Онъ рассказывалъ мнѣ и о Петроградѣ, и о Баку. Про Петроградъ помню слѣдующее: на какомъ-то заводѣ (онъ называлъ, да я забылъ), изготовлявшемъ военное снаряженіе, рабочіе рѣшили впредь изготовлять плуги; имъ было объяснено, что, при ихъ заработной платѣ и производительности ихъ работы, русскій плугъ обойдется неизмѣримо дороже заграничныхъ, съ доставкой тѣхъ на мѣсто; рабочіе было призадумались, но затѣмъ рѣшили: все таки будемъ изготовлять плуги; во что бы они тамъ ни обошлись, а продавать ихъ нужно по цѣнѣ заграничныхъ; разницу же пусть доплачиваетъ казна. Про Баку онъ рассказывалъ, какъ рабочіе взяли въ свои руки заводъ (и этотъ заводъ онъ называлъ, да память моя имени не удержала) и мѣсяца въ три довели его до совершеннаго разстройства: онъ передавалъ, какъ рабочимъ нѣсколько разъ пришлось просить бывшего собственника, инженера съ большимъ опытомъ, исправлять попорченныя машины и какъ рабочимъ было отказано банкомъ въ кредитѣ. Собесѣдникъ мой говорилъ со злорадствомъ, а я слушалъ съ нарастающимъ страхомъ за наступающій день.

Осталось у меня острое впечатлѣніе и отъ разговора въ вагонѣ желѣзной дороги между Харьковомъ и хуторомъ. Въ вагонѣ второго класса для некурящихъ закурили почти всѣ, не исключая и дьякона. Это бы еще ничего: бывало такъ и раньше*, но вотъ, что случилось. Блѣдный телеграфистъ чахоточнаго вида, закашлявшись отъ дыма, сталъ возражать противъ нарушенія правила; его поддержалъ я одинъ, а на обоихъ насъ обрушились всѣ, во главѣ съ дьякономъ: по согласному убѣжденію всѣхъ, теперь (я пишу о лѣтѣ 1917 года, когда было временное правительство) прежніе законы и правила вообще и разомъ отмѣнены, потому что свобода гражданъ не можетъ быть стѣсняема существованіемъ какого либо закона или предписанія. Сидѣвшій противъ меня мелкій желѣзнодорожный чинъ сожалительно замѣтилъ, что мои сужденія объясняются «необразованіемъ и несознательностью». Я, не удержавшись, возразилъ, что читаю лекціи по праву въ высшемъ учебномъ заведеніи, на что получилъ вызвавшій всеобщее одобреніе отвѣтъ: «нечего теперь образованіемъ то хвастаться». Добавлю, что большинство ѣхало по служебнымъ билетамъ и по билетамъ третьяго класса.

Когда мнѣ пришлось уѣзжать изъ Харькова въ Ялту, то болѣзненное мое состояніе вынудило меня предпочесть спальный вагонъ международнаго общества. Носильщикъ, выговоривъ себѣ 10 рублей (это въ 1917 году), обѣщалъ водворить меня съ чемоданомъ въ купэ безъ помѣхъ. Помню, какъ мы оба скакали по путямъ (онъ не пожелалъ воспользоваться переходомъ надъ путями: «только проволочка одна») и перелѣзали черезъ нѣсколько поѣздныхъ составовъ, пока не были благополучно впущены проводникомъ въ вагонъ международнаго общества. Вагонъ былъ на ключѣ и въ немъ корридоръ оставался свободенъ, тогда какъ въ прочіе вагоны люди такъ и лѣзли, набивая и забивая ихъ до

---

* Еще въ 1898 году около Пскова двое нѣмцевъ, пытавшихся курить въ вагонѣ второго класса для некурящихъ и даже открыть окно (въ декабрѣ), были приведены къ необходимости подчиниться правиламъ вслѣдствіе моей настойчивости. На мой упрекъ, что въ Германіи они себѣ этого бы не позволили, они уже безъ наглости, а въ видѣ оправданія, возразили: «То — въ Германіи, а въ Россіи — все можно».

отказу. Проводникъ, измученный и злой, говорилъ, что все идетъ еще благополучно: только ругаются; а чаще случается, что двери высаждаютъ, стекла въ окнахъ побьютъ, самого «по уху съѣздить» и ворвутся въ вагонъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ при остановкахъ на станціяхъ поднимать оконную раму: «Не всякій стекло выдавить, въ открытое окно всякій влѣзетъ». Доѣхалъ я, впрочемъ, безъ приключеній, и въ вагонѣ насъ было человѣкъ всего около десяти. Проводникъ удивлялся, какое намъ выпало рѣдкое счастье. Дѣйствительно, всюду стучались, брались, но никто не полѣзъ на прямой штурмъ*.

Въ Ялтѣ я отлежался въ подлинномъ смыслѣ слова: бывалъ только въ семьѣ покойнаго дяди моего, сенатора В. Р. Завадскаго. И съ этими посѣщеніями у меня связано слѣдующее воспоминаніе. Служила у нихъ кухарка Паша, или Прасковья Александровна, донская казачка, изъ одной станицы съ Илюдоромъ, царицынскимъ чудодѣемъ. Женщина грамотная, толковая съ уклономъ къ общему уравнию во имя справедливости, она была не дурнымъ человѣкомъ. Какъ то она пошла куда то на митингъ домашней прислуги и, вернувшись, рассказывала, что на митингѣ было рѣшено меньшей размѣръ мѣсячнаго жалованья (когда человѣкъ, что называется, отъ сохи взять и ничего не умѣетъ) опредѣлить въ 30 рублей на полномъ содержаніи съ особой комнатою, непременно выходящей окнами на солнечную сторону. Упомянула она мелькомъ и о томъ, что распорядитель митинга, узнавъ отъ нея, какъ долго она служитъ на одномъ мѣстѣ, махнулъ рукой и молвилъ: «Ну, эта безнадежна. Намъ бы побольше такихъ, что часто мѣста мѣняютъ».

Съ пребываніемъ моимъ въ Ялтѣ соединено у меня еще одно небольшое, но характерное событіе. Еще при царѣ, движимый (быть можетъ, наивнымъ) желаніемъ нести больше тяготъ въ пользу отечества, я преувеличилъ свой доходъ, чтобы заплатить подходящий налогъ въ мѣру дѣйствительной моей платежеспособности. Когда временное правительство возвысило ставки, оказалось, что я долженъ заплатить вдвое болѣе предположеннаго мною. Какъ ни трудно, а нужно. Пришелъ я въ Ялтинское казначейство и принесъ деньги. А у меня ихъ не принимаютъ: скажите № того объявленія, которое вамъ послано. — Да оно у меня въ Петроградѣ осталось. — Ну, вы туда и поѣзжайте, а здѣсь платить нечего. — Да я здѣсь лѣчусь и не могу еще вернуться туда. — Ну, такъ послѣ уплатите. — Да вѣдь было объявленіе отъ правительства, чтобы скорѣе платили. — Мало ли еще что, а я принять не могу. Пришлось настаивать; едва добился, и то сенаторское званіе произвело впечатлѣніе.

Назадъ я уѣхалъ, уже значительно оправившись. Ёхать пришлось въ худшихъ условіяхъ. Особенно тяжело было попасть въ поѣздъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Носильщикъ взялъ съ меня уже 25 рублей и усадилъ на номерованное мѣсто въ первомъ классѣ; черезъ минуту начальникъ поѣзда выкинулъ меня съ чемоданомъ на платформу, крича, что мѣсто это занято. Но мой носильщикъ недаромъ взялъ деньги: онъ поджидалъ возлѣ, схватилъ чемоданъ снова и опять таки водворилъ меня на прежнее мѣсто, говоря: сидите безъ сомнѣнія, — мѣсто свободное; это «онъ» сорвать съ васъ, ненасытная душа, хочетъ; а

* Не могу промолчать о словечкѣ, которое мнѣ довелось услышать отъ моего носильщика. Когда мы съ нимъ перепрыгивали черезъ рельсы, я увидѣлъ безконечный рядъ бабъ съ большими вещами и, не успѣвъ сообразить, воскликнулъ: «И эти собрались на севастопольскій?» А носильщикъ успокоительно возразилъ: «Что вы, баринъ, онѣ поѣдутъ съ Максимъ Горькимъ». Оказалось, что Максимомъ Горькимъ зовутъ поѣзда съ вагонами IV класса.

что же изъ того, что номерокъ на билетъ я самъ проставилъ: въ кассѣ бы какъ разъ на занятое мѣсто выдали, а я ужъ знаю, гдѣ свободное; на меня положиться можно.

Я доѣхалъ до Петрограда благополучно, многими стѣсняемый, но никѣмъ не тревожимый. Два мѣсяца я провелъ за сенатскою работою, уходя съ головою въ цивилистику и этимъ пряча голову, какъ страусъ, въ кусты; не хотѣлъ ни вглядываться, ни вдумываться въ окружающее и въ надвигающееся. А надвигались и нѣмцы, и что-то еще.

Но объ этомъ — въ слѣдующихъ частяхъ моихъ воспоминаній о недавнемъ (и такомъ далекомъ) прошломъ.
